

НОВГОРОДИКА

NOVGORODICA

№ 1

2021

Министерство культуры Новгородской области
Новгородская областная универсальная научная библиотека

№ 1

НОВГОРОДИКА
NOVGORODICA

2021

АЛЬМАНАХ

Великий Новгород

2021

УДК 94(47-2-3)
ББК 63.3(2Рос-4Нов)
Н 72

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук Б.Н. Ковалёв, д-р филол. наук Т.В. Шмелёва,
д-р Э. Лёфstrand, д-р ист. наук. Е.А. Рыбина,
канд. ист. наук Г.М. Коваленко, канд. ист. наук В.Г. Смирнов,
канд. ист. наук И.В. Хохлов, учёный секретарь НГОМЗ Т.Н. Ярыш,
гл. ред. Е.В. Барканова, отв. ред. Т.А. Данько

Н 72 НОВГОРОДИКА : альманах / гл. ред. Е.В. Барканова ; Министерство культуры Новгородской области ; Новгородская областная универсальная научная библиотека. — Вып. 1. — М. : ООО «Издательство «Вече», 2021. — 224 с.

Первый выпуск просветительского альманаха «Новгородика» представляет материалы и исследования по истории и культуре Великого Новгорода, Новгородской земли IX—XXI вв. Содержание настоящего выпуска определяют публикации по отечественной истории в разрезе событий прошлого древнейшего русского города, вопросы социально-политического устройства, археологии, культурного наследия, искусства и зодчества, организации быта, документальные свидетельства, мемуары, обзор новых печатных изданий.

Отдельные материалы приурочены к юбилейным датам 2021 года: 800-летию со дня рождения государственного деятеля и полководца — князя Александра Невского, 200-летию со дня рождения великого русского писателя Ф.М. Достоевского и 100-летию художника-акварелиста С.И. Пустовойтова.

Знак информационной продукции 12+

ISBN 978-5-4484-3571-3

© Коллектив авторов, 2021
© Новгородская областная универсальная
научная библиотека, 2021
© Новгородский музей-заповедник, 2021
© ООО «Издательство «Вече», 2021

СЛОВО

<i>Никитин А.С., губернатор Новгородской области</i>	5
<i>Лев, Митрополит Новгородский и Старорусский</i>	7
<i>Барканова Е.В., главный редактор</i>	9

НОВГОРОД

<u>Янин В.Л.</u> Роль Новгорода в отечественной истории	11
<i>Шмелёва Т.В.</i> Откуда есть пошла новгородика	23
<i>Лёфstrand Э.</i> Шведская Новгородика	28
<i>Смирнов В.Г.</i> Новгородские исторические рассказы	35

ЭХО

<i>Кузнецов А.А.</i> Два Новгорода и владимирский князь Александр Ярославич Невский	43
<i>Ранне А., протоиерей.</i> Святой благоверный великий князь Александр Невский и его время	51
<i>Хохлов И.В.</i> «Ставил государь в Новегороде пятсот стрелцов...»	63
<i>Востров А.В.</i> Сухопутные дороги между Великим Новгородом и Карельским перешейком в XVI—XVII веках	68

EXTRANEА

<i>Коваленко Г.М.</i> От Гильбера де Ланноа до Роберта Байрона	75
<i>Мацумото К.</i> Целый год в Великом Новгороде	82

АРТЕФАКТЫ

<u>Янин В.Л.</u> Подземные этажи	87
<i>Пухначёва Е.Ю.</i> Декоративное резное дерево средневекового Новгорода	93

КАФЕДРА

<i>Конецкий В.Я., Трояновский С.В.</i> Шум-гора: новый тип средневековой фортификации в Новгородской земле	105
<i>Селин А.А.</i> Исследовательский проект «Новгород между кризисами — Novogradum inter discrimina»	118

ИМЕНА

<i>Ковалёв Б.Н.</i> Александр Невский. Жертва и герой идеологической борьбы...	125
<i>Терешкина Д.Б.</i> «Побеждал, но был непобедим»: агиографический образ Александра Невского	134
<i>Секретарь Л.А.</i> Вспоминая наши встречи с Дмитрием Сергеевичем Лихачёвым	140
<i>Кириллов А.Н.</i> Шахматный дебют	151

ДРЕВНОСТИ

<i>Жервэ Н.Н.</i> Новгородские древности глазами путешественников и паломников (первая половина XIX века)	161
<i>Свиньин П.П.</i> Несколько дней в Новгороде Великом	163

АРХИВ

<i>Дроздова Ж.В.</i> Материалы о Достоевском в «Новгородских епархиальных ведомостях»	172
---	-----

ВЕРНИСАЖ

<i>Володина Т.В.</i> Достоевский в графике Бориса Непомящего	178
<i>Васильева И.М.</i> «Моя Вселенная — Древний Новгород»	187

EXLIBRIS

<i>Брутман С.И.</i> На фоне мироздания	201
<i>Козлов С.А.</i> Время Янина	208
<i>Морылёва Н.И.</i> «У Новгорода нет старости, вопреки обилию в нем древностей»	211
<i>Терешкина Д.Б.</i> «На тонкой грани между...»	219

*Андрей Никитин,
губернатор Новгородской области*

Уважаемые читатели альманаха «Новгородика»! Древняя Новгородская земля, простиравшаяся от Балтики до Уральских гор, занимает особое место в истории нашего Отечества. Здесь зародилось Российское государство, жила и процветала первая Русская республика, носившая гордое имя Господин Великий Новгород. В эту землю уходят корнями многие достижения цивилизации, ставшие достоянием всей России.

Огромный вклад внесли новгородцы в развитие отечественного просвещения. В 1030 году по указу князя Ярослава Мудрого здесь была открыта первая русская школа. В древнем Новгороде большинство горожан умели читать и писать, что подтверждают берестяные грамоты, открытие которых стало археологической сенсацией XX века. Здесь была написана первая датированная книга на славянском языке — знаменитое Остромирово Евангелие, а библиотека Софийского собора не уступала по богатству лучшим библиотекам своего времени.

Новгородскую землю можно с полным правом назвать родиной русской науки. В 1136 году монах Антоньева монастыря Кирик-новгородец написал первый математический трактат под названием «Учения о числах», здесь создавалась первая русская энциклопедия под названием «Четьи Минеи», впитавшая огромный массив разнообразных знаний.

Великий Новгород служил своеобразным мостом между западноевропейской и русской цивилизациями. Задолго до того, как Петр I «прорубил окно в Европу», на этой земле уже была широко распахнутая «дверь», через которую шёл интенсивный обмен не только товарами, но также знаниями, технологиями и культурными достижениями.

Большой вклад внесли новгородцы в экономическую жизнь страны. Здесь впервые появился русский рубль, возникли первая русская биржа и первые купеческие корпорации, ставшие прообразом торгово-промышленных кампаний. В Новгороде были построены первые на Руси деревянные мостовые, первый водопровод и первый постоянный мост. Новгородские мастера подарили миру выдающиеся шедевры архитектуры и искусства. В Список Всемирного наследия ЮНЕСКО включены 37 новгородских памятников.

Ещё один секрет успехов Новгородской вечевой республики заключается в её уникальной политической системе, просуществовавшей около четырёх столетий. Город в целом, его концы и улицы представляли собой самоуправляемые общины. Жители сами решали свои жилищно-коммунальные вопросы, сами собирали налоги, сами строили храмы. А кто не слышал о знаменитом новгородском вече, на котором громко и весомо звучал глас народа?! Это была реальная представительная демократия, взращенная на национальной почве, а не позаимствованная извне. Демократические традиции Великого Новгорода сегодня выглядят особенно актуально. Думаю, что нам всем ещё предстоит много поработать и над воссозданием местного самоуправления, которое является корневой системой любой демократии.

Но главный секрет замечательных достижений Новгородской вечевой республики заключался в том, что новгородцы всегда много и напряжённо трудились. Наши предки прекрасно осознавали простую истину: чтобы лучше жить, надо лучше работать. И эту традицию мы тоже стараемся продолжать.

Новгородское историческое наследие представляет огромный интерес не только для историков, но и для решения сегодняшних актуальных проблем. Как и наши далекие предки, мы стремимся воспользоваться выгодами географического положения Новгородчины. Область расположена между двумя мегаполисами — Москвой и Санкт-Петербургом, по ней проходят федеральные автомобильные и железнодорожные трассы, магистральные нефте- и газопроводы, а также водные транспортные пути. Всеми этими преимуществами мы можем и должны воспользоваться для развития экономического потенциала региона, что позволит поднять уровень жизни сегодняшних новгородцев.

Мы приглашаем всех россиян, а также иностранных гостей посетить нашу древнюю землю. Здесь вы сможете прикоснуться к истокам нашего государства, откроете для себя богатейшую сокровищницу национальной культуры, перед вами широко распахнутся двери наших замечательных музеев, вы сможете по достоинству оценить традиционное новгородское гостеприимство. Вместе с тем наш регион живёт полноценной современной жизнью: развивается промышленность, социальная сфера, идет масштабное строительство, создаётся комфортная и благоприятная среда для горожан и туристов.

Желаю альманаху «Новгородика» ярких, содержательных публикаций и благодарных читателей!

Митрополит Новгородский и Старорусский Лев

Целью христианской жизни является формирование личностного соответствия вечности. В современном секулярном понимании понятие вечности очень часто заменяется словосочетанием «благодатная память будущих поколений». Отнюдь не все об этом задумываются, и не всех такая перспектива удовлетворяет. Для христианского самосознания важно, чтобы человек не забыл Бога. Чтобы жизнь протекала соответственно Божественному замыслу о нём, чтобы этот замысел его интересовал и, если угодно, он им мучился. В этом отношении православный христианин самим строем православной культуры приучается через таинство покаяния к ответственности не только за свои внешние поступки и слова, но и за саму выстроенность внутренних устремлений. Но, оставаясь человеком, погружённым в мир светских отношений, христианин, так или иначе, совершает ошибки, уклоняется от главной цели своей жизни. Если же он остаётся при этом верным сыном своей Церкви, это его беспокоит, он пытается осознать свои неудачи и, по возможности, исправить свои жизненные пути, сделать их, выражаясь словами святого Иоанна Крестителя, «прямыми». Но это касается не только отдельных людей. Этот способ построения здания жизни, истории приложим также и к семье, и к национальному сообществу, и к человеческой истории.

Любопытство — это ведь не единственное и совсем не главное значение истории как науки. А вот извлечение исторических уроков нравственного и практического характера чрезвычайно важно во всех смыслах. И для того, чтобы эти уроки были действительно значимыми, необходима научная честность, которая руководствуется не политической целесообразностью, а вечными, неизменными принципами. Это очень не просто. Для этого исследователю часто требуется великое мужество. Но только историческая Правда даёт народу права на значимость своего существования.

История Новгородской земли и в своих частностях, и в своей ещё не законченной целостности имеет чрезвычайно важное и, в некотором смысле, даже определяющее значение в истории нашего Отечества. Вот почему вовлечение в дискуссионные размышления об истории Великого Новгорода наших соотечественников имеет огромное

значение. Нравственная оценка событий и личностей, преступлений и наказаний, духовных подвигов и низости предательств — это то, что делает историю средством воспитания гражданина, ответственного за будущее своей Родины и за свою жизнь перед Богом.

В этом отношении хотелось бы пожелать открывающему свои страницы историческому альманаху «Новгородика» ответственных за своё творчество авторов и вдумчивых, интересующихся историей своего народа, своей земли читателей.

Божие благословение да пребывает на всех наших добрых трудах!

Митрополит Новгородский и Старорусский -

Елена Барканова,
главный редактор

Уважаемые авторы и читатели, перед вами первый номер историко-культурного альманаха «Новгородика»!

Выпуск настоящего издания — это, прежде всего, воплощение в жизнь идеи команды энтузиастов-просветителей и появление преемника выходявшего в свет с 1995 года университетского альманаха «Чело». Просветительский альманах «Новгородика», получив весьма распространённое «говорящее» название, во многом перекликается со своим предшественником по тематике и структуре и, верится, что достойно займёт освободившуюся нишу печатных изданий — популяризаторов истории, и станет связующим звеном между академической наукой и широкой аудиторией читателей.

Изучение истории, сформировавшихся традиций, собственных «корней» нам необходимо, прежде всего, в качестве ценностных ориентиров развития современного общества. По меткому высказыванию Н.М. Карамзина, именно история — *«скрижаль откровений и правил; завет предков к потомству; дополнение, изъяснение настоящего и пример будущего»*. Незнание её приводит к вольному обращению с историческими фактами, потере национальной принадлежности, государственности.

Материалы альманаха адресованы всем интересующимся вопросами отечественной истории, в первую очередь — новгородской. Повседневные дела новгородцев, знаменательные события, обширное культурное наследие, яркие личности, впечатления современников, строки архивных документов, путевых заметок, изобразительное искусство и зодчество представлены в неразрывной связи с историей и культурой России.

Авторами первого номера выступили известные отечественные и зарубежные исследователи — историки, археологи, филологи, искусствоведы, краеведы, одним словом, те, для кого Великий Новгород и Новгородская земля, если не по рождению, то по зову сердца и пытливого ума стали близкими и родными.

В публикуемых статьях взгляд современников на исторические события на Новгородской земле в ранний период, средневековье и в наши дни, как глобальные, так и частного характера; взгляд изнутри с опорой на документальные источники на новгородское общество, судьбу его персоналий, стрелецкую службу, транспортное

сообщение между Великим Новгородом и его соседями; впечатления путешественников, погружение в изобразительное искусство и, наконец, знакомство с новыми печатными изданиями, относящими нас к истории нашей земли.

Отдельные блоки материалов из разных рубрик приурочены к юбилейным датам 2021 года: 800-летию со дня рождения государственного деятеля и полководца — князя Александра Невского, 200-летию со дня рождения великого русского писателя Фёдора Михайловича Достоевского и 100-летию художника-акварелиста Семёна Ивановича Пустовойтова — жизнь и деятельность каждого из них связана с Новгородской землёй.

Дискуссионные вопросы нашей истории и авторские гипотезы о происхождении либо характере того или иного события, артефакта, сооружения также нашли своё отражение в рубрике «Кафедра».

Редакционная коллегия благодарит авторов первого выпуска и выражает особую признательность Новгородскому музею-заповеднику за предоставленные фотоматериалы из музейных фондов.

Альманах открыт как для читателей, так и для авторов. Мы приглашаем к сотрудничеству учёных, исследователей, краеведов — всех тех, кому хотелось бы рассказать о результатах своей работы, тем самым, возможно, дать старт новым изысканиям проявлений, закономерностей исторического процесса и просто привлечь соотечественников, зарубежных гостей погрузиться в атмосферу одного из старейших российских городов.

Валентин Янин

РОЛЬ НОВГОРОДА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Сказать о роли Новгорода в отечественной истории и легко, и необычайно трудно. Легко потому, что выдающееся значение этого города никогда и никем не подвергалось сомнению. Со времен А.Н. Радищева и декабристов средневековый Новгород с его своеобразным политическим устройством был не только в центре внимания передовой общественной мысли России, но и идеалом свободолюбия. Вечевой колокол — символ вольнолюбивого духа — стал символом благородной деятельности А.И. Герцена, давшего своей газете имя «Колокол». Не оставляла Новгород без внимания и историография противоположного направления, для которой этот город сделался символом иного общественного начала; она провозгласила его колыбелью российской монархии, а вечевой колокол, форма которого легла в основу памятника «Тысячелетие России», преобразовала в апофеоз уваровского триединства — «православия, самодержавия и народности».

Трудности же в освещении роли Новгорода вызваны тем, что традиционные и столь противоречивые оценки возникли тогда, когда наука не располагала и десятой долей тех источников, которые известны сегодня. И лишь сейчас наступает время для трезвого взвешивания привычных выводов и лежащих в их основе аргументов.

В настоящей статье хотелось бы коснуться тех узловых проблем, которые имеют отношение к обозначенной в её заглавии теме. Первая из этих проблем — возникновение самого Новгорода, юбилей которого привычно исчисляется не от даты основания, а от даты первого упоминания города на страницах летописи под 862 годом. Сама по себе эта дата условна, однако очевидно, что она близка к истинной, и Новгород действительно принадлежит к числу самых древних городов Руси. В более раннее время появлялись и укрепленные поселения, и поселения с заметно выраженным торгово-ремесленным обликом, но они ещё

не были городами в том смысле, который вкладывает в этот термин современная наука.

В настоящее время широко распространена концепция киевского происхождения Новгорода, согласно которой Новгород возник в результате объединения северорусских земель с днепровским Югом и был основан киевскими князьями как пограничная крепость на северных рубежах Киевской Руси. Логичным следствием такой концепции оказывается отрицание летописной даты раннего существования Новгорода, поскольку само возникновение объединённой Киевской Руси относится к самому концу IX — началу X века, а не к середине IX века¹.

Что по этому поводу сообщают новейшие научные данные? На первое место среди них я поставил бы языковые свидетельства новгородских берестяных грамот ранней поры, т. е. XI — начало XIII века. Лингвистический анализ этих документов, исчисляемых уже сотнями экземпляров, проведённый А.А. Зализняком, установил главные особенности древнего новгородского диалекта, которые демонстрируют его своеобразие и резкое несходство с особенностями южнорусских древнейших языковых пластов. Эти новгородские особенности обнаруживают частичное совпадение с соответствующими элементами западнославянских языков². А это, в свою очередь, свидетельствует о том, что основной массив славянского населения русского Северо-Запада образовался за счёт притока славян не с берегов Днепра, а из южной Прибалтики. Очень показательными оказываются близкие совпадения в новгородском и западнославян-

ском именослове, а также в топонимике. О том же говорят данные археологии и антропологии.

Весьма любопытную картину открывает топография древнейших монетных находок, которая показывает существование не только в IX, но даже и в XI веке двух экономически замкнутых областей с особыми денежно-весовыми системами в каждой: одна — на юге, а другая — на северо-западе Восточной Европы³. Археологическое изучение славянских поселений на Северо-Западе Руси показывает, что в них уже в VIII—IX веках развиваются процессы выделения ремесла, социального расслоения, разложения самых основ военно-демократического общества.

Возникает ли в это время в Новгородской земле государство или государственность привнесена объединением Северо-Западной и Южной Руси, т. е. распространением политической системы Киева на новгородские земли? Рассмотрим эту проблему особо. Известно, что времени расцвета Новгорода в XII—XIV веках соответствует весьма специфическая форма государственности — вечевая боярская республика, которая возникла в результате упорной антикняжеской борьбы новгородцев. В ходе этой борьбы одерживают верх над аппаратом княжеской власти такие республиканские институты, как посадничество и вече, которые отнюдь не возникают из изменчивой политической ситуации XI века, а генетически восходят к древнейшим институтам власти эпохи военной демократии: вечу предшествует народное собрание, посаднику — родоплеменные старейшины (последний старейшина Гостомысл титулуется летопис-

цами XV века и как первый посадник). Княжеская власть и вечевой строй образуют противоположные полюсы политической борьбы, имея разное историческое происхождение. И если в борьбе между этими институтами победу одержал вечевой строй, значит, и свойственные ему формы государственности оказались более жизнестойкими. Они в то же время не могли возникнуть спустя столетия после установления княжеской власти и, таким образом, имеют более древнее происхождение, нежели последняя. Что касается княжеской власти, то в том аспекте, который имеет отношение к Новгороду, она не привнесена распространением на Новгород политической системы Киевской Руси. Напротив, общеизвестно, что импульс к объединению Северо-Западных и Южных русских земель был дан не из Киева, а из Новгорода известным походом Олега 882 года, когда Киев был завоеван новгородским князем, перенёвшим туда свою резиденцию.

Говоря о возникновении в Новгороде княжеской власти во времена, предшествующие Олегу, мы вступаем в область сложных дискуссий, так или иначе связанных с вопросом о роли норманнов в русской истории. Этот вопрос отнюдь не сводится к элементарному голосованию: существовал Рюрик или не существовал. Он имеет совершенно иной смысл. В системе норманистских концепций призвание Рюрика трактуется как акт коренного преобразования восточного славянства. До этого акта не было якобы ни правопорядка, ни государственности, ни культуры. И всё это было насажено на русской почве культуртрегерскими руками скандинавов. При этом вопрос об

уровне правопорядка, государственности и культуры самих норманнов, как правило, не затрагивается.

Внешне сильными аргументами для норманистов были отсутствие среди древнерусских источников каких-либо материалов, говорящих о существовании на Руси процессуального кодекса вплоть до XIV—XV веков, а также традиционная трактовка «Русской Правды» как правового кодекса, введшего систему государственных штрафов лишь с принятием христианства в конце X века. Если указанные юридические нововведения, рассуждали норманисты, возникли столь поздно, то о каком же правопорядке можно говорить, имея в виду более ранний этап?

Между тем открытие в Новгороде берестяных грамот нанесло сильнейший удар по этим взглядам. Выяснилось, что в конце XII века при судебном разбирательстве применялись именно те детальные нормы, которые прежде были известны только по источнику XV века⁴. А существование системы государственных штрафов за преступления ещё в языческие времена демонстрируется находкой деревянных бирок с надписями, принадлежавших сборщикам таких штрафов. Древнейшие из этих бирок найдены на Троицком раскопе в слоях 70-х годов X века⁵.

Самобытная культура Новгорода, не имеющая ничего общего со скандинавскими образцами, представлена многочисленными предметами из нижних пластов всех раскопов, где имеются напластования X века. Это, между прочим, самые красивые комплексы предметов, относящиеся ещё к тому времени, когда ремесло работало не на рынок, а на

заказ, т. е. ещё не перешло к производству массовой стандартной продукции. Каждый мастер в соответствии со своим собственным вкусом и вкусами заказчиков стремился изготовить художественный шедевр, будь то ковш или ложка, рукоятка ножа или копыл саней.

Возвращаясь к вопросу о государственности, на этот раз в аспекте норманнской проблемы я могу повторить все то, что уже было сказано относительно жизнестойкости её древнейших форм, имеющих самобытное происхождение. Но к этому следует добавить и ещё один аргумент. Приоритет вечевых форм власти над княжескими очевиден и потому, что княжеская резиденция в Новгороде располагалась вне городской цитадели — Детинца. Располагаясь первоначально на Городище, а затем в течение нескольких десятилетий на Ярославовом дворище, она и в том, и в другом случае находилась вне стен крепости, всегда и во всех случаях защищавшей главные общественные институты, которые, таким образом, уже существовали к моменту приглашения князя. Сам акт приглашения князя в дальнейшем сделался формулой приоритета веча над княжеской властью: *«Мы, новгородцы, вольны в князьях — где нам любо, там князя и поимем»*. Эта конституционная формула включает в себя, естественно, и право изгнания князя. Возникновение в Новгороде института княжеской власти не привело к уничтожению вечевых основ общественного строя, и это позволяет утверждать, что фундаментом системы государственности Новгорода IX—XI веков был договор между вечем и князем, накладывавший на обе стороны взаим-

ные обязательства. Мы, разумеется, не имеем возможности реконструировать все статьи такого договора, однако об одной из них говорить вполне возможно.

Та проблема, которую мне предстоит затронуть, имеет отношение к сложнейшему в нашей историографии вопросу о существовании ранних форм феодализма на Руси. В основе феодальных отношений всегда лежит система феодального землевладения. Обязательным её элементом является наличие крупных форм землевладения. Поэтому Б.Д. Греков, не сомневавшийся в наличии феодализма на Руси в IX веке, предполагал, что и крупная частная феодальная вотчина в указанное время уже существовала. Такой взгляд как нельзя лучше способствовал и выработке представления о механизме образования в Новгороде боярской республики. Было замечено, что в X—XI веках новгородскими князьями становились старшие сыновья и наследники киевских князей. Поскольку Новгород рассматривался ими как промежуточный пункт на лестнице политической карьеры, князья-наместники не стремились обзаводиться здесь земельными владениями; так же поступали и их дружинники. В силу этого инициативе новгородского боярства в наступлении на общинные земли ничто не препятствовало, и постепенно, на протяжении XI века, бояре стали во много раз сильнее князя, что и позволило им в 1136 году, опираясь на народное восстание, победить и окончательно образовать республиканскую власть.

Между тем детальное исследование процесса формирования в Новгороде вотчинной системы установило, что частная собственность на землю в крупных

формах, будь то домениальные княжеские владения или боярские вотчины, впервые возникла не ранее начала XII века. В то же время существенные успехи в антикняжеской борьбе новгородское боярство демонстрировало уже в XI веке, на всём его протяжении, с того момента, когда завоёвывало льготы у Ярослава Мудрого, но особенно во второй половине XI века, когда, в частности, возник особый орган боярской власти — посадничество. Само расхищение общинных земель оказывается не причиной, а следствием успехов боярства в его политической борьбе с князем⁶. На чём же основывалось в действительности экономическое могущество бояр, столь ярко проявившееся ещё в довотчинный период?

Анализ археологических комплексов боярских усадеб X—XI веков и показаний берестяных грамот XI века позволяет однозначно ответить на поставленный вопрос. Это могущество основывалось на крупном землевладении феодального типа, но на земледелии не вотчинном, а корпоративном, государственном. В отличие от других центров княжеской власти, где сбор земельной ренты осуществлялся князем и его дружиной в форме всем хорошо известного полюдья, в Новгороде с его системой погостов сборщиками дани становились не дружинники князя (его дружина была варяжской), а представители богатейшей верхушки города, те, кто потом станут называться боярами. Согласно «Русской Правде», податные и судебные доходы делились между государством (князем), духовенством (в дохристианское время жречеством) и самими сборщиками дани (вирниками, емцами, мечниками). Свидетельства та-

кой деятельности вирников были собраны в ранних слоях тех усадеб, которые в более поздние времена принадлежали их потомкам — знаменитым боярам Мишиничам, Мирошкиничам и т. д.

Постоянные разъезды для сбора податей делали вирников особенно мобильными и давали им в руки ещё один источник существенного обогащения — ростовщичество. Ранние берестяные грамоты пестрят сведениями о суммах, отданных в рост в разных уголках Новгородской земли; проценты с них стекались в городские усадьбы феодалов. И сама такая усадьба становилась важным источником доходов для её владельца. На каждой из них уже в X—XI веках существовали разнообразные ремесленные мастерские, работавшие на господском сырье. По-видимому, участие в сборе и разделе государственных доходов верхушки местного новгородского общества и было одним из обязательных условий договора веча и князя.

Иллюстрацией к характеристике новгородского боярства в так называемый «княжеский» период новгородской истории может служить один былинный сюжет, который причудливо связался с материалами археологических раскопок. На Троицком раскопе исследуется большой комплекс боярских усадеб, на рубеже XII—XIII веков принадлежавших хорошо известной в Новгороде семье Мирошки Несдинича и его сыновей Дмитра и Бориса. В частности, этой семье принадлежала и ставшая широко известной усадьба художника Олисея-Гречина, который был священником в церкви Василия, построенной этой семьёй. Нас, естественно, интересуют предки Мирошки Несдинича.

Известно, что Несда (отец Мирошки) был, по летописному сообщению, биричем, т. е. чиновником княжеско-посадничьего суда. В более древних слоях рубежа XI—XII веков здесь же была обнаружена берестяная грамота, адресованная некоему Ставру, в котором мы, по месту находки этого документа, имеем возможность предполагать одного из предков Мирошки. Между тем единственный Ставр, известный в новгородской летописи, жил как раз в начале XII века и был соцким, т. е. важным чиновником княжеской администрации. В 1118 году он был схвачен в Киеве Владимиром Мономахом и подвергнут заточению⁷.

Память об этом Ставре и о его киевской опале запечатлена в известной былине о Ставре Годиновиче. Былина повествует, как Ставр, приехав в Киев, стал похвалиться перед киевлянами Новгородом, чего они стерпеть никак не могли. Вот в каких выражениях былина излагает эту похвальбу:

*В Нове-городе живу да я хозяином,
Я хозяином живу да управителем
И полным лицом живу доверенным...
Ой глупые бояре, неразумные,
Они хвалятся градом Киевом...
А что это за ограда во Киеве
У ласкового князь-Владимира?
У меня ль, у Ставра, широкий двор
Не хуже будет города Киева⁸.*

Былинная самохарактеристика Ставра соответствует летописным сведениям о соцком Ставре. Но она в то же время как нельзя лучше совпадает с изложенным выше представлением о новгородском боярине ранней поры, который,

располагая официальными должностями в аппарате княжеского управления, уходит корнями в местную почву, гордясь своим Новгородом, где жили и умирали его предки, не имевшие отношения к непосредственному окружению князя.

Подытоживая сказанное выше, я следующим образом сформулировал бы главный вывод. На заре формирования феодальных отношений в Древней Руси существовали два главных ядра новой государственности, возникшие независимо одно от другого: «Русская земля», политическим центром которой стал Киев, и Северо-Западная Русь с центром в Новгороде. Их объединение в конце IX века с передачей верховенства Киеву сделалось фундаментом возникновения того грандиозного явления, которое историки позднее назвали Древнерусским государством или Киевской Русью. В этом, на мой взгляд, состоит главная историческая роль Новгорода на раннем этапе его существования.

* * *

Перейдём теперь к периоду расцвета Новгорода в XII—XIV веках и поговорим о том, что не записано в летописях, но что ярко отражено материалами раскопок. Новгород этого периода — город искусных ремесленников, великих зодчих, выдающихся художников. Культурный слой эпохи расцвета до отказа насыщен свидетельствами трудовой деятельности его населения — предметами ремесленного производства, орудиями труда, отходами производственного сырья. Изучение технологической рецептуры познакомило нас с ремесленными секретами мастеров,

знавших всё то, что было известно их братьям в прославленных ремесленных центрах Западной Европы и Ближнего Востока. Открытые в раскопках мастерские исчисляются уже многими десятками, а их специализация всеобъемлюща. Разумеется, высокий уровень производства — лишь частное проявление высокой культуры в целом.

Другим её показателем оказывается не мыслимый прежними исследователями высокий уровень грамотности, проявляющийся буквально во всех слоях городского и, что особенно важно, сельского населения Новгородской земли. Постараюсь показать, что столь высокий уровень грамотности свойствен именно Новгороду и не найдёт соответствия в других средневековых русских центрах.

Часто задают вопрос, почему в Новгороде берестяные грамоты исчисляются уже сотнями, а в раскопках других древнерусских городов лишь единицами. И часто приходится выслушивать суждение, что так получилось только потому, что в Новгороде ведутся раскопки особенно широкого масштаба. На самом деле масштаб раскопок здесь не играет особой роли. В одном из немногочисленных городских центров Новгородской земли — Старой Руссе раскопки были небольшими, но в ходе их к 1985 году найдены уже 23 берестяные грамоты — столько, сколько во всех вместе взятых остальных городах. Главной причиной изобилия грамот в Новгороде, на мой взгляд, является его республиканское устройство.

Дело в том, что постоянное обновление главных государственных документов, происходившее каждый год, вынуждало новгородских землевладельцев

концентрироваться в самом Новгороде. Если бы землевладелец пожелал постоянно жить в своей вотчине, он оказался бы вырванным из системы перманентной борьбы за власть, утратил бы и влияние, и возможности. Он был, таким образом, центростремителен. Напротив, в центрах безраздельной княжеской власти феодал, чтобы обрести относительную самостоятельность, стремился в вотчину, где в отдалении от центральной власти он обретал большую свободу действий. В частности, подобный процесс формировал и удельную раздробленность Руси, не затронувшую в силу указанной особенности Новгородской земли. Иными словами, нигде на Руси не было столь последовательного разделения землевладельца с его землевладением, требовавшего постоянной переписки. Потребности хозяйственного управления понуждали к расширению круга грамотных людей. Я касаюсь особо этого вопроса, чтобы показать, как опосредованно проявляется воздействие форм государственного устройства на культуру. Как бы то ни было, но новгородец в своей массе был грамотнее русских людей из других областей Руси.

Это обстоятельство необходимо особенно учитывать, касаясь идейных, философских и общекультурных основ того расцвета искусства, который наблюдается в Новгороде республиканской поры и который оказал сильнейшее воздействие на искусство всей Руси. Тема культурного воздействия Новгорода на другие русские местные художественные школы заслуживала бы специального освещения. Но мне представляется более уместным коснуться иного аспекта формирования высокого искусства Новгорода.

Прежде, когда ещё не были известны археологические комплексы, когда население Руси считалось даже самыми серьёзными исследователями чуть ли не поголовно неграмотным, высокие шедевры новгородской живописи, архитектуры и торевтики казались прекрасными цветами, выросшими на пустыре. Возможность наслаждаться ими, казалось, носила сугубо элитарный характер и была достоянием самого узкого круга тех же профессионалов. Сейчас мы убедились, что высоко развитое эстетическое чувство было присуще всем слоям новгородского населения, проявляясь в массовом стремлении искусно украсить бытовые предметы. От незатейливого орнамента на деревянном или костяном гребне до создания подлинных шедевров прикладного искусства — таков спектр удовлетворения художественных потребностей. Порой деревянная ложка, вырезанная для того, чтобы хлебать ею щи, превращается в подлинное украшение музейной витрины, вызывая наше восхищение и замыслом, и его воплощением в руках безвестного средневекового мастера. На простых предметах утвари, на украшающей их резьбе мы обнаруживаем часто и следы ярких красок — этой традиции позднее было суждено воплотиться в великолепные произведения высокого искусства.

Открытие мира бытового искусства — очень большое достижение археологии, решившее, в частности, загадку белокаменной владими́ро-суздальской резьбы, сюжеты которой казались привнесёнными из других, порой экзотических стран. И сама внешняя разница скупого декора новгородских храмов и изощрённого резного ковра, покрыва-

ющего стены храмов Суздальской земли, породила устойчивое представление, противопоставляющее радостного хлебопашца суздальского Ополья суровому коренастому новгородскому мужику, который ловил рыбу и скрёб сохой каменистую почву или вяз в болоте. В действительности внутренний мир новгородца оказался столь же пёстрым и многоцветным. Только вот рыхлый ильменский известняк не воспринимал резьбы, которая, однако, процветала на дереве и кости, демонстрируя те же сюжеты, что и владимирская каменная резьба, только на три века раньше⁹.

И ещё одно обстоятельство, немаловажное для всей Руси. Как удачно выразился недавно один молодой писатель, Пётр I вынужден был рубить окно в Европу там, где раньше была широкая дверь¹⁰. Иногда эта дверь захлопывалась войной, но всё же на протяжении IX—XV веков Новгородская земля оставалась важнейшей контактной зоной между всей Русью и Западной Европой. Археологические раскопки дали в руки археологов многие сотни предметов западноевропейского происхождения. На западном сырьё работало средневековое новгородское ремесло, так как почва Новгородской земли бедна полезными ископаемыми. Но вместе с хозяйственным импортом заимствовались и достижения культуры. Новгород никогда не был замкнут в самодовольстве, обогащаясь культурным опытом других народов. До сих пор Новгородский кремль украшает Грановитая палата, созданная в XV веке по замыслу немецкого зодчего, «а стенчики были новгородцы». Входящего же в Софийский собор встречают бронзовые врата — плод

работы немецких мастеров, дополненный новгородским скульптором.

Через Новгород мы постепенно узнаём подлинное лицо средневековой Руси, её талантливого народа. И здесь необходимо сказать несколько слов ещё об одном замечательном открытии. Кто бы мог ещё десять лет назад предположить, что нашему поколению доведётся услышать звучание музыкальных инструментов XI или XIV веков. И вот теперь достоверные модели древних гудков и гуслей, созданные из таких же материалов и по законам заложенной в найденных фрагментах архитектоники, зазвучали в талантливых руках В.И. Поветкина. Это достижение уже стало достоянием широкой общественности. И не пришло ли время создать в Новгороде центр изучения и пропаганды средневековых музыкальных инструментов, который проложил бы более широкую дорогу к узнаванию ещё одной, до сих пор недоступной исследованию области нашей национальной культуры?¹¹

Но новгородцы были не только творцами. Им приходилось с мечом и щитом в руках защищать созданные ими материальные и культурные богатства, а вместе с ними отстаивать и всю Русь. Огромна роль Новгорода в тяжелейшем для нашей Родины XIII столетии. В 100 верстах от Новгорода остановилось полчище Батыя и повернуло на юг, напуганное героизмом маленького новгородского пригорода Торжка и славой великого Новгорода. Однако не менее грозная опасность надвигалась тогда на Русь с запада. Агрессия немецкого ордена разбилась о героизм новгородцев, возглавленных Александром Невским, и с тех пор имя великого русского полководца неотделимо от

воинской славы Новгорода. Новгород стяжал и позднее тяжёлую, кровавую, но убедительную победу под Раковором, на многие десятилетия лишившую врага желания искать добычи на русских рубежах.

В XV веке Новгороду суждено было сыграть выдающуюся роль в истории нашей страны. Речь идет о завершающем этапе новгородской независимости. Но прежде всего остановимся на самом понятии независимости. Мы довольно часто злоупотребляем этим термином, говоря о Новгороде, и порой отождествляем этот термин с сепаратизмом. На протяжении многих столетий Новгород действительно отстаивал свою независимость не только от иноземных агрессоров, но и от попыток сильнейших русских князей подчинить его своей воле. Важнейшими историческими этапами этой борьбы было сопротивление новгородцев киевским князьям в XI—XII веках, знаменитая победа новгородцев над суздальцами в 1170 году, блестяще запечатленная в новгородской живописи, сопротивление «насилиям» Александра Ярославича. Однако во всех упомянутых случаях речь шла о завоевании и защите республиканского, вечевого строя, тех «свобод», которые стали для Новгорода конституционными.

Во все эти времена Новгород оставался органической частью Русской земли, поддерживая спасительный в условиях постоянной иноземной угрозы союз с другими русскими областями, чему, в частности, служило и сохранение княжеского стола в системе республиканской государственности: приглашение князя было равнозначно заключению военно-политического союза с тем княжеством, откуда

приходил в Новгород приглашённый князь. Даже в возникших с середины XIV века условиях жёсткого противостояния Москве измены общерусскому делу нет, о чём убедительнейшим образом свидетельствует участие новгородцев в Куликовской битве. В церкви Бориса и Глеба в Плотниках сохранялся скорбный синодик — поминание павших в сражениях новгородцев, в котором поминаются и погибшие на Дону при великом князе Дмитрие Ивановиче¹².

Как же в свете этой тенденции выглядит потеря новгородской независимости в 1478 году? Современные западные историки, особенно в США и ФРГ, очень любят проливать слёзы по поводу этой акции. Азиатская деспотия, тирания Москвы, рассуждают они, подавила новгородскую демократию, монархия уничтожила республику, и блестящий прогресс новгородского развития сменился тёмной ночью безусловного регресса. Союзников в таком рассуждении они отыскивают в русских историках-демократах от Радищева до Герцена.

Попытаемся разобраться в существе дела. Мы хорошо знаем теперь, что и декабристы, и Герцен идеализировали новгородские порядки, преувеличивая степень демократизма Новгорода. В борьбе с царизмом пример антимонархической борьбы Новгорода был особенно поучительным, становясь хрестоматийным идеалом, которому при отсутствии достаточно представительной суммы источников придавались и неприсущие ему черты.

Новгородская республика была республикой боярской, классовым орудием крупнейших землевладельцев, которые с момента создания собственных государ-

ственных органов с особой жадностью принялись расхищать фонд общинных земель, превращая его в феодальные вотчины, лишая свободы массы новгородского населения и в деревне, и в городе и всё более и более ужесточая формы его эксплуатации. Примерно к середине XIV века процесс обояривания чёрных земель был практически завершён, и с этого момента главным объектом защиты со стороны боярского государства становится отнюдь не вечевой строй, а та система феодальных богатств, которая сосредоточилась в руках верхушки населения Новгорода.

Летопись показывает, как постепенно растёт сопротивление народа боярскому государству, прорываясь в многочисленных восстаниях, накал страстей в которых боярство постоянно стремится использовать в собственных целях. Страх перед народным недовольством диктует боярству необходимость консолидации, которая проявляется в постоянном совершенствовании государственной системы власти. Последнее существенное её преобразование происходит сразу же после самого мощного народного движения 1418 года, известного как восстание Степанки. Эта государственная реформа по существу ликвидирует вечевой строй, на смену которому приходит олигархия «Совета господ»¹³. Начиная с восстания Степанки летопись и берестяные документы неоднократно демонстрируют свершившееся прозрение, формирование антибоярского самосознания чёрного люда Новгорода. К XV веку относится цикл литературных произведений, обличающих мздоимство бояр и посадников, несправедность боярского

суда. О каких-либо проявлениях демократии в XV веке говорить не приходится. И когда наступает решительный момент окончательного столкновения Москвы и Новгорода, оказывается, что простому населению Новгородской земли нечего защищать в сложившихся к тому времени порядках. Сражения не происходит. Требования великого князя о распространении на Новгород порядков Русского государства принимаются после недолгого сопротивления бояр, которые слёзно молят Ивана III даже не о том, чтобы он сохранил в их руках власть, а о том, чтобы он не лишил их вотчин — «вывода бы не учинил». Поэтому присоединение Новгорода к Москве оказывается не актом подавления демократии, а актом, в котором реализовалось социальное недовольство низов новгородского населения. Не было столкновения деспотизма и демократии. Было столкновение двух однородных сил феодализма, в котором новгородская боярская власть не получила поддержки со стороны народа.

События 1477—1478 годов сыграли в высшей степени выдающуюся роль в истории нашего Отечества. Именно они превратили Русское государство в Российское национальное государство. Как прежде, Киевская Русь встала объединением Новгорода и Киева на две ноги, так и теперь Россия обрела своё государственное могущество на основе объединения Москвы и Новгорода.

* * *

Расцвет Новгорода продолжался и в XVI веке, свидетельством чему, в частности, остаются для нас многие памят-

ники архитектуры и живописи той поры. Упадок Новгорода начинается с изменения системы торговых связей России и Западной Европы. Он был усугублен жестоким деянием опричнины Ивана Грозного и ещё больше шведским разорением начала XVII века.

Новый взлёт Новгорода относится уже к нашему времени, когда он снова стал значительным центром промышленности и культуры. Новый Новгород снова играет важнейшую роль в истории нашей страны. В Новгороде есть чему поучиться и нам, людям, озабоченным развитием культуры и поддержанием лучших её традиций, освоением опыта наших далёких и не столь далёких предков. В этом отношении Новгород по праву может быть назван лабораторией опыта. Именно здесь блестяще осуществлены в широких масштабах научные реставрации памятников древней архитектуры. Именно здесь созданы лучшие, на мой взгляд, в мире экспозиции по истории средневекового города. Именно здесь впервые проявилась в самых действенных формах государственная забота об охране нашей археологической сокровищницы культурного слоя. И именно здесь практически найдены формы активного взаимодействия народнохозяйственных забот руководства города и области и интересов исторической науки, призванные способствовать развитию нашей культуры и делу патриотического воспитания нашего народа.

С момента своего возникновения Новгород называется «новым городом». Пусть всегда над ним сияет свет новых свершений, новых идей и, разумеется, новых открытий!

¹ Куза А.В. Новгородская земля // Древнерусские княжества X—XIII вв. М., 1975. С. 173.

² Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977—1983 гг.). М., 1985.

³ Янин В.Л. Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период. М., 1956.

⁴ Арциховский А.В., Янин В.Л. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1962—1976 гг.). М., 1978. С. 133—134.

⁵ Янин В.Л. Археологический комментарий к Русской Правде // Новгородский сборник: 50 лет раскопок Новгорода. М., 1982. С. 138—155.

⁶ Янин В.Л. Новгородская феодальная вотчина: Историко-генеалогическое исследование. М., 1981.

⁷ Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.-Л., 1950. С. 21, 205.

⁸ Былины Печоры и Зимнего Берега. М.-Л., 1961. С. 112; Рыбаков Б.А. Древняя Русь: сказания, былины, летописи. М., 1963. С. 126.

⁹ Арциховский А.В. Колонна из новгородских раскопок // Древности Восточной Европы. М., 1969. С. 16—21.

¹⁰ Киселёв Б. Слово о Новгороде // Литературная учеба. 1984. № 4. С. 11.

¹¹ Центр музыкальных древностей под руководством Владимира Ивановича Поветкина был открыт в 1990 г.

¹² Шляпкин И.А. Синодик 1552—1560 гг. новгородской Борисоглебской церкви // Сборник Новгородского общества любителей древности. Вып. 5. Новгород, 1911. С. 6—7.

¹³ Янин В.Л. Новгородские посадники. М., 1962. С. 232—273.

Опубликовано: Знание — сила. 1985. № 4. С. 24—27; Социально-экономическое развитие России: Сборник статей к 100-летию со дня рождения Н.М. Дружинина. М., 1986. С. 27—38; Янин В.Л. Средневековый Новгород. Очерки археологии и истории. М., 2004; Вестник Новгородского государственного университета. 2006. № 38. С. 4—9.

Татьяна Шмелёва

ОТКУДА ЕСТЬ ПОШЛА НОВГОРОДИКА

Слово *новгородика* в Великом Новгороде хорошо известно, ведь оно связано с деятельностью многих новгородцев. Это университетские гуманитарии, которые не могут не знать, что с 2006 года в нашем городе проводилась конференция «**Новгородика**», работа которой освещалась в медиа, а материалы конференции публиковались отдельными сборниками. Творческая интеллигенция участвует в конкурсе инновационных проектов «**Новгородика**», который организуют областные власти. Все, кто связан с библиотеками, знают, что в 2005 году Областная научная универсальная библиотека начала оцифровку книг редкого фонда «**Новгородика** в электронном виде»; на сайте Библиотечного центра «Читай-город» есть медиатека «**Новгородика**»; сайт «Библиотекарь.ру» включает страницу «**Новгородика**», где размещены научные тексты, документы, визуальные материалы; муниципальным учреждением культуры «Библионика» («Городские библиотеки») создан сайт «**Новгородика** для детей», включающий информацию об основных датах новгородской истории, библиографические обзоры (для взрослых) и электронные пазлы «Собери Софию» и «Собери кремль»...

Эти факты, подтверждающие бытование термина в академической, творческой, библиотечной и интернет-среде,

вызывают ряд вопросов. Почему термин активизировался в последние 15—20 лет? Что он обозначает? Наконец, кому мы обязаны его появлением? И что этот термин обозначал первоначально? Как он вписывается в рамки современной терминологии гуманитарной науки?

Отвечая на первый из поставленных вопросов, приходишь к выводу, что активному бытованию термина способствовали, кажется, более всего празднование 1150-летия нашего города в 2009 году и интернет. Именно в рамках подготовки к этой масштабной дате была организована и конференция «Новгородика», и одноимённый конкурс творческих работ, и фонд оцифрованных публикаций. Жизнь ряду проектов под интересующим нас именованием дал интернет, на нём же представлены и названные библиографические ресурсы.

Что касается второго вопроса, то следует сказать, что, во-первых, морфемная структура слова прозрачна, понятна и вполне терминологична: одна его часть *новгород-* соотносится с названием нашего города; другая *-ик(а)*, как в словах *граммат-ика*, *техн-ика* — с существительными, обозначающими отрасли науки, искусства, сферы занятий или с существительными собирательными *период-ика*, *конкрет-ика*. И потому его значение легко выводится из такой

структуры: *новгородика* — это всё, что относится к знаниям о Новгороде, формированию и распространению таких знаний.

Это языковое значение слова, которое можно вывести из его структуры. Оно практически совпадает с пониманием новгородики, сформулированным в информационном письме о конференции 2006 года: «...научная концепция "*Новгородика*" заключается в объединении усилий отечественных и зарубежных ученых в комплексном изучении Новгорода как историко-культурного феномена отечественной и мировой истории». Эта формулировка повторяется и в программной статье С.В. Трояновского¹ и далее уточняется в формулировке «сугубо научного плана» — «преодоление дробности и узкой специализации в исследованиях по новгородской тематике за счёт создания «площадки» для обмена концептуальными идеями, методическими новшествами, архивными и археологическими открытиями и просто актуальными для научного сообщества нюансами исследовательской работы»². Интересно при этом, что далее, характеризуя научный контекст, в который вписывается конференция, С.В. Трояновский говорит о назревшей необходимости проведения междисциплинарных форумов, нацеленных на интеграцию и сотрудничество «в первую очередь между историками и археологами, историками и филологами»³. Таким образом, новгородика к моменту проведения первой конференции мыслилась как комплексная историко-филологическая область знаний и исследований.

Легко предположить, что в других городах России существует практика такого

изучения и исследования. И действительно, хорошо известны *московведение* и *петербургведение*; менее — *томсковедение* и *иркутсковедение*, *барнауловедение*, *курсковедение*. Мотивированы такие термины названиями не только городов, но регионов: *кубановедение*, *доноведение*, *ставропольведение*, *сибиреведение*. Все они представлены в Интернете, что не позволяет усомниться в их существовании. Правда, есть регионы, где особых терминов не образовано; там обходятся составными наименованиями типа «краеведение в ...». Так обстоят дела в Архангельске, Белгороде, Омске, Чите и многих других городах.

Это маленькое расследование с помощью Интернета показывает, что *новгородика* — это термин, с одной стороны, ожидаемый и типичный для обозначения знаний о локальных культурах, а с другой стороны, уникальный, поскольку образован с помощью не русского форманта *-ведение*, а латинского *-ик(а)*. Есть, правда, термин *карелика*, мотивированный названием не города, но региона.

Понятием, которое «обнимает» все приведённые здесь термины, включая новгородику, выступает традиционный термин *краеведение* — «изучение природы, населения, хозяйства, истории и культуры какой-либо части страны, административного или природного района, населённых пунктов главным образом силами местного населения»⁴. Ему предшествовали *отчизноведение*, *родиноведение*.

В современной науке эту нишу занимает серия однокоренных образований *регионоведение*, *регионалистика* (*регионистика*) и даже *регионавтика*. К ним можно отнести и *страноведение*, которое, правда, имеет в виду чужую страну.

Понятно, что все приведённые термины соотносятся с общим как «отрасли краеведения» и образованы недавно по образцу краеведения с заменой общей части *крае-* конкретным именем города или региона, изучением которого занимается соответствующая «отрасль краеведения».

Термин же *новгородика* родился безотносительно к краеведению и раньше его, поскольку о появлении последнего есть данные — 1914 год⁵, правда, несколько в ином значении, которое культивируется в последнее десятилетие.

Как указывается в материалах первой конференции «**Новгородика**», термин *новгородика* впервые использован Василием Павловичем Ласковским для обозначения библиографии трудов о Новгороде, опубликованной им в «Памятной книжке Новгородской губернии» в 1892 году с подзаголовком «Опыт словаря сочинениям, заключающим в себе описание Новгородской земли и ее истории»⁶. В этом же библиографическом значении термин *новгородика* фиксируется в 2007 году в энциклопедии⁷. Поскольку с тех пор этот факт не только не оспорен, но и не подвергнут сомнению, можно уверенно утверждать, что первенство в использовании термина *новгородика* принадлежит В.П. Ласковскому, который известен и современным читателям, имевшим возможность познакомиться с репринтным изданием его Путеводителя (первое издание 1910 года, второе — 1913)⁸. При этом ему не стоит приписывать первенство в создании библиографии публикаций о Новгороде и тем более в начинании исследования истории и культуры Новгородской земли. Кого же нужно признать первооткрывателями новгородики?

Идея собирать и публиковать такую библиографию принадлежит Николаю Гавриловичу Богословскому, протоиерею, выпускнику Новгородской духовной семинарии, опубликовавшему в 1874 году на страницах сборника «Древности. Труды Московского археологического общества» библиографический указатель литературы о Новгороде за 1859—1863 годы, с описанием 50 работ⁹.

Если же говорить о собственно новгородике, есть все основания утверждать, что первой значительной публикацией такого рода стали «*Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода*» Евгения (Болховитинова), изданные в 1808 году и переизданные репринтом в 2009 году¹⁰. Построенная как диалог, эта работа представляет собой обсуждение места Новгорода в русской истории, его масштабов в разные эпохи, его церковной жизни и других моментов. Прожив в Новгороде всего четыре года, Евгений совершил множество замечательных дел, и среди них — это произведение, которое оказалось важнейшим камнем в основании новгородики. Анализ этого труда и фигуры его автора — предмет особых публикаций¹¹, здесь же важно обратить внимание на его роль основоположника новгородики, вызывающей особое уважение новгородцев¹².

Говоря о зачинателях новгородики, иногда называют и архимандрита Макария (Миролюбова), имея в виду его фундаментальное «Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях»¹³. Не подвергая сомнению значимость труда Макария, нельзя не отметить тот факт, что он опубликован в 1860 году, тогда как «Разговоры...» — в самом начале века.

Итак, всем, кто знакомится с новгородикой, которая, как и всё краеведение, «и наука и деятельность», важно понимать, о какой традиции идёт речь, и знать имена начинателей.

Так можно представить хронологию первоначального этапа новгородики:

1808 — выход работы Евгения (Болховитинова), которую мы считаем первой публикацией по новгородике;

1874 — публикация первого библиографического указателя о Новгороде Николаем Гавриловичем Богословским;

1892 — первое использование термина *новгородика* Василием Павловичем Ласковским по отношению к библиографии.

Сегодня мы располагаем рядом серьёзных работ, из которых назову уже упомянутый энциклопедический словарь, словарь новгородских говоров¹⁴, компендиум о Новгороде в русской литературе¹⁵,

описание монастырей в Новгороде и его окрестностях¹⁶, массу публикаций и републикаций исторической тематики¹⁷. Всё это составляет новый этап развития новгородики в XXI веке.

Мы упустили возможность отметить 200-летие новгородики, но это не значит, что не имеют смысла рассуждения и дискуссии о составе конкретных исследований, распространении добытых знаний и включении их в педагогическую практику. Потому, как сегодня ясно — это не просто сумма усилий всех, кто себя с ней связывает, нужны обобщающие и научно-популярные работы. В этом отношении выход нового журнала, название которого поддерживает традицию бытования слова *новгородика*, можно горячо поддержать, надеясь, что он станет серьёзным инструментом популяризации знаний о Великом Новгороде и Новгородской земле.

¹Трояновский С.В. О работе организационного комитета конференции «Новгородика»: опыт и перспективы // Новгородика-2006: Материалы науч.-практ. конф. Ч. 1. Великий Новгород, 2007. С. 9.

²Там же. С. 9–10.

³Там же. С. 10.

⁴Крюковских А. Словарь исторических терминов, 1998 // Национальная энциклопедическая служба. URL: <https://interpretive.ru/termin/kraevedenie.html> (дата обращения: 20.12.2021). Подробнее о содержании этого понятия см.: Лихачёв Д.С. Речеведение как наука и как деятельность // Лихачёв Д.С. Русская культура. М., 2000. С. 159–173. URL: <http://likhachev.fond.spb.ru/Articles/kra.htm> (дата обращения: 20.12.2021).

⁵Ракитин А. Краеведение // Энциклопедия экономиста! URL: <https://www.grandars.ru/shkola/geografiya/kraevedenie.html> (дата обращения: 20.12.2021).

⁶Жервэ Н.Н. Первая «Новгородика» В.П. Ласковского и её истоки // Новгородика-2006: Материалы науч.-практ. конф. Ч. 1. Великий Новгород, 2007. С. 18.

⁷Моисеев С.В. Новгородика // Великий Новгород. История и культура IX—XVII веков: Энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 354. Со ссылкой на работу: Алейникова Н.В. «Новгородика» В.П. Ласковского и развитие краеведческой библиографии // НОЛД и краеведческие традиции: Материалы науч. конф. Новгород, 1994.

⁸ Ласковский В.П. Путеводитель по Новгороду. Софийская сторона. СПб., 2007.

⁹ Жервэ Н.Н. Указ. соч. С. 18; Моисеев С.В. Указ соч.; Подробнее о жизни этого замечательного деятеля культуры в Новгороде см.: Моисеев С.В. Богословский // Великий Новгород. История и культура IX—XVII веков: Энциклопедический словарь. СПб., 2007. С. 97; Секретарь Л.А. Новгородская духовная семинария. Наставники и ученики. Великий Новгород, 2010. С. 71–74.

¹⁰ Евгений (Болховитинов). Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода / сост. С.А. Коварская, Н.И. Морылёва и др.; вступ. ст.: Л.А. Секретарь, А.А. Селин. Великий Новгород, 2009.

¹¹ См. вступительную статью Л.А. Секретарь в репринтном издании «Разговоров...»; а также: Кошелев В.А. Евгений, посетивший Державина // Новгородский край в русской литературе / отв. ред. В.А. Кошелев. Великий Новгород, 2009. С. 229–234.

¹² Интересно отметить, что в Воронеже Евгений считается основоположником истории Воронежского края; см., напр.: Акиншин А.Н. Судьба экземпляров болховитинского труда // Университетская площадь. 2011. № 4. С. 170–174.

¹³ Жервэ Н.Н. Архимандрит Макарий // Макарий (Миролюбов). Археологическое описание церковных древностей в Новгороде и его окрестностях. В 2-х ч. Репринтное издание. Ч. 1. СПб., 2003. С. 655.

¹⁴ Новгородский областной словарь / Ин-т лингв. иссл. РАН; изд. подгот. А.Н. Левочкин и С.А. Мызников. СПб., 2010.

¹⁵ Новгородский край в русской литературе / отв. ред. В.А. Кошелев. Великий Новгород, 2009.

¹⁶ Секретарь Л.А. Монастыри Великого Новгорода и окрестностей. М., 2011.

¹⁷ См. уже названное переиздание «Разговоров...» Болховитинова, книгу Л.А. Секретарь о новгородской духовной семинарии, а также: Смирнов В.Г. История Великого Новгорода. 2-е изд. М., 2007.; Янин В.Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М., 2008. и многие др.

Элизабет Лёфстранд

ШВЕДСКАЯ НОВГОРОДИКА

Контакты между Скандинавией, особенно её восточной частью, и Новгородской землёй восходят к древнейшим временам. Варяги плавали по русским рекам, торговали с местными жителями и многие оставались жить в этих краях. В XIII веке происходили первые военные столкновения между шведами и новгородцами. Обе стороны отстаивали своё право обложить налогом карел. Конфликты продолжались с большей или меньшей интенсивностью и в последующие столетия. За двести с лишним лет, от Ореховецкого мира 1323 года до середины XVI века, шведы и новгородцы заключили не менее 14 мирных договоров и перемирий.

И после присоединения к Москве Новгородская земля продолжала иметь особую значимость для Швеции благодаря географической близости. Дорога в Москву шла через Новгород. Только после основания Санкт-Петербурга Новгород оказался в стороне от больших событий и, тем самым, в стороне от шведских интересов.

В Смутное время Швеция воспользовалась возможностью послать войска в поддержку царю Василию Шуйскому. В течение шести лет, с 1611 по 1617 год, продолжалась шведская оккупация Новгорода и обширных территорий вокруг него. При эвакуации из Новгорода воево-

да Якоб Делагарди захватил и увёз архив воеводской избы. Из-за ненормальной ситуации беловики книг местного делопроизводства не были посланы в Москву, как это обычно бывало. Так называемый Новгородский оккупационный архив, охватывающий более 21 000 листов, хранится в Государственном архиве в Стокгольме.

Самыми значимыми мирными договорами между Швецией и Россией являются Столбовский мир 1617 года, после которого Швеция могла достигнуть позиции великой державы, и Ништадский мир 1721 года, когда Швеция потеряла эту позицию. Пиком и военных, и мирных контактов между нашими странами явился XVII век. В обеих державах находились торговые дворы другой страны, и торговля процветала. Сразу после начала Северной войны в 1700 году дворы закрылись и купцы были арестованы.

Благодаря всем этим историческим связям в шведских библиотеках и архивах хранится богатое наследие на русском и церковно-славянском языках. Многие документы имеют новгородское происхождение.

Шведские учёные начали заниматься этим наследием глубоко и серьёзно только в XX веке. И первыми были археологи, которые интересовались скандинавскими предметами эпохи викингов, найденными при раскопках в северо-западной России.

Самый известный из них — археолог Туре Арне, который больше сорока лет работал в Историческом музее в Стокгольме. Его главным научным интересом были восточные связи викингов, и до конца 1920-х годов он совершал частые путешествия в Россию, где изучал в основном собрания музеев и новые находки. Благодаря этим поездкам он овладел русским языком. В 1911 году он участвовал в XV Археологическом съезде в Новгороде. Вместе с ним на съезде был профессор Упсальской славянской кафедры Рикард Экблум, который изучал скандинавские топонимы в Новгородской земле. В 1915 году он опубликовал на французском языке свою работу «Русское и варяжское в географических названиях Новгородской земли».

С конца 1920-х годов Туре Арне перестал ездить в Советский Союз. Его разочаровало политическое развитие страны. Многие его друзья археологи были арестованы и исчезли в тюрьмах и лагерях. Но он продолжал следить за советскими публикациями и писал статьи о новых археологических находках, например «Новые раскопки в Новгороде» и «Новости из Новгорода». В 1950-е годы он обратил внимание на раскопки на Рюриковом городище и на находки первых берестяных грамот.

В 1917 году вышла книга Туре Арне «Великий Свитйод», содержащая один-

надцать очерков об исторических связях между Швецией и Россией с древнейших времен до XIX века. Эту книгу можно причислить к классике. Здесь мы встречаем и сведения о Новгороде, например о колоколах в шведских церквах, изъятых шведами во время войн на Северо-Западе России в конце XVI и в начале XVII веков.

С 1990-х годов новое поколение шведских археологов изучало скандинавские находки в Новгороде. В их числе был Ингмар Янссон, который написал статью о скандинавских находках на Рюриковом городище. Руне Эдберг, руководивший плаванием по русским рекам на судне, построенном по образцу варяжских кораблей, написал книгу «Экспеди-

ция Хольмгард: путешествие на корабле викингов "Айфур" из Сигтуны в Новгород — археологическое приключение».

В 1970-е годы профессор Андерс Шёберг на кафедре славянских языков Стокгольмского университета обратился к наследию русских и старославянских документов в шведских собраниях. В своей докторской диссертации он анализировал управление старославянских глаголов в переводных текстах в сопоставлении с греческим оригиналом, и поэтому его интерес на первых порах привлекали пергаменные отрывки из старославянских рукописей XIV и XV веков, хранящиеся в Государственном архиве и в Королевской библиотеке в Стокгольме.

Туре Арне

Диалектные особенности текстов указывают на их новгородское и псковское происхождение. Эти отрывки являются военной добычей войн конца XVI и начала XVII веков, и шведская администрация использовала их как папки для делопроизводственных документов.

У Шёберга был талант живо и вдохновляюще рассказывать о своих находках, и он собрал вокруг себя аспирантов, которые разделяли его интересы. В их числе были Элисабет Лёфstrand и Сив Весслен, защитившие диссертации о фрагментах славянских пергаменов в Швеции. Сам Андерс Шёберг готовил к изданию отрывки прологов, но его скоропостижная смерть в 1990 году положила конец этой работе.

Ныне аспирант кафедры Лариса Коробенко работает над палеографическим и типологическим исследованием всех до сих пор найденных отрывков.

Ещё в 1964 году сотрудник славянской кафедры Генрик Бирнбаум обратил внимание на Новгородский оккупационный архив. В журнале «Scando-Slavica» он опубликовал статью на немецком языке под названием «Стокгольмская Новгородика». Бирнбаум и впоследствии не утратил интереса к Новгороду. Будучи профессором в Лос-Анджелесе (UCLA), он издал две монографии о Новгороде «Господин Великий Новгород» и «Новгород в фокусе».

Статья Бирнбаума в журнале «Scando-Slavica» побудила Шёберга углубиться

в изучение Оккупационного архива. Он написал несколько статей по его документам. Например, он проанализировал банные и судебные книги — и из их сухих записей смог сделать даже политические выводы. В частности, он интересовался летописцем Иваном Тимофеевым, который находился в Новгороде во время шведской оккупации. Шёберг сравнивает церковно-славянский язык «Временника» Ивана Тимофеева с его приказным языком в документах Оккупационного архива: «Двуязычие и диглоссия на Руси в начале XVII века. Некоторые замечания о языке дьяка Ивана Тимофеева».

У Шёберга были глубокие знания по истории, культурологии и истории русского языка, его анализы были проницательны, и он часто приходил к поразительным выводам. В статье о новгородском священнике Упыре Лихом он идентифицировал его с известным рунорезцем Эпиром: «Поп Упырь Лихой и шведский рунорезец Эпир». Статья получила известность в Швеции и России. Однако многие шведские лингвисты относятся скептически к его гипотезе.

Две аспирантки Шёберга написали свои диссертации по книгам Оккупационного архива: Хагар Сундберг «Новгородские кабальные книги 1614—1616 гг.» и Ингегерд Нордландер «Документы о покупке недвижимости в Новгороде в 1609—1616 гг.». Вместе они написали

Андерс Шёберг

статью по кабацким книгам: «Новгородские кабаки в период шведской оккупации 1611—1617 гг.».

В 2005 и 2009 годах Элисабет Лёфstrand и Лайла Нордквист опубликовали два тома подробных описей документов Новгородского оккупационного архива «Делопроизводство оккупированного города: каталог Новгородского оккупационного архива 1611—1617 гг.». Раньше существовал лишь неполный машинописный каталог Сергея Дмитриевского на шведском языке. Каталог (на английском языке) доступен по интернету, вместе со сканами всех документов (<https://sok.riksarkivet.se/ockupationsarkivet-povgorod>). К сожалению, сканы были сделаны не с оригиналов, а с микрофильмов шестидесятых годов XX века.

Элисабет Лёфstrand написала несколько статей по документам архива, например: «Женские судьбы Смутного времени» и «Предметы быта в Новгороде XVII века».

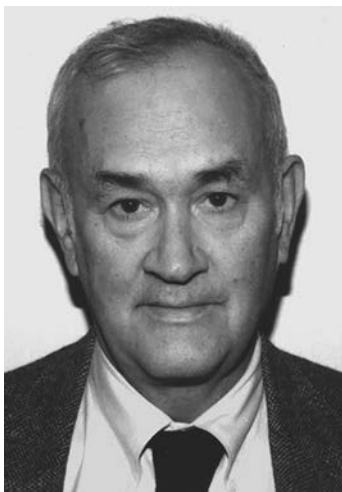
Топонимикой Новгородской земли по материалам Новгородского оккупационного архива плодотворно занимается Пер Амбросиани.

Во время шведской оккупации Новгорода в городе существовал денежный двор, где чеканились монеты. Нумизмат Бенкт Хеммингссон посвятил этому статью «Чеканка монет шведами в Новгороде в 1612—1617 гг.».

Оккупационным архивом занимались в основном стокгольмские и упсальские учёные, что, конечно, не вызывает удивления, так как Государственный архив находится в Стокгольме.

В 2011 году в Государственном архиве Швеции состоялась конференция «Novgorodiana Stockholmiensia», посвященная памяти Андерса Шёберга. В её работе приняли участие шведские и российские исследователи, занимавшиеся изучением документов Новгородского оккупационного архива. В 2012 году был опубликован сборник «Novgorodiana Stockholmiensia / Шведская новгородика» с текстами всех докладов на шведском и на русском языках.

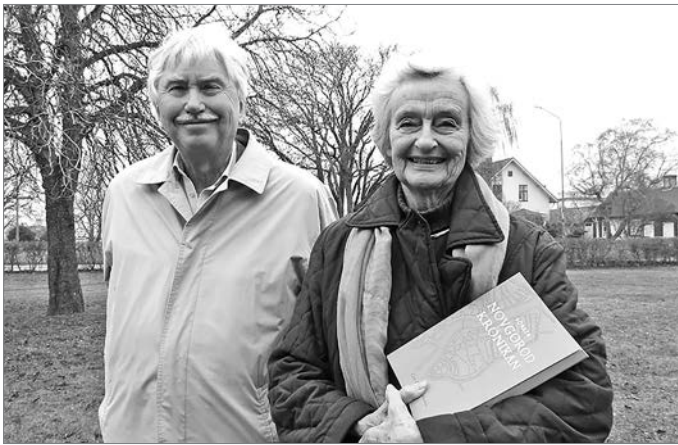
В 2004 году в Гётеборгском университете вышла большая работа по вопросу о русском вече. Её автором является историк Юнас Гранберг, и это его докторская диссертация «Вече в летописях средневековой Руси: функции и терминология». В поисках доказательств, что вече занимало юридически ключевое место в политике русских княжеств, Гранберг анализирует все упоминания слова *вече* и его синонимов в девяти русских летописях. Как мы знаем, вече по традиции занимало уникальную позицию в Новгороде. Гранберг пришёл к выводу, что отсутствуют указания на то, что вече в русских средневековых княжествах — даже в Новгороде — издавало какие-нибудь

Генрик Бирнбаум

значимые юридические документы. Из летописных цитат можно всего лишь вычитать, что вече — это собрание людей, неизвестно с какими функциями. Люди собирались, когда угрожали конфликты и была потребность обсуждать происходящее или мобилизовать общество. На вече также могли разыгрываться политические противопоставления разных слоёв общества. В мирное время люди

ширное предисловие к изданию. Вообще можно сказать, что среди учёных на Готланде долго был особый интерес к Новгороду. Например, готландские археологи много лет сотрудничали с новгородскими археологами. Связи Готланда с Новгородом уходят в глубь веков. Светлана Свенссон (урожд. Васильева) исследует церкви в Гарде и Кэллунге, где есть византийские фрески XIII века. На Готланде также есть каменные купели и крашенные деревянные доски из малоизвестной и загадочной византийской мастерской. Предположительно, мастера из Византии приезжали на Готланд из Новгорода.

Нильс Бломквист и Гун Эйле

Как видно по библиографии данной статьи, в последние годы не было шведских публикаций, связанных с Новгородом. В 1990-х годах был заметный подъём в интересе шведов к Новгороду. После распада Советского

Союза открылись новые возможности для контактов между шведскими и русскими учёными. Шведский институт получил финансовые возможности поддерживать совместные проекты, и это было очень важно для плодотворного сотрудничества. Также и другие шведские государственные органы, финансирующие научные исследования, относились положительно к таким проектам. Но теперь гораздо труднее получить финансовую поддержку подобных проектов.

собирались, чтобы быть свидетелями официальных церемоний или чтобы прослушать заявления руководящей элиты. Итак, по летописям невозможно сделать какие-нибудь выводы о политических функциях веча.

Следует также упомянуть об издании Новгородской Первой летописи в Швеции. Она вышла на шведском языке в 2016 году. Переводчиком является Гун Эйле, которая много лет преподавала русский язык в университете Готланда (ныне отделение Упсальского университета). Историк Нильс Бломквист написал об-

По традиции шведские слависты углубляются в древние тексты. Историки

предпочитают посвящать свои труды недавнему прошлому. Может быть, это не так удивительно. Нужны очень хорошие знания языка чтобы читать и понимать древние тексты.

Можно только надеяться, что будет «новая волна» интереса к Новгороду и исследователи найдут много интересного в фондах шведских библиотек и архивов.

1. Ambrosiani Per. Some Observations on the Relationship between Lake Names and Village Names in Northwest Russia // *Explorare necesse est. Hyllningskrift till Barbro Nilsson*. Stockholm, 2002. P. 15–24.

2. Ambrosiani Per. Топонимика Новгородской земли в Новгородском оккупационном архиве г. Стокгольма: Дудоровский погост // *Slavica Lundensia Supplementa* 2. Lund, 2003. С. 7–20.

3. Ambrosiani Per. Названия деревень и сёл в Новгородском оккупационном архиве // *Новгородский исторический сборник*. Вып. 10 (20). СПб., 2005. С. 309–312.

4. Ambrosiani, Per. Параллельные названия в прибалтийско-финской и русской ойконимии Ингерманландии // *Вопросы ономастики*. 2008. № 6. С. 83–92.

5. Ambrosiani Per. Названия погостов в документах Новгородского оккупационного архива: методологические аспекты составления указателя топонимов // *Novgorodiana Stockholmiensia / Стокгольмская Новгородика*. Stockholm, 2012. С. 51–62.

6. Arne Ture. *Det stora Svitjod: essayer om gångna tiders svensk-ryska kulturförbindelser*. Stockholm, 1917.

7. Arne Ture. Nya grävningar i Novgorod // *Fornvännen: Meddelanden från K. Vitterhets, historie och antikvitets akademien*, 1938. S. 364–366.

8. Arne Ture. Nytt från Novgorod // *Fornvännen: Meddelanden från K. Vitterhets, historie och antikvitets akademien*, 1941. S. 365–366.

9. Arne Ture. Näverbrev // *Fornvännen: Meddelanden från K. Vitterhets, historie och antikvitets akademien*, 1954. S. 245–247.

10. Birnbaum Henrik. *Novgorodiana Stockholmiensia // Scando-Slavica*. 10. Copenhagen, 1964. S. 154–173.

11. Birnbaum Henrik. *Lord Novgorod the Great: Essays in the history and culture of a medieval city*. Columbus (Ohio), 1981.

12. Birnbaum Henrik. *Novgorod in focus: selected essays*. Columbus (Ohio), 1996.

13. Edberg Rune. *Expedition Holmgård, vikingabåten Aifurs färd från Sigtuna till Novgorod: ett arkeologiskt äventyr*. Sigtuna, 1994.

14. Eklom Richard. Rus — et vareg — dans les noms de lieux de la region de Novgorod. Stockholm, 1915.

15. Granberg Jonas. *Veche in the cronicles of medieval Rus: a study of function and terminology*. Göteborg, 2004.

16. Hemmingsson Bengt. *Svenskarnas myntning i Novgorod 1612—17 // Nordisk numismatisk unions medlemsblad*. København, 2000. S. 147–154.

17. Jansson Ingmar. *Scandinavian finds from the 9th—10th centuries on Ryurikovo Gorodishche // Fenno-Ugri et Slavi*. Helsinki, 1999.

18. Löfstrand Elisabeth. *Slavonic parchment fragments in Sweden 1. Paraemioarion, Triodion, Psalter: a text edition*. Stockholm, 1984.

19. Löfstrand Elisabeth. *Sverige och Novgorod*. Stockholm, 1999.

20. Löfstrand Elisabeth. Женские судьбы Смутного времени // Чело. 2003. № 1(26). С. 69–75.
21. Löfstrand Elisabeth. Предметы быта в Новгороде XVII века // Чело. 2005. № 1(32). С. 100–102.
22. Löfstrand Elisabeth. Новгородцы Кошкины и Ryssgården в Стокгольме // Родина. 2009. № 9. С. 61–64.
23. Löfstrand Elisabeth. Sverige och Novgorod under stora oredans tid. En introduktion till forskningsläget // Historisk tidskrift, utgiven av Svenska historiska föreningen 2011:2. Stockholm, 2011. S. 295–306.
24. Löfstrand Elisabeth; Коваленко Г.М. Novgorodiana Stockholmiensia / Стокгольмская новгородика. Stockholm Slavic Papers, 19, Stockholms universitet. Stockholm, 2012.
25. Löfstrand Elisabeth; Nordquist Laila. Accounts of an occupied city: catalogue of the Novgorod Occupation Archives 1611—1617. Series I, Stockholm: Riksarkivet, 2005; Series II, Stockholm: Riksarkivet, 2009.
26. Nordlander Ingegerd. Real estate transfer deeds in Novgorod 1609—1616: text and commentary. Stockholm, 1987.
27. Nordlander Ingegerd; Sundberg Hagar. The Novgorod taverns during the Swedish occupation 1611—1617 // *Podobaet' pamjat' s'tvoriti: Essays to the Memory of Anders Sjöberg*. Stockholm, 1995. P. 139–156.
28. Sjöberg Anders. Некоторые замечания о языке дьяка Ивана Тимофеева // *Meddelanden från institutionen för slaviska och baltiska språk*. No. 20. Stockholm, 1979. С. 13–25.
29. Sjöberg Anders. Pop Upir' Lichoј and the Swedish rune-carver Ofeigr Upir // *Scando-Slavica* 28. Copenhagen, 1982. P. 109—124.
30. Sundberg Hagar. The Novgorod kabala books of 1614—1616 text and commentary. Stockholm, 1982.
31. Svensson (Vasilyeva) Svetlana. Vad döljer sig bakom motiven på några plankor från Sundre // *Kyrkornas ö: årsbok för Gotlands kyrkohistoriska sällskap*. Visby, 2013.
32. Svensson (Vasilyeva) Svetlana. Byzantinos' stenmästarverkstad och dess stilistiska omvärld // *Fornvännen: Meddelanden från K. Vitterhets, historie och antikvitets akademien*, 2016. S. 243—255.
33. Wesslén Siw. Slavonic parchment fragments in Sweden 2. Gospels: a text edition. Stockholm, 1985.

Виктор Смирнов

НОВГОРОДСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

Новгородская история — это непрерывная цепь увлекательных сюжетов, из которых, как из мозаики, складывается живая и пёстрая картина прошлого. Иногда в коротеньком рассказе, запечатлённом в памяти людей, спрятано столько смыслов, что их отгадыванию посвящена целая научная литература.

Первая столица Руси

В двух километрах от современного Новгорода в истоке Волхов авысится холм с остатками древнего храма. Это и есть знаменитое Рюриково городище — первая столица Руси. Впрочем, не все учёные с согласны с этим статусом Городища. Так, профессор Анатолий Кирпичников утверждал, что первой столицей Руси является Старая Ладога. В качестве аргумента учёный ссылался на Начальную летопись, где говорится о призвании трёх братьев Рюрика, Трувора и Синеуса, местными племенами. («И седе старейший в Ладозе Рюрик»). Однако, по мнению академика Валентина Янина, Рюрик совершил в Ладоге всего лишь кратковременную остановку. Чтобы преодолеть бурные волховские пороги, требовалось заменить морские корабли на плоскодонные лодки, для чего конунгу пришлось застрять в Ладоге примерно на год-два. *«Вот в этом и заключается вся "столичность" этого города в истории Древней Руси»,* — заключал Валентин Лаврентьевич.

Надо отдать должное прозорливости Рюрика. Он идеально выбрал место для своей новой столицы. Это была именно та точка, которая позволяла контролировать сразу два торговых пути — балтийско-волжский и путь «из варяг в греки». Грядущее могущество Новгорода во многом объясняется его положением естественного «диспетчерского пункта» громадной водно-транспортной системы, объединявшей всю восточную Европу и соединённой с южными морями. Сюда же сбегались полсотни рек со всего русского северо-запада, по которым можно было доставлять меха и другие товары. Крепость сразу стала центром княжеской власти. Здесь поселились князь, его двор и дружина. Сюда везли дань со всей округи. Здесь жили купцы и ремесленники. На другом берегу Волхова возникло капище скандинавского бога Перуна.

Таким образом, примерно в течение 18 лет Рюриково городище играло роль столицы нарождающегося Русского государства. В 882-м году преемник умершего Рюрика Олег отправился на юг, захватил Киев и основал свою новую столицу

на берегах Днепра. На Рюриковом городище остался жить наместник киевского князя.

С уходом князя активная жизнь на волховских берегах не прекратилась, напротив, скоро ей уже стало тесно на заливаемом половодьями Городище, и она постепенно перемещается ниже по течению Волхова — туда, где бурно разрастался будущий Господин Великий Новгород. Новым этот город был, по всей вероятности, именно по отношению к Городищу, само название которого означало «брошенное место».

Официальной датой основания Великого Новгорода считается 859 год — год первого упоминания в Никоновской летописи. Самое раннее иностранное упоминание Новгорода (Немограда) встречается в сочинении византийского императора Константина Багрянородного. В скандинавских сагах город называется Холмгардом — столицей Гардарики — страны городов, в германских источниках — Острогардом.

Если Киев впоследствии стали именовать матерью городов русских, то Новгород с полным правом может именоваться их отцом. Город постепенно становится политическим и торговым центром громадных территорий северо-западной Руси. Во времена Ярослава Мудрого была построена новая княжеская резиденция на правом берегу Волхова — Ярославово дворище. Однако в 1136 году после бурных событий новгородское вече изгнало князя Всеволода из города и запретило князьям жить в Новгороде и владеть здесь собственностью. С этого времени на целые столетия князья снова возвращаются на Рюриково городище.

Здесь жили Александр Невский, Симеон Гордый, Дмитрий Донской, Василий Тёмный, Дмитрий Шемяка, Иван III. Зимой 1570 года Городище стало местом чудовищной расправы, которую учинил над новгородцами Иван Грозный. После присоединения Новгорода к Москве наместники великого князя перебираются в Дединец, а Рюриково городище постепенно превращается в обыкновенное село. Петр I подарил Городище князю Меншикову, который устроил здесь усадьбу. Рядом протекает Сиверсов канал, сооруженный по проекту новгородского губернатора графа Сиверса. Канал соединял Волхов с Мстой в обход Ильменя.

Археологов тянет сюда, как магнитом. Первым попытался раскопать Городище художник Николай Рерих, покорённый красотой этих мест. *«Богатое место — Городище! — писал Рерих. — Кругом сияние, заманчивые дали. Темнеет Ильмень. За Волховым — Юрьев и бывший Аркажский монастырь. Правее сверкает глава Софии и коричневой лентой изогнулся Кремль. На Торговой стороне белеют все храмы, что "кустом стоят". Виднеются Лядка (Волотово), Кириллов монастырь, Нередица, Сельцо, Сквородский монастырь, Никола на Липне, за лесом синее Бронница. Все, как на блюдечке, за золотым яблочком».*

Сегодня Рюриково городище является одним из самых известных в мире памятников эпохи викингов. Здесь обнаружено огромное количество разнообразных находок: арабское и византийское серебро, предметы роскоши, оружие, окаменевшие брёвна девятого века, печати, берестяные грамоты. И кто знает, сколько ещё археологических сенсаций скрывает этот

небольшой, размером всего в шесть гектаров песчаный холм...

Как София строилась

Сердцем Детинца, а с ним и всего Новгорода, была Святая София. Это самый древний христианский храм современной России. Его строительство началось в 1045 году и было завершено в 1050, то есть заняло всего пять лет. Даже по сегодняшним меркам это весьма короткий срок для объекта, на который было израсходовано примерно 10 тысяч кубометров камня и кирпича.

Впрочем, Софию трудно назвать грандиозным сооружением. Её размеры довольно скромны — длина 27 метров, ширина 24,8 метра, высота от уровня древнего пола до голубя на кресте 38 метров. Внешний облик собора не поражает затейливой пестротой, как, скажем, храм Василия Блаженного. Внутреннее убранство собора тоже не слепит роскошью. В чём же секрет необыкновенной притягательности Софии Новгородской?

Есть такое понятие — намоленность. Оно гораздо точнее, чем модное слово «аура» выражает концентрацию духовной энергии. Так вот София — не только самый древний, но и самый намоленный храм России. Сколько видели и слышали эти стены, сколько светлых и горьких слёз пролилось, сколько исповедей прозвучало, сколько горячих благодарностей и молений возносились к Богу! Нескончаемой вереницей входили в Софийские врата злодеи и праведники, простецы и гордецы, убийцы и жертвы. И всем им равно внимала София, всем давала надежду и веру.

Первоначальный собор сильно отличался от современного. Он был одноглавым, с круглым куполом, тремя апсидами. С годами внешний и внутренний облик Софии менялся, каждое новое поколение новгородцев вносило в него что-то своё. Стены поначалу были желтовато-розовыми по цвету волховского известняка, из которого они были сложены. Реставраторы нарочно оставили кусок неоштукатуренной поверхности на восточной стене собора, чтобы потомки могли представить его изначальный вид. В двенадцатом веке стены оштукатурили и побелили, и София стала напоминать белое облако на фоне серо-голубого неба. С обеих сторон к храму были пристроены приделы. В XV веке собор стал шестиглавым, а центральный купол засиял золотом.

Строили новгородскую Софию те же византийские мастера, что и Софию киевскую. Два этих собора своим сходством и одновременно своей непохожестью удивительно напоминают собой два народа — русских и украинцев. София киевская красива яркой и броской южной красотой. Дух Византии в ней смешался с духом будущей Малороссии, греческие лики икон соседствуют с пляшущими местными скоморохами, а иконостас слепит червонным золотом, бьёт по глазам богатством и роскошью.

София новгородская по первому впечатлению проигрывает своей старшей сестре. Но истинный знаток оценит благородство и чистоту её линий, соразмерность пропорций. Оправленный в старое серебро иконостас поражает изысканным вкусом, лики икон исполнены сосредоточенной мудрости. София киевская была княжеским собором.

София новгородская сама олицетворяла собой высшую власть. «Где София, там и Новгород», — говорили наши предки. От стен Софии они отправлялись на защиту своих рубежей. Собор был не только главным храмом республики, он был и её государственным банком. В здешних тайниках находилась владычная казна, в ризнице собора хранились облачения и драгоценная утварь.

Первую роспись Софии делали тоже византийские мастера. Они работали в технике эльфреско, то есть по сырой штукатурке. Эта техника требует мастерства и уверенной руки, поскольку исключает переделки. Труднее всего художникам давалась роспись центрального купола. Тогда и родилась легенда, приведённая в Первой новгородской летописи.

В центральном куполе греки изобразили Пантократора, то есть Христа-Вседержителя с благословляющей рукой. Однако придя в храм на следующее утро, они увидели пальцы Христа сжатыми. Ещё дважды художники безуспешно переписывали руку Пантократора, пока не услышали глас с небес: *«Писари, о писари! Не пишите меня с благословляющей рукой, напишите меня со сжатою рукой, ибо в ней я держу Великий Новгород, а когда рука моя раскроется, то и граду сему конец!»*.

До наших дней сохранились только фрагменты первых фресок. Современная роспись собора — это, увы, весьма посредственная работа артели владимирских мастеров, сделанная во время капитальной реставрации конца девятнадцатого века.

София была и богатейшей русской библиотекой, основанной ещё Ярославом Мудрым. Здесь днём и ночью трудились,

переписывая, переводя и изучая священные тексты, самые грамотные люди того времени. В течение многих столетий фонды библиотеки пополнялись самыми редкими и ценными книгами. Архиепископы, князья, бояре, купцы и целые улицы Новгорода не жалели на это средств, хотя книги в средние века стоили безумно дорого.

Библиотека немало пострадала от войн, пожаров и прочих несчастий. Но самый большой ущерб ей нанёс царственный книголюб Иван Грозный, который ограбил Софию буквально дочиста. Часть книг удалось вернуть, но большая часть пропала вместе с таинственно исчезнувшей «Либерией».

Сегодня многие сокровища софийской библиотеки хранятся в московских и Санкт-петербургских книгохранилищах. Туда же отправилось и знаменитое собрание книг Феофана Прокоповича, завещанное владыкой Новгороду. Уцелевшие старинные книги любовно сберегаются в Научной библиотеке Новгородского музея-заповедника.

С самого начала собор стал усыпальницей именитых новгородцев. Кроме строителя собора — князя Владимира Ярославича и его матери княгини Ирины, в православии Анны Новгородской, — здесь были погребены святой благоверный князь Мстислав Ростиславич, брат Александра Невского князь Фёдор Ярославич, новгородские владыки — Никита, Иоанн, Иоаким Корсунянин, Лука Жидята, Аркадий, Мартирий, Феофан Прокопович и многие другие.

На Мартирьевской паперти Софийского собора сохранилась редчайшая фреска одиннадцатого века, изображающая святых равноапостольных импера-

тора Константина и его мать Елену. Хранится в соборе и резной каменный крест XIV века, воздвигнутый архиепископом Алексием в память новгородцев, павших в Куликовской битве. Некоторые историки отрицают факт участия новгородцев в этой знаменитой битве. Алексеевский крест является наглядным подтверждением того факта, что новгородцы действительно сражались на Куликовом поле и многие из них не вернулись домой.

Софийский иконостас открыл новую страницу в русской иконописи. Там, где раньше звучала сольная партия отдельных икон, теперь зазвучал мощный ансамбль святых образов. Здесь сберегается одна из самых главных новгородских святынь — древняя икона Знамения Богородицы. Если присмотреться поближе, на лике Богородицы можно рассмотреть небольшое углубление. Это след стрелы — напоминание об ещё одном полуполюгендарном событии новгородской истории.

22 февраля 1170 года Новгород осаждало огромное войско суздальского князя Андрея Боголюбского. Предание гласит, что горожане отбивались три дня и стали изнемогать. В ночь перед четвёртым днём новгородский архиепископ Иоанн, повинувшись голосу свыше, взял икону Пресвятой Богородицы и вознёс её на крепостную стену. Одна из суздальских стрел попала в лик иконы, из глаз Богородицы потекли слёзы, и тотчас на суздальцев «напало одурение». Новгородцы напали на них и разбили наголову. Этот сюжет запечатлён на другой знаменитой новгородской иконе «Битва новгородцев с суздальцами», на которой изображён и Софийский собор.

Царское моленное место, изготовленное новгородскими мастерами по приказу Ивана Грозного в 1572 году, представляет собой великолепное по исполнению декоративное сооружение, сплошь покрытое резьбой и позолотой. Большое бронзовое паникадило немецкой работы весом около 1,5 тонны — подарок царя Бориса Годунова.

В восточной части Софии расположен придел Рождества Богородицы, который был построен в середине XI века. Вход в придел украшают Корсунские врата византийской работы из дерева и меди — подарок Ярослава Мудрого. Бронзовые Магдебургские (Сигтунские) врата в течение нескольких веков служили торжественным входом в собор. Сейчас они открываются только по праздникам. Согласно древнему преданию, врата были воинским трофеем новгородцев, ходивших по морю в шведскую столицу Сигтуну в 1187 году. На самом деле они были изготовлены в немецком Марбурге и появились в Новгороде только в пятнадцатом веке.

После революции Софийский собор был национализирован, в нём размещался антирелигиозный музей. Только 16 августа 1991 года собор был возвращён Русской православной церкви. Во время первой праздничной литургии огромная толпа, затаив дыхание, наблюдала, как над куполом Софии вдруг засиял радужный нимб, словно символ возвращённой благодати.

Невский без нимба

В последнее время ряд современных историков все чаще ставят под сомнение

традиционный образ святого благоверного Александра Невского. Князю ставят в вину ревностное служение Орде, неразборчивость в борьбе за власть, жестокие расправы над соотечественниками, а его громкие военные победы называют преувеличенными.

Но, прежде чем так строго судить Александра Невского, надо вспомнить о том, какая эпоха выпала на его долю. В тринадцатом веке Русское государство находилось на грани полного уничтожения. Нужно было выиграть время, чтобы сохранить страну, дать ей окрепнуть после страшного разорения, отбиться от почуявших запах крови западных соседей. И с этой задачей Александр Ярославич справился блестяще, заслужив вполне оправданную благодарность потомков.

Итак, каким же был этот человек, оставивший столь глубокий след в новгородской истории?

Будущий великий князь рос в резиденции на Городище, здесь он учился ратному делу и постигал трудную науку управлять людьми. Новгородским князем должен был стать старший брат Александра — Фёдор, но во время приготовления к свадьбе княжич неожиданно умер в возрасте тринадцати лет. На плечи двенадцатилетнего Александра свалилась ответственность за самый богатый и самый беспокойный город Руси. Первое время он считался наместником своего отца, но в 1236 году князь Ярослав Всеволодович уехал в Киев и Александр стал княжить в Новгороде самостоятельно.

В 1238 году над Новгородом нависла грозная опасность. Сюда шёл с огромным войском хан Батый. Уже пал Торжок, монголам оставалось преодолеть последние

сто вёрст, как вдруг Батый приказал поворачивать коней назад. Историки до сих пор гадают о причинах такого внезапного отступления. Согласно одной версии, кочевников испугал начавшийся разлив рек, хотя монголы давно научились преодолевать водные преграды. По другой версии, возле Игнач Креста состоялись переговоры Батыя с новгородскими послами. Новгородцы предложили хану выкуп, в противном случае город обещал стоять насмерть. Монголы уже понесли большие потери, и Батый согласился на выкуп.

Мы не знаем, какие действия предпринял тогда Александр. Но он не стал спасаться бегством, как нередко поступали в такой ситуации другие князья, и, очевидно, сделал всё, чтобы подготовить город к осаде. Новгород остался непокорённым, однако замаячила угроза с запада. В 1240 году шведы предприняли «крестовый поход» на Русь, отправив на ладьях в Неву войско под предводительством королевского зятя Биргера. Не дожидаясь сбора рати, Александр с малочисленной дружиной внезапно напал на шведов и разбил их наголову. Показывая пример воинской доблести, Александр вступил в поединок с Биргером и своим мечом «возложил ему печать на чело», то есть рассёк лоб. За эту победу Александр получил прозвание Невский.

Уже в раннем возрасте Александр проявил крутой и властный характер. Он поссорился с новгородцами и удалился в Переяславль. В это время ливонские рыцари захватили Псков и вторглись в новгородские земли. С ними шли чудь и литовцы. Перед лицом грозной опасности новгородцы послали за Александром с просьбой забыть обиду и возглавить

отпор немцам. Князь явился на призыв, и 5 апреля 1242 года в знаменитом сражении на льду Чудского озера новгородцы под его командованием разбили рыцарей. Отразив ливонскую угрозу, Александр нанёс несколько поражений литовцам. Этими победами он надолго укрепил северо-западные пределы Руси.

На этом героический период жизни Александра Невского полководца заканчивается. Теперь мы видим другого Александра, который ожесточённо борется за власть с собственным братом и подавляет сопротивление русских земель ордынским ханам. Получив ханский ярлык на киевское княжение, Александр не поехал в разорённый монголами Киев, а остался в Новгороде. Здесь в 1248 году произошло ещё одно историческое событие, которое надолго определило не только внешнюю политику, но и всю дальнейшую историю Русского государства.

В княжескую резиденцию прибыли посланцы папы Римского Иннокентия IV с двойным предложением: заключить союз с европейскими странами против Орды и принять католичество. И то, и другое предложение Невский отклонил. Он помнил, как хищнически повели себя немцы, шведы, датчане и литовцы по отношению к Руси, фактически заслонившей собой Европу от кочевников. Если монголам нужна была от завоёванных народов только дань, то европейцы стремились к захвату русских земель. Если монголы не посягали на религию завоёванных народов, то католики силой навязывали православным свою веру. Ситуация отчасти напоминала ту, что сложилась накануне Второй мировой войны. Князь подозревал, что европейские страны хотят столк-

нуть Орду и Русь, чтобы отвести от себя монгольское вторжение.

Оказавшись перед лицом двойной угрозы — с востока и с запада, Невский сделал ставку на Орду. Уверившись в преданности великого князя, монголы фактически устранились от непосредственного участия в управлении русскими землями. Сбор дани и посредничество между Ордой и Русью переходят в руки Рюриковичей. На этой почве у Александра Невского в 1257 году возник острый конфликт с Новгородом, который не желал платить дань Орде. В ответ на угрозы в городе вспыхнул мятеж, причём на стороне новгородцев выступил княживший здесь сын Александра Василий.

Александр жестоко подавил мятеж, восставшим отрезали носы и выкалывали глаза. Василий был вынужден спасаться бегством от отцовского гнева. На какое-то время Новгород покорился, но уже через два года, когда сюда приехали монгольские переписчики, чтобы обложить население поголовной данью, новгородцы снова восстали. Чтобы разрешить острейшую ситуацию, Невский пошёл на крайнюю меру — он пригрозил городу полным уничтожением.

Восстания перекинулись на другие русские города, и Александру Ярославичу пришлось предпринять огромные усилия, чтобы предотвратить карательный поход монголов. Последняя поездка в Орду была для Невского тяжёлым испытанием. Недовольный им хан Берке долго не отпускал Невского, требовал дани и русских воинов для войны с иранским ханом. В 1263 году на обратном пути из Орды Александр Невский умер в Городце на Волге.

По свидетельству летописца, князь имел повелительную наружность, высокий рост, «громкий как труба голос». Он всегда был очень популярен у нас в стране, особенно в военное время. Церковь причислила его к лику святых, в годы войны был высший военный орден, на котором, кстати сказать, изображён актёр

Николай Черкасов, сыгравший Невского в фильме Сергея Эйзенштейна.

Новгородцы всегда глубоко чтят память Невского, невзирая на все сложности их взаимоотношений. В его честь названы главный городской мост и набережная, на которой установлен памятник работы скульптора Чернова.

Андрей Кузнецов

ДВА НОВГОРОДА И ВЛАДИМИРСКИЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР ЯРОСЛАВИЧ НЕВСКИЙ

800 лет назад был основан Нижний Новгород и родился Александр Ярославич — князь, стяжавший себе славу победами над шведами, крестоносцами, литовцами и дипломатическим умением смягчить гнёт победивших монголов. Что связывает Нижний Новгород и Александра Невского, кроме символического сближения по дате появления на свет? В самом Нижнем Новгороде на величественном месте Стрелки — мыса, образующем впадением Оки в Волгу, — в 2021 году воздвигнут конный монумент Александра Невского. Первый и единственный конный памятник в Нижнем Новгороде. Даже князь-основатель Георгий (Юрий) Всеволодович (1188—1238), дядя (стрый) Александра Ярославича Невского (1221—1263), в Нижегородском кремле смотрит на свой город стоя.

Сам Александр Ярославич Невский сцеплен с Нижним Новгородом опосредованно и символически. И эта их взаимность — князь и (Нижний нов) город — долгое время (в отличие от отношений князя и Новгорода на Волхове) лишь угадывалась, определялась под-

спудно. Место кончины князя — древнейший город Нижегородской области Городец — долго жил с этим знанием отдельно. Там появились улица Александра Невского и памятник Александру Невскому. В Нижнем Новгороде не задумывались об этом деятеле отечественной истории: со времён Нижегородской губернской учёной архивной комиссии историко-культурная самопрезентация Нижнего Новгорода выражалась сюжетами князя — основателя города Георгия (Юрия) Всеволодовича, основания самого Нижнего Новгорода, в подвиге Нижегородского ополчения в Смутное время и Нижегородской (Макарьевской) ярмарки. Во второй половине XX века к этим сюжетам добавилось Великое княжество Нижегородское XIV века и «Кузница Победы»... Да, в 1880-е был возведён величественный храм Александра Невского на Стрелке, но он более связан с тезоименитством тогдашним императорам.

Толчок обретения Нижним Новгородом Александра Невского был дан в 2009 году, когда во всенародном голосовании князь был признан «Именем

России». Итоги этого выбора подводил Патриарх Кирилл в Нижнем Новгороде. Увы, даже участие такого авторитета не стало началом нижегородского освоения Александра Невского.

Новый импульс был задан 800-летним юбилеем... и Александра Невского, и Нижнего Новгорода. Общая годовщина даёт повод для размышлений о близости этих российских исторических величин. А понимание её позволит сблизить и Новгород на Волхове с Новгородом «на устье Оки» (формант Нижний в названии впервые фиксируется лишь с середины XIV века), и с основателем второго — великим владимирским князем Георгием (Юрием) Всеволодовичем.

Небесным покровителем князя Александра Невского был святой воин Александр Римский, а потому, согласно расчётам В.А. Кучкина, дата рождения Александра Ярославича приходится на дни вокруг 13 мая 1221 года — день памяти святого. И это обстоятельство усиливает сцепление биографии князя с историей Нижнего Новгорода. Ведь его основание пришлось на период поздней весны — начала лета. Такая датировка проистекает из сопряжённости событий 1221 года на северо-западе и северо-востоке Руси. Закладка «града на устье Оки» в «земле незнаемой», заманчивой для волжских булгар, соседствовавшей с недружественной мордвой, была крупной военной акцией. Для неё требовалась значительная военная сила всей Северо-Восточной Руси, чтобы прикрывать закладку града, находясь продолжительное время там, где на высоком правом берегу Волги после впадения в неё Оки возводились валы и стены города. А уже

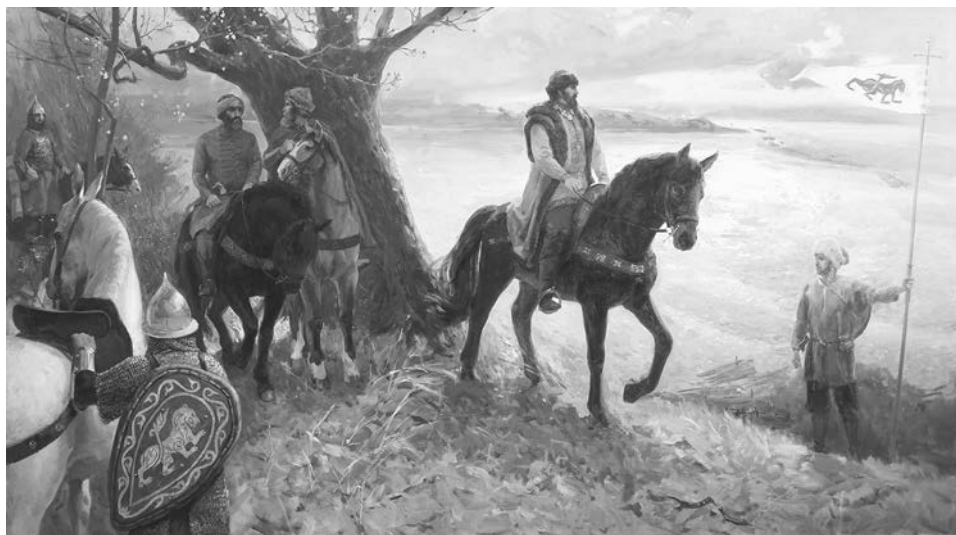
в августе 1221 года вся боевая мощь Залесской земли была отправлена владимирским князем, основателем Нижнего Новгорода, Георгием (Юрием) Всеволодовичем в Новгород. Командовал ими его младший брат Святослав. Он возглавил крупный новгородско-владимирский поход на Кесь (Цесис), город, находящийся под контролем Ордена меченосцев.

Это обстоятельство позволяет сузить предполагаемое время основания Нижнего Новгорода. Оно произошло до августа — в весенне-летний период 1221 года — вероятнее всего, в мае—июне 1221 года: дружины Владимирского княжества должны были побывать на устье Оки, а затем уйти на Волхов. Для этой гипотезы имеется и косвенное предположение: заготовка леса должна вестись в январе—феврале, чтобы он, доведённый до готовности градостроительного материала, был сплавлен по реке к устью Оки. Удобнее это было сделать в апреле—мае. И в этом смысле Александр Ярославич и Нижний Новгород сближаются временем рождения — поздняя весна 1221 года.

1221 год связывает и Нижний Новгород с Новгородом. Одним из событий в истории владимирско-новгородских отношений 1220—30-х годов стал упомянутый поход залесских полков под руководством Святослава Всеволодовича, именно в 1221 году они возобновились. До этого была потеря Новгорода Всеволодом Юрьевичем Большое Гнездо, когда на рубеже 1208—1209 годов Мстислав Мстиславич Удатный ворвался в город на Волхове и арестовал сына Всеволода — Святослава. В связи с уходом Мстислава Удатного на юг Руси зимой 1214/1215 года новгородский стол занял

Ярослав Всеволодович — сын Всеволода Большое Гнездо, зять Мстислава и будущий отец Александра Невского. Первый опыт его новгородского княжения оказался трагичным. Катастрофой стала битва на Липице в апреле 1216 года. К ней привёл внутриновгородский курс Ярослава: подавление любой оппозиции и стремление к полному подчинению

ский исследователь Дж. Феннел обратил внимание на то, что тогда речь шла не только о Новгороде и его вольностях, но о доминировании смоленских князей на Руси. Они уже контролировали Киев, и непослушный Ярослав в Новгороде не способствовал достижению ими общерусской власти. Для Новгорода и его жителей участие в походе на Залесскую

Весной 1221 г. Здесь будет новый город.

Художники: Александр Аверин, Ксения Аверина (Нижний Новгород, 2021)

северного народоправства. Противостояние Новгорода и Ярослава характеризовалось взаимной беспринципной жестокостью. Мстислав, вернувшийся на север Руси в начале 1216 года, решительно занял сторону Новгорода и начал боевые действия против зятя.

Новгородско-псковско-смоленская рать под началом Мстислава Удатного, преследуя Ярослава Всеволодовича, вторглась в Залесскую землю. Британ-

землю в 1216 году было борьбой за старинные вольности предков, попранные при Всеволоде Большое Гнездо и его сыне Ярославе. Таковые проявились в битве на Липице, когда, вспомнив удаль отцов на Кулачье и подражая им, пешими, без портов и сапог новгородцы устремились на противника.

Вступление рати в Северо-Восточную Русь разворошило тлевший династический спор между братьями Константином

и Георгием Всеволодовичами. Второй безоговорочно вступился за Ярослава, а Константин принял сторону Мстислава и новгородцев. Исход битвы на Липице дал Константину владимирский княжеский стол и власть над всей Залесской землёй, Георгия переместили в далёкий Городец, Ярослава лишили жены, а Новгород восстановил свою справедливость. И вот после смерти Константина Всеволодовича, в 1218 году, Георгий вновь становится владимирским князем. Мстислав Мстиславич простил Ярослава и вернул ему свою дочь. А потому рождённый в этом браке Александр (Невский) в дедах своих числил двух непримиримых противников в борьбе за Новгород, ярких и могущественных деятелей раздробленной Руси — Всеволода Большое Гнездо и Мстислава Удатного.

Мстислав покинул Новгород, где некоторое время княжили его смоленские родственники. Но они не смогли организовать защиту новгородских интересов в Юго-Восточной Прибалтике, где активно действовали рыцари Ордена меченосцев, датчане, шведы, литовцы. Со своей стороны, владимирские князья Георгий и Ярослав Всеволодовичи создавали новгородцам трудности в их переходах за данью на восток через территорию владимирских князей. Эти обстоятельства привели к тому, что в 1221 году новгородцы «показали путь» смоленскому князю и обратились за князем во Владимир. Ещё до основания Нижнего Новгорода Георгий Всеволодович отправил в Новгород своего малолетнего сына Всеволода. Сопряжение Нижнего Новгорода и Новгорода в 1221 году было только началом военно-политической деятельности Вла-

димирского княжества и его правителя в обоих направлениях.

Именно в правление Георгия Всеволодовича, в 1220-е годы, наблюдается бурная военно-политическая деятельность на непосредственных рубежах княжества на востоке. В Поволжье шли боевые действия с булгарами, начались походы на мордву. На северо-западе владимирские полки защищали новгородские, псковские, а значит, и общерусские интересы от крестоносцев, шведов, датчан и литовцев. Вообще в третье десятилетие XIII века отмечается невиданная активность дружин всего Владимирского княжества, войска которого почти каждый год перемещались из Поволжья в Юго-Восточную Прибалтику и обратно.

Продвижением на восток руководил и непосредственно участвовал в нём великий князь Георгий Всеволодович — столкновения с мордвой, война с Булгарией в 1223—1230 годах, а на северо-западе Руси (Новгород, Псков, Прибалтика) его курс творчески воплощал в жизнь отец Александра Невского — Ярослав Всеволодович.

Вначале Георгий Всеволодович рассчитывал на то, что реализовывать его замыслы относительно Новгорода будет сын Всеволод. Однако тот дважды бежал из Новгорода, и, в конце концов, в Новгороде утвердился опытный Ярослав. Теперь он вёл себя в Новгороде по отношению к жителям уважительно, не вызывая их гнева. Георгий Всеволодович, видимо, смирился, что в Новгороде утвердился его младший брат. Используя его, Георгий и осуществлял державную политику на северо-западе Руси. Великому владимирскому князю Георгию пришлось вы-

бирать между младшим братом Ярославом и своим шурином — черниговским князем Михаилом Всеволодовичем. Он без колебаний выбрал брата. В силу этих обстоятельств отношения между шурином и зятем были испорчены. Михаил Черниговский перекрыл владимирским князьям доступ в Переяславль (Южный), который они со времён Всеволода считали своим, а без поддержки Георгия Михаил не смог усидеть в Новгороде. Ведь, как заметил В.Л. Янин, в 1220-е только Владимирское княжество было способно обеспечить достойный военно-политический союз с Новгородом, чтобы защитить интересы и зону влияния северной республики от посягательств с Запада. То, что могли предложить другие княжества Новгороду, было только бледной тенью того союза. Попытки Михаила Всеволодовича (Черниговского) закрепиться в Новгороде закончились ничем: он, его сын и даже их сторонники были вытеснены отсюда. И, думается, именно Новгород стал причиной того, что Михаил Черниговский и Ярослав Всеволодович (отец Александра Невского) оказались бескомпромиссными противниками: где бы не пересекались эти князья потом, они никогда не могли договориться. Интересно, что оба князя погибли в 1246 году от рук монголов — Ярослав в далёком Каракоруме испил чашу с ядом, а Михаил был казнён в ставке Батые в низовьях Волги.

Противодействуя орденским рыцарям, шведам, литовцам, Ярослав и Георгий Всеволодовичи обозначили границы Новгорода и Пскова, защитив их от посягательств с Запада. Делали они это даже вопреки Новгороду и Пскову. Например, в 1229 году Ярослав Всеволодович привёл

полки всей Залесской земли (свидетельство того, что опосредованно участвовал и Георгий Всеволодович), чтобы дойти до Риги на устье Западной Двины и закончить с этим оплотом Ордена меченосцев. Поход был сорван: новгородцы не пожелали участвовать, сославшись на отказ псковичей, которые заключили договор с немцами и высказали претензии по поводу того, что во время совместных с новгородцами боевых действий тем доставались трофеи, а псковичи гибли на опасных участках... Сам Псков в 1220—30-е годы только входил в орбиту политического влияния Владимирского княжества, которое воевало с теми, с кем были противоречия и у псковичей. Процесс этот получил было завершение при Александре Невском в 1241—1242 годах, но выйдет на новый уровень в связи с утверждением в Пскове Довмонта.

Впоследствии рубежи, которые были сформированы в результате совместных боевых действий новгородцев, залесских полков и псковичей, стали, как выяснили историки, государственными границами современной Российской Федерации. В этой борьбе и противники Северной Руси, и владимирские князья активно использовали как оружие религиозную идеологию. В ответ на распространение католичества, Георгий и Ярослав Всеволодовичи впервые после крещения Руси Владимиром, в 1227 году обратили в Православие целый народ — карелов, тем самым обеспечив сохранение Карелии в орбите будущей российской цивилизации. Сведения об этом читаются только в Лаврентьевской летописи. Это историко-ведческое обстоятельство позволяет судить, что, несмотря на крещение карел

Ярославом, оно было согласовано с его старшим братом, владимирским князем Георгием Всеволодовичем, и было своеобразным ответом на вызов.

17 января 1227 года папа Римский Гонорий III направил послание «королям Руси», в котором предлагалось принять «католическую истину», поддерживать «прочный мир с христианами Ливонии и Эстонии» и не препятствовать им в распространении веры христианской среди прибалтийских язычников. Послание пришло в Псков и Новгород, стол которого уже занимал Ярослав Всеволодович. Эта грамота Гонория III вызвала тревогу у новгородцев и владимирских князей: они могли утратить финноязычные племена, союзные с Новгородом. Потому-то обращение папы Римского к «королям Руси» могло стать толчком к православному крещению карел.

Косвенным подтверждением того, что обращение в «ортодоксальное» христианство карел было продиктовано военно-политическими обстоятельствами, является отсутствие подобных практик в окрестностях недавно основанного Нижнего Новгорода. Владимирских князей не беспокоило язычество мордвы — и той, с которой воевали (Пургас), и той, с которой договаривались (Пуреш(а)). Зато в том 1227 году, когда крестили карел, князь Ярослав Всеволодович в Новгороде на «Ярославли дворе» казнил четырёх волхвов. Об этом сообщается лишь в Новгородской первой летописи. Она объясняет, что волхвы *«творяхуть е потворы деюще, а богъ вестъ»*. Такое временное совпадение борьбы князя Ярослава с язычеством или его пережитками с одновременным крещением карел пока-

зывает, что во второй половине 1220-х годов вопрос сохранения и упрочения Православия в Новгороде стоял очень остро, что определялось во многом извне.

Реализация стратегического курса Георгия и Ярослава Всеволодовичей позволила закрепить за Новгородом (а значит, в будущем и за Россией) выход к Балтийскому морю в то время, когда в регионе Юго-Восточной Прибалтики определялись политические границы. Важно, что благоприятные условия для закрепления позиций были созданы в домонгольское время, а Александр Невский оборонял достижения детей Всеволода Большое Гнездо на северо-западе раздробленной Руси. Защищались тогда, когда не имелось ресурсов для наступательных действий: после Батыева нашествия и во время установления ордынского ига Северо-Восточной Руси было не до этого.

В этих «делах и днях» владимирских князей на стыке Среднего и Верхнего Поволжья, в Прибалтике формировалась личность Александра Ярославича. Сам по себе невиданный размах военно-политической деятельности его отца и дяди на северо-западе и северо-востоке Руси, в иноэтничной среде, давали наглядный урок державного, почти имперского, поведения будущего победителя на Неве и Чудском озере, искусного дипломата перед лицом великого хана. Пребывание рядом с отцом в Новгороде и, возможно, в его походах против немцев, литовцев, шведов, еми, рассказы о них формировали опыт юного князя Александра. В Новгородской первой летописи имеются несколько сообщений, когда князь Ярослав, узнав о набеге, рейде или нападении немцев ли, литовцев ли, еми ли,

не раздумывал, собирал имевшиеся под рукой силы и устремлялся на врага. Как тут не вспомнить стремительность юного Александра Ярославича в июле 1240 года, когда он выдвинулся на шведов со своей дружиной и добровольцами из числа новгородцев? В битве с крестоносцами в 1234 году на реке Амов(ы)же Ярослав Всеволодович, командуя войсками Владимирского княжества, предвосхитил полководческий приём Александра Невского на Чудском озере — заманил противника на тонкий лёд.

Как уже отмечено, свидетелем и, порой, участником этих событий был юный Александр Ярославич. Так он постигал азы военного искусства и политической мудрости. Именно он в трудную для Руси годину Батыева погрома оборонял то, что завоевали и утвердили его дядя Георгий и отец Ярослав. Можно сказать, что они заложили основы будущей Российской государственности, не ведая этого, не зная ещё о катастрофе 1237—1242 годов, а Александр Невский сохранил эти достижения. Не дал врагу нарушить рубежи, боролся за сохранение Православной веры среди восточных славян и их давних соседей. Можно вспомнить избитое ныне выражение и соотнести деяния Георгия и Ярослава Всеволодовичей с Александром Ярославичем Невским: «Великан на плечах гигантов».

Восточное направление деятельности владимирского князя Георгия Всеволодовича выразилось в основании Нижнего Новгорода в 1221 году. Оно позволило замкнуть Верхнюю Волгу и Оку за Русью и Владимирским княжеством и наметить будущее освоение мордовских земель, вывело его из живописных перелесков

и пойм тихих речушек на захватывающий дух географический простор Заволжья и на державную перспективу расширения вниз по Волге и за Волгу. Это настроение уловил в XIX веке великий живописец И.Е. Репин фразой «*Царственно поставленный над всем востоком России город*». Скрытые нашествием Батые тенденции основания «града на устье Оки» будут реализованы позже, во время образования Российского централизованного государства, но основанный за 17 лет до нашествия монголов Нижний Новгород очертил границы Руси на востоке, а те в распространении своего непосредственного политического присутствия не заходили на Руси за границы её городов. И не будь Нижнего Новгорода, Владимирская Русь не смогла бы выстоять, а потом и расшириться до Московского царства и Российского государства. Такой подход и отстаивал Александр Ярославич в своих дипломатических миссиях в Орду. И знаменательно, что он последние свои дни и свою последнюю осень 1263 года провёл в Нижегородской земле, возвращаясь из Орды. Поэтому князь предстаёт талантливым хранителем военно-политического наследия владимирского князя Георгия Всеволодовича и своего отца Ярослава перед лицом страшного врага.

Сохранить достигнутое предшественниками-родственниками, в том числе и «на устье Оки», стало возможным при опоре на сложившийся военно-политический союз Владимирского княжества и Новгорода. Князь Александр Ярославич не только сберёг, но и приумножил этот военно-политический капитал. Для Новгорода имелась оборотная сторона этого успеха: отстаивание владимирскими

Всеволодовичами интересов Новгород и Пскова способствовало тому, что эти два северорусских народоправства подпали под политическое влияние Владимиро-Суздальского княжества. Окончательно его утвердил Александр Невский, прежде всего, в значимых битвах на Неве и на Чудском озере.

Распространение ордынского ига на Новгород и Псков вылилось в обязательство выплаты ими дани в Орду.

В первые десятилетия после Батыева нашествия и установления власти Орды разорённые Владимирское и Рязанское княжества, систематически платя дань, надорвались бы и не состоялись бы в роли ядра Российского централизованного государства. Лишь ресурсы Новгорода, прежде всего в виде торгового серебра, позволили сохраниться ядру будущей России, но и предопределили его подпадание под жёсткую длань московских государей. Конечно, так далеко князь Александр Ярославич не заглядывал — он решал задачи выживания своего княжества, но, в определённой мере, заставил Новгород и Псков расплатиться за военно-политическую помощь. Однако именно Александр Ярославич начинает реализацию той доктрины,

что была выработана представителями Православной церкви на Руси. Суть её состояла в том, что нашествие и иго язычников-монголов расценивалось как наказание Господне, «Бич Божий», обрушившийся на раздробленную Русь за многие грехи. Противодействовать такому наказанию было нельзя, но надо было избывать эти грехи и очищаться от них; и когда люди на Руси стали бы достойными прощения свыше, тогда и должно было произойти освобождение. Эта программа, которая обуславливала позицию непротивления Орде со стороны Александра Ярославича, была рассчитана на несколько поколений и могла бы не осуществиться, но на стартовых позициях её воплощения важнейшую роль сыграло использование Александром Невским результатов своеобразного «рывка» Владимирского княжества в 1220—30-е годы на восточных и северо-западных рубежах Руси.

Через своеобразное символическое сопряжение в рождении князя Александра Ярославича Невского увязываются два существенных направления, приведшие к рождению России. Направления, начало которым было положено 800 лет назад — в 1221 году.

Александр Ранне, протоиерей

СВЯТОЙ БЛАГОВЕРНЫЙ ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ И ЕГО ВРЕМЯ

Первые миссионерские усилия среди языческого населения прибалтийского побережья северо-восточной Европы были предприняты уже в конце XII века отдельными проповедниками, которые пришли сюда вслед за торговыми людьми. Западный летописец Генрих, приближённый ко двору епископа рижского Альберта, утверждал, что они пришли сюда по соглашению с русскими князьями из Полоцка. Святой Римско-католической церкви Мейнард фон Зедегерг получил разрешение на проповедь от князя Владимира Полоцкого, родная сестра которого София была супругой датского короля Вальдемара I. Однако проповедь среди местного языческого населения была явно неудачной. Язычники проявляли ожесточённую агрессивность к духовенству и к тем, кто принимал христианскую веру. И тогда возникла идея защиты торговых путей по Западной Двине и, вероятно, несколько позже, по реке Нарове с помощью военной силы. В 1193 году папа Целестин III провозгласил начало северных крестовых походов, а по инициативе цистерцианцев в Лифляндии был организован Орден меченосцев.

Основной целью этого военизированного полумонашеского объединения было создание и защита от реакции язычников вновь созданных христиан-

ских общин. Ещё во времена Людовика Благочестивого, сына императора Карла Великого, на Западе поняли, что завоевывать германские языческие племена бессмысленно, так как они после ухода имперских сил снова становились язычниками. И тогда вслед за императорскими дружинами последовали миссионеры, которые и изменили сознание покорённых германских племён, становившихся подданными германского императора.

Нечто подобное происходило и на Востоке. Константинопольские ромеи в далёкие военные походы ходить были не склонны. Все их силы были направлены на сдерживание мусульманского мира на Востоке, но их дипломатия и миссионеры греко-язычного христианства, образуя приходы и епархии на севере и востоке, включали эти территории в границы своего влияния и господства. Не совсем удачный поход сына Ярослава Мудрого Владимира против Константинополя имеет очень глубокие и судьбоносные смыслы не только для Руси, но и России. Можно предположить, что одним из результатов этого похода было завоевание права служить на Руси на понятном для населения церковнославянском языке. Болгары, например, в 1018 году, проиграв очередную войну византийцам, это право потеряли.

Рижский архиепископ Альберт, брат которого был женат на дочери псковского

князя Владимира Мстиславича, уже в 1224 году призвал братьев-меченосцев к походу против князя Вячко, их конкурента в торговых и религиозных делах, при поддержке новгородцев.

Князь новгородский Мстислав Мстиславич Удатный (Удалой) ещё и в 1209—1210 годах ходил на чудь и многих пленил. В источнике сообщается: «...иде князь Мьстислав с новгородци на чудский город, рекомыи Медвежию голову (Оденне), села их потрати; и приидоша под город, и поклонишася Чюдь князю, и дань на них взя...». Однако князь Мстислав не только взял с эстов дань, но и обещание креститься в православную веру, что было особенно отмечено вышеупомянутым хронистом Генрихом Латвийским. Правда, новгородские миссионеры оказались не слишком усердными в этом деле, да, вероятно, и их подготовка оставляла желать лучшего. В это время на Западе уже действовали несколько университетов, и, например, папа Иннокентий IV и его предшественник папа Григорий IX (Уголино дей Конт иди Сеньи 1170—1241 гг.) окончили Парижский и Болонский (с юридической направленностью) университеты. Папа Григорий IX был прекрасным специалистом в юриспруденции. Учредил папскую инквизицию (судопроизводство) и передал её доминиканцам, при этом был противником пыток в процессе дознания, в 1233 году открыл университет в Тулузе, а в Парижском университете учредил центр аристотелевских исследований. Он всячески поощрял развитие миссионерства в Прибалтике, Финляндии и Румынии и одобрил северные походы тевтонских рыцарей. (Кроме того, интересно отметить, что в 1222 году был открыт известный

Падуанский университет, в котором позже преподавал Галилео Галилей и в котором учился один из братьев Лихудов.)

Князь Мстислав был крайне недоволен пассивностью православного духовенства и даже добился смещения архиепископа Новгородского Митрофана, вместо которого был поставлен монах Антоний из Хутынского монастыря. Тот самый Антоний, который под именем Добрыни Ядрейковича ходил в Константинополь и принёс оттуда многие святыни. Именно к нему под благословение в 1228 году князь Ярослав Всеволодович привёл в Варлаамо-Хутынский монастырь своих сыновей Феодора и Александра.

Русские купцы по своим торговым делам часто селились в Риге, имели там подворье и свой православный храм. Это вызвало крайнее неудовольствие папы Гонория III, который в письме от 8 февраля 1222 года предписывал отказать схизматикам, по крайней мере, в демонстративном осуществлении особых церковных обычаев. Правда, точно такие же ограничения существовали и для католического прихода немецких купцов в Великом Новгороде. Незадолго до смерти своей в послании королям Руси в 1227 году Гонорий III писал: «...поддерживая прочный мир с христианами Ливонии и Эстонии, не мешайте распространению веры христианской и тогда не вызовете негодования божественного апостольского престола...». Но православные приходы к этому времени уже были и на территории современной Эстонии, и на водской земле. Больше того, летопись сообщает нам, что князь Ярослав Всеволодович в 1227 году «*послав крести множество корел, мало не все люди*».

В том же 1227 году новый папа Григорий IX одобрил северные крестовые походы тевтонских рыцарей с целью крещения языческих прибалтийских племён. Однако там, как уже было отмечено, издавна присутствовали новгородские и псковские купцы и местное население частично было крещено в православную веру. Этот факт привёл к столкновениям не только на экономической, но и на религиозной почве. 23 января 1229 года папа Григорий IX направил в Ригу, Любек, Швецию и на Готланд послания с призывом начать торговую блокаду Руси *«до тех пор, пока не прекратят все враждебные действия против новокрещённых финнов»*.

Интересно, знал ли наш русский историк Николай Михайлович Карамзин об этом письме папы, когда в своей «Истории государства Российского» писал: *«Король Шведский, досадуя на россиян за частые опустошения Финляндии, послал зятя своего Биргера, на ладьях к озеру Неву, к устью Ижоры, с великим числом шведов, норвежцев и финнов»?* А в 1237 году Григорий IX обратился к шведам с призывом организовать крестовый поход в Финляндию. Справедливости ради следует сказать, что католическая вера в Швеции, тогда совсем небольшом ещё княжестве, победила язычество только лишь к середине XIII века. И очень большую роль в этой победе играл известный нам ярл Биргер.

1229 год — это время, когда в Новгороде строили новый высокий мост через Волхов и избирали нового епископа Спиридона. Через год по причине неурожая (вовсе не из-за блокады) разразился на Новгородской земле страшный голод. Мёртвые лежали по улицам даже не по-

гребёнными. И надо сказать, что немецкие купцы папу не послушали и прислали Новгороду помощь. В Новгородской первой летописи под 1231 годом читаем: *«Того же лета откры Бог милосердие Своё на нас грешных, и створи милость свою въскоре: прибегоша Немци из заморья с житом и с мукою, и створиша много добра; а уже бяше при конци град сей»*.

Ливонский орден был разгромлен в 1234 году князем Ярославом Всеволодовичем на Омовже близ Юрьева. Это событие очень важно помнить, так как будущие победы молодого и пока ещё не самостоятельного князя Александра на Неве и Чудском озере были продолжением политики его отца. Там также рыцари проваливались под лёд.

Но ещё более интересным для характеристики отношений является сообщение летописи под 1237 годом: *«Того же лета приидоша Немце в силе велице из заморья в Ригу, и ту совокупившееся вси, и рижане и вся Чюдская просто земля, и плесковици от себе послаша помощь мужь 200, идоша на безбожную Литву; и тако, грех ради наших, безбожными поганами побеждени быша...»*. Объединения ради достижения общей цели случались и раньше. Так в Никоновской летописи под 1135 годом читаем: *«Того же лета, зиме, князь Всеволод Мстиславич идее с ратью с Немцы и со всею силою Новгородскую на Суздаль и на Ростов...»*. Страшная битва на Ждане горе погубила многих знатных новгородцев.

Таким образом, мы видим, что столкновения Великого Новгорода с западным христианским миром, по большому счёту, развивались, во-первых, за контроль над торговыми путями, во-вторых, за

контроль над территориями и, в-третьих, как защита своих религиозных интересов, связанных с распространением веры на контролируемых землях.

После того, как Александр Ярославич разбил войско Биргера на Неве и поссорился с новгородцами, потребовалось личное участие архиепископа Спиридона, чтобы князь Александр вернулся в Новгород и выступил на защиту исконных земель новгородских и освобождение Пскова. В 1241 году всё ещё очень юный князь берёт крепость Копорье, разрушает её, рыцарей отпускает восвояси, а чудь — вешает: за предательство веры православной. А после победы на Чудском озере, по словам жития, *«...бяху же много полоненных в полку его, и ведяхуть я босы подле коний, иже именуют себе Божию риторию»*. И очень интересно восклицание о псковичах, которые вышли встречать победителя: *«О, невелики плесковичи! Аще сего забудете... уподобитесь Жидом (т. е. предателям. — прим. автора)»*.

Победа была увенчана мирным договором с Орденом меченосцев, а Псков получил написанную Александром специальную законодательную грамоту. В 1253 году немецкие рыцари вновь попытались напасть на Псков, но были вновь разбиты. Александр провёл в Новгороде переговоры с послами Ливонского ордена и принудил их к возобновлению договора 1242 года «на всей воле новгородской». Особенно хотелось бы отметить, что после победы на Чудском озере Александр Невский много сил и времени уделял распространению православной веры по берегам реки Наровы и на водской земле.

Размышляя над событиями, имевшими место на западных границах Руси в XIII веке, нельзя пройти мимо проблем Западной Европы. Ожесточённая борьба римских епископов с императором священной Римской империи Фридрихом II в контексте событий на Востоке, где крестоносцы IV крестового похода образовали несколько латинских королевств, завоевав Константинополь и вынудив византийских императоров перебраться в Никею, затрудняла миссионерские устремления римского престола. В конце своего понтификата папа Григорий IX пытался собрать собор для осуждения Фридриха II Гогенштауфена. Но его родственник Энцо (командующий флотом) перехватывает корабли с делегатами и подвергает епископов унижительному аресту. Поэтому взошедший на кафедру в 1243 году папа Иннокентий IV, пытавшийся всеми силами защитить от посягательств земли Фридриха, полученные от Карла Великого как дар апостолу Петру, бежит во Францию, в Лион под защиту французского короля Людовика Святого. По своему образу король Людовик Святой очень, кстати, похож на благоверного великого князя Александра Невского. Правда, если русский князь умирает после поездки в Орду по вызову хана Берке, уже склонившегося к принятию мусульманства и требовавшего рекрутировать русских юношей на борьбу с иранским ханом Хулагу, то король Людовик погибает от тяжкой болезни во время очередного крестового похода по освобождению Святой земли от неверных. Однако князь Александр отмолил русских людей от очередной беды, а западные рыцари так и не смогли освободить Иерусалим.

Папа Иннокентий II собирает, наконец, в 1245 году в Лионе собор епископов для осуждения императора Фридриха II. На соборе было решено предпринять попытки для восстановления единства с Восточной православной церковью, и предусматривалось создание системы оповещения о действиях татаро-монголов. Причём эту систему должен был возглавить сам папа. В этом отношении Иннокентий II придавал очень большое значение миссии на Востоке. Он был в переписке с Даниилом Галицким и Александром Невским, учредил первую епархию в Литве после крещения Миндогва и его жены Марты (крещение состоялось в 1251 году, а коронация в 1253). Миндогв был последовательным язычником и, как известно, литовцы своими набегами чрезвычайно досаждали как рыцарям в Прибалтике, так и новгородцам. Князь Александр был вынужден пресекать много раз их разбой на своей земле. Во время русско-литовского похода против Ордена в 1262 году литовские воины Мингогда сожгли на костре пару латинских епископов. Правда, русские, которые совершали поход под водительством князя Димитрия Александровича, в этом не участвовали.

После смерти Марты Миндогв взял себе в жёны её сестру, жену князя Довмонта, потому что, как он говорил, она была очень на сестру похожа. И князь Довмонт жестоко отомстил ему в 1263 году. Были убиты Миндогв и два его малолетних сына.

Великий князь Александр Невский всеми силами стремился успокоить своих соседей на Западе, чтобы развязать себе руки для целенаправленной политики

примирения с Ордой на Востоке. Это было необходимо для беспрепятственного прохождения товаров с Запада на Восток: по рекам Двине, Нарове, или Неве, через Новгород, далее по Волге, в низовьях которой расположилась Орда в Сарай-Бату, а потом и в Сарай-Берке. Так товары проходили в Каспийское море и попадали в юго-восточную Азию, а потом с новыми товарами купцы возвращались обратно в Новгород и европейские города Ганзейского союза. После гибели Ярослава Всеволодовича в 1246 году в Орде встаёт вопрос о том, кто на Руси возьмёт на себя бремя ответственности за восстановление разрушенных городов и единение земли.

Новгородская летопись под 1246 годом сообщает, что Александр получает от Батыя повеление приехать в Орду: «...*Тако бо рече ему цесарь: "мнѣ покорилъ богъ вси языки; ты ли единъ не хоцещи мнѣ покоритися, ни силъ моеи; нъ аще хоцещи соблюсти свою землю, то прииди ко мнѣ и узриши честь царства моего". Князь же Александръ, "...слышавши вѣсть сию, поиде в Володимиръ, по умертвни отца своего, в силъ велицъ; и сице грозенъ бысть приход его, до усть Волгы проиде вѣсть. И начаша жены Моавискыя полошати дѣтии своих, тако ркуще: "Александръ, грозный князь, идет"*». Первая же поездка Александра вместе с братом Андреем в Орду состоялась только в 1249—1250 годах. Мы видим, что Александр после похорон своего отца во Владимире не очень торопился отправиться к грозному хану Батыю. Более того, именно в этот промежуток времени он ведёт интереснейшую переписку, о которой мы уже кратко упоминали, с папой Иннокентием II.

Первое письмо римского понтифика начинается приветствием: *«Благородному мужу Александру, герцогу Суздальскому Иннокентий епископ, раб рабов Божиих...»*. И далее папа Иннокентий II сообщает князю Александру: *«...как стало нам известно из сообщения возлюбленного сына, брата Иоанна де Плано Карпини из Ордена миноритов, поверенного нашего, отправленного к народу татарскому, отец твой, страстно вожделев обратиться в нового человека, смиренно и благочестиво отдал себя послушанию Римской церкви, матери своей, через этого брата, в присутствии Емера, военного советника. И вскоре бы о том проведали все люди, если бы смерть столь неожиданно и счастливо не вырвала его из жизни»*. Невозможно представить, какими мотивами мог руководствоваться перед смертью великий князь Ярослав Всеволодович, принимая решение перейти под омофор Римского епископа. Всё, что в этом случае можно предположить, — это предсмертное причащение от латинского священника, если рядом не было православного. Но и в этом случае трудно объяснить, почему де Плано Карпини не сообщает об этом в своих воспоминаниях о путешествии в Орду. В дальнейших своих рассуждениях папа, как и полагается, призывает Александра последовать примеру своего отца, но главное, как всегда, в конце письма: *«...просим тебя об особой услуге: как только проведает, что татарское войско на христиан поднялось, чтоб не преминул ты немедля известить об этом братьев Тевтонского ордена, в Ливонии пребывающих, дабы, как только это (известие) через братьев оных дойдет до нашего*

сведения, мы смогли безотлагательно поразмыслить, каким образом, с помощью Божией, сим татарам мужественное сопротивление оказать».

Второе письмо, относящееся к 1249 году, начинается приветствием: *«Александру, сиятельному королю Новгорода»*. Это, конечно же, только намёк на возможное коронование в короли. Благодарность за согласие сотрудничать против монголов. *«...ключи от этих врат Господь вверил блаженному Петру и его преемникам, — пишет папа Иннокентий Благоверному князю Александру. — Римским папам,... ты,... всячески высказывал рвение, чтобы путем истинного послушания приобщиться к единой главе Церкви. В знак этого ты предложил воздвигнуть в граде твоём Плескове соборный храм для латинян»*.

Можно предположить, что князь Александр, вероятнее всего, соглашается через Орден предупреждать папу о возможном нашествии монголов и для этого предлагает открыть в Пскове латинский приход, который, как полагают археологи, никогда открыт не был. Возможно, из-за нападения на Псков рыцарей в 1252—1253 годах. Сама возможность открытия латинского храма в Пскове не выглядит странной, так как в Новгороде латинский храм существовал на Готском, а затем и Немецком подворье с незапамятных времён. Некоторые даже полагают, что он был на Торговой стороне и до крещения Новгорода. Князь Александр Невский никогда православную веру не менял, и вряд ли такая мысль вообще приходила ему в голову. Но он стремился иметь выгодный мир на Западе, чтобы успешно для Руси торговать со всеми странами

и иметь возможность договариваться на Востоке, если не с позиции силы, то (насколько это было возможно) на равных или компромиссных условиях.

Представляет большой интерес и следующая фраза из письма папы Иннокентия II: *«Забудь прошлое, устрями все помыслы к цели более совершенной. И не думай, что подобное послушание чем-то принудительным для тебя будет. Ведь требуя его, мы ждем от человека одной только любви к Богу и возрастания праведности...»* Чувствуется, что папа в курсе княжеских побед на Неве и Чудском озере, но в эпоху, когда в Европе и на Руси в том числе, все воевали со всеми — это не казалось непреодолимым препятствием. Кроме того, он понимает, как ему кажется, какие сомнения могут беспокоить князя Александра при принятии благоприятного решения. Сложности вероучительного характера в данном случае не рассматриваются.

В этом же письме Иннокентий II просит князя Александра принять своего посланника. Делегация во главе с архиепископом прибудет в Новгород в 1250 году. Причём в это же время в Великий Новгород из Владимира приедет и митрополит Кирилл, после совершения таинства венчания над братом Александра Невского Андреем и дочерью князя Даниила Галицкого — Анастасией. Трудно сказать, относится ли ответ князя Александра, сохранённый для нас в тексте его жития, римским послам именно к этому событию, но он, безусловно, представляет чрезвычайный интерес.

«Князь же Александръ, сдумавши с хитрици своими, списа к нему и рече: "от Адама до потопа, от потопа

до раздѣления языкъ, до начала Авраамля, от раздѣления языкъ, от Авраама до проитья Израиль сквозъ море, от исхода сыновъ Израилевъ до умертвия Давыда цесаря, от начала царства Соломона до Августа, от начала Августа до рожества христова, от рожества христова до страсти въскресения, от въскресения же его на небеса въшествие до царства Костянтинова и до прѣваго сбора и до седмаго вся сиа добръ свѣдаемъ; а от вас учения не приимаемъ"». На современном дипломатическом языке этот ответ, наверное, звучал бы так: *«Та вера, которую мы получили из Константинополя, представляется нам достаточной для спасения».*

Митрополит Кирилл был избран на Киевскую кафедру в 1243 году. Он был печатником князя Даниила Галицкого, человеком ему очень близким и преданным. На поставление в Никею к патриарху Константинопольскому Мануилу II он ездил в 1246—1247 годах. И по пути вёл переговоры о династическом браке с королём Венгрии. По возвращении от ромеев оставил разрушенный Киев и переехал в 1250 году во Владимиро-Суздальскую Русь. А уже через год или даже в конце 1250 он приезжает в Новгород и с собой привозит дочь князя Даниила.

После поездки в Орду, где был отравлен в 1246 году Ярослав Всеволодович, и знакомства с Плано Карпини Галицкий князь Даниил вроде бы согласился на унию с Римом при условии формирования военного союза между Венгрией, Польшей, Тевтонским орденом и Галицкой Русью. Но не получив помощи, он прервал отношения. А в 1252 году под влиянием венгерского короля

Белы IV союз всё же был восстановлен, и в 1253 году папский легат Онцо из Медзано совершил в Дрогичине коронацию Даниила Галицкого.

Выполняя решения Лионского собора 1245 года, папа Иннокентий призвал к крестовому походу против татар каждый год. Но пользы от этого было мало, так как для тяжеловооружённой армии крестоносцев лёгкая кавалерия монголов в условиях обширных южных степей Руси была соперником, которому невозможно было навязать свою волю. Кроме того, монгольская конница легко справлялась с южнорусскими княжествами, и эти события однозначно дали понять Даниилу, что его вероотступничество было неверным шагом. Он порывает отношения с папой, но оставляет для себя и своих наследников титул «Rex Russiae» и «duces totius terrae Russiae, Galicie et Ladimirie» («Король Руси» или «князь всей земли Русской, Галицкой и Владимирской»). Отношения между папским престолом и Даниилом Галицким окончательно испортились, когда новый папа Александр IV позволил литовскому князю Миндовгу в 1255 году воевать против Галицкого княжества.

«В лето 6758 [1250], — сообщает нам Новгородская первая летопись, — Прииха князь Александръ изъ Орды, и бысть радость велика в Новъгородѣ». К этому же времени относится, как мы уже отмечали, и приезд в Новгород митрополита Кирилла. Он прибыл на берега Волхова вместе с ростовским епископом, и на новгородскую кафедру ими был поставлен новый архиепископ — Далмат.

О чём беседовал князь Александр, получивший в Орде ярлык на киевское кня-

жение, с митрополитом Кириллом, мы не знаем точно. Так же как мы не знаем, что пытались донести до сознания митрополита Кирилла высшие чиновники Никейского императора, когда он встречался с патриархом Константинопольским Мануилом II. По воспоминаниям современников, Мануил был малообразованным человеком и на политику того времени не мог оказывать влияние. В этом отношении следует сказать несколько слов о сложившейся на территории Византийской империи ситуации.

После завоевания крестоносцами Константинополя свергнутый с престола Алексей III Ангел бежал к султану. Тот, на определённых условиях, обещал вернуть его на престол, но в решающей битве при реке Меандре близ Антиохии потерпел поражение от Никейского императора Феодора Ласкариса. Интересно отметить, что войско Ласкариса почти целиком состояло из западных рыцарей. Их тогда было много в Европе — этих искателей рыцарских подвигов и религиозно-романтических увлечений в поисках дамы своего сердца. Об их мужестве и верности, как известно, слагались легенды. Все они полегли в этой страшной битве, выигранной Ласкарисом, в основном, благодаря его собственному мужеству. Латинский император Генрих этой победе был рад именно потому, что лучшая часть никейского войска была разгромлена и, как ему казалось, Феодор уже не мог представлять для него опасности. Но прошло совсем немного времени, и Феодор сумел восстановить и даже преумножить свои силы.

Генрих (он возглавлял латинское королевство Константинополя после гибели

Балдуина) действиями Феодора Ласкари-са был очень встревожен, тем более, что православные подданные его латиняны не любили. В одном из писем Генриха сохранилось его возмущение православными греками: «...они считают всех сыновей Римской церкви, то есть преданных латиняны, собаками...». Однако, будучи талантливый полководец и политиком, он быстро справился со своими проблемами.

После падения Византии на Востоке образовались несколько сравнительно маленьких государств: Никейская империя, Латинская империя, Эпирский деспотат, Болгарское царство, Трапезундская империя и султанат турок-сельджуков. В борьбе за возвращение Константинополя соперничали Иоанн Ватац, наследовавший в Никее корону Феодору Ласкарису, и Эпирский император Феодор Ангел. Но у них обеих руки были связаны. Иоанну Ватацу угрожали турки-сельджуки, а Феодор был вынужден бороться с болгарами, которые мстили грекам за жестокость разгрома их царства византийским императором Иоанном Цимисхием и, кроме того, они вступили в переговоры с папой Иннокентием II.

В этой связи для нас представляет большой интерес дружба Иоанна Ватаца, императора Никейской православной империи, с императором священной Германской (Римской) империи Фридрихом II. Оба отрицательно относились к притязаниям римских епископов на светскую власть. В западноевропейской части Римской империи, где императорская власть после Константина Великого присутствовала номинально, сформировалось убеждение, что поскольку император является христианином, то

в духовных вопросах он подчинён Церкви, а Церковь возглавляет наместник апостола Петра, т. е. римский епископ. Но граница между духовным и светским практически не осязаема, и это давало папам право вмешиваться реально во все сферы жизни. Фридрих пытался подчинить себе всю Италию, разделённую на север и юг папскими землями. Хотел заставить папу отказаться от вмешательства в гражданские дела, а Иоанн Ватац готов был пойти на компромиссы, чтобы Рим признал Православную церковь, и тогда латинское королевство потеряло бы смысл и поддержку римских пап. Таким образом, Фридрих обещал Иоанну очистить Константинополь от латиняны, а Иоанн обещал признать себя вассалом германского императора и восстановить единство Церкви.

Но самое, наверное, парадоксальное заключается в том, что Никейский император Иоанн III Ватац женился на дочери Фридриха Анне Гогенштауфен от его проблемного брака с Бьянкой Ланчия. Она была, конечно, потомственной аристократкой, но их брак с Фридрихом II вряд ли можно было назвать вполне законным.

Император Фридрих II умирает в 1250 году, примирившись с Католической церковью на смертном одре. А хронист Матфей Парижский сообщает, что папа Иннокентий в 1251 году предложил корону священной Германской (Римской) империи норвежскому королю Хакону IV (Старому). Тот от предложения отказывается, благоразумно не желая вступать в борьбу за власть с немецкими князьями.

В том же 1251 году Александр Невский посылает в Норвегию в Трондхейм своих послов с предложением о заклю-

чении договора о дружбе и сотрудничестве, которые предлагалось подкрепить династическим браком. У Хакана Старого была дочь, рыжеволосая красавица Кристин, и Александр предложил своего сына новгородского князя Василия ей в мужья. Надо полагать, что переговоры прошли вполне успешно, и к лету 1252 года новгородцы вместе с посланцами от норвежского короля благополучно возвратились в Великий Новгород. Как сообщает нам летопись, все были приняты Александром с соответствующим благорасположением. Переговоры, вероятнее всего, не были закончены: князь Александр Невский получил сообщение о разгроме Владимиро-Суздальской Руси Неврюем и был вынужден срочно вновь отправиться в Орду. Князь же Андрей, так легкомысленно включившийся в антимонгольскую коалицию с князем Даниилом Галицким и папой, после разгрома бежал. Его не приняли в Новгороде и Пскове, и через Нарву он оказался в Скандинавии, где был торжественно встречен ярлом Биргером. Тем самым Биргером, которого огорчил юный князь Александр на невских берегах, в бою оставив отметину на лице своим копьем.

Договор же с Хаканом IV всё же был заключён в 1254 году. По так называемой «Разграничительной грамоте», позже подтверждённой в 1326 году, граница должна была проходить примерно от современного Зеленогорска на север по границе Финляндии. А рыжеволосая красавица Кристин в 1255 году отправилась в Испанию. Исландские саги намекают, что Хакан не очень был доволен предложением испанской делегации и даже поставил условие, чтобы Кристин

сама выбрала себе супруга. Она выбрала Филиппа, который был братом короля Кастилии и Леона Альфонсо II. Избранник был очень статным и образованным человеком, учился в Париже у Альберта Великого. Есть мнение, что он собирался стать рыцарем тамплиеров. Поэтому два года спустя его похоронили с регалиями рыцарского ордена.

После успешного похода своего десятилетнего сына Димитрия на Дерпт великий князь Александр (перед своей последней пятой поездкой в Орду) заключает мирные договоры о торговле с Ригой, Ливонским орденом, Любеком, островом Готланд. Таким образом, на северо-западе Руси не осталось неразрешённых внешних проблем, но на самой Руси было неспокойно. Проходит ряд народных восстаний во многих городах, начиная с Владимира и Суздаля. Князь Александр не вмешивался, раздавая русские города своим сыновьям.

Мы видим, что в последнее десятилетие своего княжения Александр, с одной стороны, идёт на уступки Орде, ведёт сложные «с позиции силы» переговоры на Западе и, используя свои относительно хорошие отношения с монголами, при содействии митрополита Кирилла открывает епархию в Сарае. Вначале туда был послан епископ Митрофан, затем уже при преемнике Берке-хана Менгу епархию возглавил епископ Феогност как бы для служения многим православным русским, которые жили и трудились в неволе, но и имея в виду православную миссию среди монголов. Феогност был близок к хану Золотой Орды Менгу-Тимуру, по его поручению он ходил в Константинополь к императору Михаилу Палеологу

и патриарху Константинопольскому. Как полагает историк Г.В. Вернадский, монголы хотели завязать отношения с египетским султаном. Православных в Орде он терпел до времени ради установления отношений на Востоке посредством тонкой византийской дипломатии.

Император Михаил Палеолог в 1261 году освободил Константинополь от латинян. Чтобы восстановить целостность и безопасность своих владений, ему нужен был мир на Востоке и на Западе. Боясь угроз со стороны Карла Анжуйского, Михаил начинает переговоры с Римом о восстановлении единства Церкви. С другой стороны, угроза монголов, которые в 1258 году взяли Багдад, туркам-сельджукам, в большой степени, ослабляла напряжение на восточных границах. Был ли Александр Невский в Орде проводником политики, выгодной Михаилу Палеологу, сказать трудно. Однако близость с митрополитом Кириллом, получившим в Никее благословение на русскую кафедру и, конечно, поддерживавшим контакты с Константинопольской патриархией, делают такое предположение вполне реальным.

Переговоры с монголами вели не только русские князья. В Каракорум ездил, как известно, Плано Карпини. Да и сами монгольские послы посещали Рим и были приняты папой. Матфей Парижский рассказывал историю о том, как папа Иннокентий IV якобы уговаривал монгольских послов напасть на Никейского императора Иоанна Ватаца, а потом и на германского императора Фридриха II, с которым, как мы уже говорили, у папы были отвратительные отношения и который, в свою очередь,

пытался выстраивать свои отношения с Эпирским и Никейским православными правителями. В этих условиях папа был вынужден обращаться к французскому королю Людовику Святому с просьбой поддержать Константинопольское латинское королевство. Матфей, конечно, оговаривается, что папа ставил монголам условие — принятие ими христианства. История эта, однако, мало правдоподобна. Мы знаем, что послы были приняты папой Иннокентием с большим уважением. И было написано хану длинное письмо с предложением принять христианство, но ни о Фридрихе, ни об Иоанне Ватаце там не упоминается.

Последняя поездка князя Александра в Орду по вызову хана Берке, который уже отделился от монгольской империи, расправился со своими противниками и собирался воевать с иранским ханом Хулагу, состоялась в 1262—1263 годах. Именно Берке отравил сына Батыя Сартака, который опирался в Орде на отряды, состоящие из несториан, с которыми у Александра Невского были вполне дружеские отношения. По утверждению Л.Н. Гумилёва, уничтожение несториан в Самарканде было устроено также по приказу Берке. С помощью великого князя хан хотел произвести набор рекрутов в русских городах, желая пополнить своё войско перед походом в Иран. Каким образом Александру удалось оградить русскую землю от очередной беды, сказать трудно, но возвращался он домой уже тяжело больным. А в Городце окончательно разболелся, принял перед смертью монашество и схиму с именем Алексей. И, возможно, последняя его молитва пред Феодоровской иконой Божией Матери,

которая, по сохранившемуся преданию, со дня брака с Александрой в Торопце везде его сопровождала, была о русском народе и его верности вере православной.

Смерть благоверного великого князя Александра при возвращении из последней поездки в Орду явилась тяжким испытанием для последующей истории Руси

на долгие столетия. И не зря пред гробом его прозвучали пронизательные слова митрополита Кирилла: *«Дети мои, знайте, что уже зашло солнце земли Суздальской! Уже не найдётся ни один подобный ему князь!.. Иереи и дьяконы, черноризцы, нищие и богатые, и все люди говорили: "Уже погибаем!"»*.

Илья Хохлов

«СТАВИЛ ГОСУДАРЬ В НОВЕГОРОДЕ ПЯТСОТ СТРЕЛЦОВ...»

*Стрелецкий гарнизон Великого Новгорода
в последней трети XVI — первой половине XVII века*

Последняя треть XVI века

Первое известное упоминание о размещении в Новгороде стрельцов на относительно постоянной основе встречается в Новгородской второй летописи под 1572 годом: «*Да того же месяца [января] в 10 в четверток государьскую казну с Никитины улицы возили стрельци под Пятницу и под Николу и под Жены Мироносици, а ставил государь в Новегороде пятсот стрельцов казны своей стречи на всякую ночь. Да того же дни ездил государь на Королева конюшеи своих смотрити, да той же зимы государь нарядил на Голыни свою слободу*». Вероятно, стрелецкой была и упомянутая в цитате слобода. В документах 1600 года упоминается уже не существовавшая к тому времени «стрелецкая слобода на Голыневе» [9, с. 119]. Между 1559—1560 и 1585—1586 годами возникла и другая стрелецкая слобода в окрестностях Новгорода — на Щипачеве. Для «Османова приказу Котяева» тогда выделялась часть земли Петропавловского на Синичьей горе монастыря.

К 1597 году слобода была ликвидирована [1, с. 15]. Бывшие стрелецкие слободы «на Голыневе», «в Кузьмодемьянском

заполье» и «стрелецкая Сщипачевская [Щипачевская] слобода» упоминаются в документах вплоть до начала XVIII века. [9, с. 119].

На постоянное присутствие стрельцов в Новгороде в конце XVI века указывают и некоторые другие источники. Например, указная грамота царя Фёдора Ивановича в Новгород о взыскании со стрелецкого головы Афанасия Резанова и его приказа убытков в пользу Духова монастыря за незаконное использование монастырской земли. Спорный участок располагался «*за речкою за Гзенью от города идучи по левой руке, места пустые дворовые черные, а на тех местех две церкви, Никола чудотворец да Козма и Домьян*». Монахи жаловались, что стрелецкий голова вместе с сотниками и стрельцами своего приказа «*насилством те места пашет*», а также «*изгороды окола поля ожигают <...> хлеб мнут и травят и околосье у снопов обрезают*» [2, с. 346].

Известие о наборе стрельцов в Новгороде относится к 1580 году: в это время здесь находились стрельцы из разных городов, «*да приборные, которых велено прибрать в Новегороде*» [11, с. 12]. Для

многих жителей города, переживавшего тяжёлый социально-экономический кризис, служба в стрельцах стала одним из способов выживания. В писцовой книге 1580-х годов по Новгороду наряду с новгородцами, «ставшими» в стрельцы в Москву, Ладогу, Устюжну, Ругодив, Пернов, Куконос, упоминаются жители посада, покинувшие свои дворы и вступившие в стрелецкие приказы Афанасия Резанова («Васка сапожник», «Истомка порточный мастер», «Осипко Григорьев», «Наумко извощик», «Ефимко Фёдоров», «Савка квасник», «Денис Прокофьев», «Сенка колачник», «Ляля колачник»), Никиты Хвостова («Гуляйка мытник»), Никиты Третьякова («Лучка мясник», «Павелко кожевник»), Данила Кобылина («Гаврилко шаровник», «Нечайко Овсеев», «Демешка корысной купчина», «Истомка кожевник»), Ивана Кобылина («Осташко Семёнов»), Утрима Погонина («Иванко замочник», «Богданко Ильин серебряник») [5, с. 9, 14, 17, 18, 42, 45, 55, 59, 60, 67, 69, 72, 73, 131, 144, 145, 252]. Можно предположить, что все эти приказы могли в то или иное время размещаться в Новгороде. В той же книге среди прочих дворов в «Каменном городе» (Детинце) упоминаются стрелецкие.

По всей видимости, в это время не приходится говорить о существовании постоянных формирований новгородских стрельцов. Упоминаемые в источниках в связи с Новгородом стрелецкие приказы прибывали сюда из других городов, пополняя свои ряды жителями города. Судя по роду занятий записавшихся в стрельцы новгородцев, власти в это время не препятствовали пополнению стрелецких приказов посадскими людьми.

Первый период пребывания стрельцов в составе гарнизона Новгорода оказался недолгим. К последним годам XVI столетия Голыневская и Щипачёвская стрелецкие слободы фигурируют в документах как уже несуществующие: земли Голыневской слободы, например, были отданы под пашню ямщикам Котельницкой и Алексеевской ямских слобод [4, с. 89]. Земли бывшей Щипачёвской слободы частично также передали ямщикам, частично возвратили Петропавловскому монастырю [1, с. 15].

Упоминаний о новгородских стрельцах начала XVII века (до 1617 года) обнаружить пока не удалось. Накануне штурма Новгорода шведами в 1611 году здесь находились, помимо служилых людей других категорий, московский стрелецкий приказ Василия Гаютина (400 человек) и четыре сотни астраханских стрельцов [17, с. 121].

Царствование Михаила Фёдоровича. 1617—1645 годы

В Новгороде после ухода шведов в 1617 году находились два стрелецких головы, 8 сотников и 687 стрельцов (новгородских, а также переведённых из переданных Швеции Ивангорода, Яма и Копорья) [12, с. 390].

В последующие полтора десятилетия численность стрельцов в Новгороде колебалась в пределах 600 человек: в 1619 г. — два головы, 8 сотников, 547 стрельцов [13, с. 641], в 1620—1621 гг. — два головы, 7 сотников, 565 стрельцов (в том числе 27 новоприборных) [18, с. 195—196].

В конце 1620-х годов численность стрелецкого гарнизона в Новгороде было

решено увеличить почти вдвое: царский указ предписывал содержать в городе два стрелецких приказа общей численностью в тысячу человек: 20 пятидесятников, 80 десятников и 900 рядовых [19, с. 105]. Существенное увеличение численности гарнизона состоялось на фоне подготовки и ведения войны с Польшей и совпало с первыми после шведской оккупации масштабными работами по реконструкции оборонительных сооружений Новгорода. На рубеже 20-х и 30-х годов XVII столетия усиливалось и артиллерийское вооружение Новгорода: в 1629 году артиллерийский парк крепости пополнился привезёнными из Пскова большими пищалями «Скоропея» и «Свиток», а в 1631 году существенно увеличился запас ядер: были привезены изготовленные в Олонце 1994 ядра к полторным пищалям и 7050 — к полковым [7, с. 181].

Впрочем, из-за затруднений с набором стрельцов их реальная численность некоторое время была ниже предписываемой: в 1629 году в Новгороде несли службу два головы, 10 сотников и 771 стрелец, «*а достальных прибирают служить с денежного и с хлебного жалованья*» [14, с. 184]. То есть реальный состав стрелецкого гарнизона оказался почти на полторы сотни меньше штатного, а в качестве причины указывалось то, что «*в Великом Новгороде стрельцов против государева указу прибрать немочно*» [19, с. 105]. На протяжении нескольких последующих лет количество рядовых стрельцов в Новгороде колебалось от 771 до 865 человек [15, с. 280, 346, 681, 735, 918].

В первые после шведской оккупации десятилетия главным местом компактного проживания стрельцов в Новгороде

служило пространство между Детинцем и укреплениями Малого Земляного города. В 1623 году его целиком занимали стрельцы двух приказов: здесь стоял двор стрелецкого головы «Костентина Частого», а также шесть дворов сотников и 247 стрелецких дворов [10, с. 8—9]. На этом тесном пространстве в 1632 году размещался стрелецкий приказ Ивана Баранова, хотя число дворов к этому времени несколько сократилось. Здесь стояли дворы самого стрелецкого головы, сотника и 224 стрелецких двора, а также два двора церковных причетников: «стрельцы все не изместились, живут человека по 2 и по 3 во дворе» [16, с. 60]. Дома располагались в две линии — вдоль вала Малого Земляного города и по краю опоясывающего Детинец рва, между которыми шла улица. Здесь же, на территории Малого Земляного города, находилась церковь Спаса Нерукотворного Образа у Новинских ворот, прихожанами которой, по всей видимости, являлись преимущественно стрельцы. Ими в храм были пожертвованы три колокола, один из которых в настоящее время находится в экспозиции Колокольного музейного центра в Валдае, а ещё один недавно передан в фонды Новгородского музея-заповедника.

Комплектование стрелецкого войска осуществлялось преимущественно двумя способами. Первым было верстание на службу в стрельцы «*волных охочих нетяглых и не боярских людей*». Пополнять их ряды за счёт «*холопей боярских и тяглых людей и с пашень пашенных крестьян*» запрещалось. К попавшим на службу предъявлялось требование: «*чтоб были стрелять горазды*». Не умеющих

стрелять велелось «*вон метати*», заменяя их более способными [3, с. 80].

Гарнизонная служба стрельцов заключалась в исполнении множества обязанностей. Они выполняли функции полиции и пожарной охраны, занимались поимкой беглых крестьян, использовались в качестве посыльных, составляли гарнизоны небольших пограничных застав. Стрельцы вместе с посадскими людьми (по три человека от посада и от стрелецких приказов) входили в состав патрулей, под руководством объезжего головы днём и ночью следивших, «*чтоб нигде татбы и розбоев и убийств и от зажигальщиков пожаров и иного никакого воровства не было*» [6, с. 22]. Стрелецкий караул дежурил у Немецкого двора. Для этих целей понеделньо или помесячно выделялись пять стрельцов: «*От татей и от всяких воровских людей караульщиком того двора велети стеречи накрепко днём и ночью*». Кроме того,

караульные должны были следить, чтобы иноземные купцы вели торговлю только на территории двора, и чтобы русские люди тайно не выносили товары в город. При этом самим стрельцам-караульщикам предписывалось, «*чтоб стояли на карауле смирно и свейским бы торговым людем никакова позору и бесчестья от них и от всяких русских людей*» не было [6, с. 26].

Предметом особого внимания стрелецких голов и других начальных людей было поддержание дисциплины среди служилых людей. Так, в инструкции 1617 года воеводе предписывалось следить, чтобы служилые люди «над немцы и над русскими людьми воровства никоторого не чинили» [3, с. 80]. Схожее предписание получил в 1639 году объезжий

голова: «*На кабакех ему досматривати по часту, чтобы стрельцы и козаки и всякие люди-питухи меж собою не дралися и никого бы не били и не грабили*» [6, с. 25].

Колокол, пожертвованный стрельцами Новгородского приказа в церковь Образа Спаса Нерукотворённого. Середина XVII в. Новгородский музей-заповедник

1. Анкудинов И.Ю. Топоним «Щипачево» близ Новгорода // Топонимия и диалектная лексика Новгородской земли: Материалы Международной научной конференции «Историческая топонимика Великого Новгорода и Новгородской земли» 13—15 ноября 2001 года. Великий Новгород, 2001.
2. Анкудинов И.Ю., Баранов К.В. Акты новгородского Духова монастыря 1574—1595 годов // Русский дипломатарий. Вып. 9. М., 2003.
3. Книга, а в ней писан разряд 125 года // Временник Императорского Московского общества истории и древностей Российских. Кн. 3. М., 1849.
4. Книга дозорная и переписная 1600 г. // Гурлянд И.Я. Новгородские ямские книги 1586—1631 гг. Ярославль, 1900.
5. Майков В.В. Книга писцовая по Новгороду Великому конца XVI в. СПб., 1911.
6. Наказ 1639 года объезжему голове Луке Михайловичу Костюрину // Летопись историкородословного общества в Москве. Вып. 2. М., 1905.
7. Отписка новгородского воеводы князя Фёдора Хилкова об огнестрельных орудиях и запасах, находящихся в Новгороде, и роспись означенным орудиям и запасам. Апрель 1649 г. // Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. III. СПб., 1848.
8. Перемерные книги ямских земель новгородских Алексеевской и Запольской ямских слобод меры дворянина Семёна Глебова. 1712 г. // Материалы по истории землевладения окрестностей Новгорода Великого / Публикацию подготовил И.Ю. Анкудинов. М., 2013.
9. Петрова Л.И., Анкудинов И.Ю., Попов В.А., Силаева Т.В. Топография пригородных монастырей Новгорода Великого // Новгородский исторический сборник. Вып. 8(18). СПб., 2000.
10. Писцовая книга Новгорода Великого письма и меры Александра Игнатъевича Чоглокова и дьяка Добрыни Семёнова. 1623 г. Выписи // Писцовые и переписные книги Новгорода Великого XVII — начала XVIII вв.: Сборник документов / Сост. И.Ю. Анкудинов. СПб., 2003.
11. Разряд похода великого князя Сименона Бекбулатовича Тверского в войне с Польшей. Май 1580 г. // Сборник Московского архива Министерства юстиции. Т. VI. Псков и его пригороды. Кн. 2. М., 1914.
12. Разрядная книга 1617 г. // Книги разрядные по официальным оных спискам. Т. I. СПб., 1853.
13. Разрядная книга 1619 г. // Книги разрядные по официальным оных спискам. Т. I. СПб., 1853.
14. Разрядная книга 1629 г. // Книги разрядные по официальным оных спискам. Т. II. СПб., 1855.
15. Разрядные книги 1630, 1631, 1632, 1633 и 1636 гг. // Книги разрядные по официальным оных спискам. Т. II. СПб., 1855.
16. Роспись Софийской стороны. 1632 г. // Новгород Великий в XVII в. Документы по истории градостроительства. М., 1986.
17. Седов П.В. Захват Новгорода шведами в 1611 г. // Новгородский исторический сборник. Вып. 4 (14). СПб.-Новгород, 1993.
18. Сметный список новгородских четвертных денежных доходов на 1620/21 и 1621/22 гг. // Опись Новгорода 1617 года. Ч. II. / Под ред. В.Л. Янина. М., 1984.
19. Шунков В.И. Ремесло в Пскове и Новгороде по данным сыска 1639—1640 гг. // Исторические записки. Вып. 5. М., 1939.

Алексей Востров

СУХОПУТНЫЕ ДОРОГИ МЕЖДУ ВЕЛИКИМ НОВГОРОДОМ И КАРЕЛЬСКИМ ПЕРЕШЕЙКОМ В XVI—XVII ВЕКАХ

Сухопутные дороги, несмотря на значительную роль водных путей, на протяжении веков выполняли множество разнообразных функций. Они позволяли осуществлять административное и церковное управление, обеспечивали торговлю и обмен товарами, налаживали контакты между землями для обмена идеями и новостями, в том числе создавая чувство общности. Так линия связи двух точек на карте обретала стратегическую окраску, учитывая интересы Шведского королевства и Великого княжества Московского в Ингерманландии и на Карельском перешейке.

Карельский перешеек, входивший в состав северо-западной Водской пятины Новгородских земель, представляется особенным местом из-за пограничного своего статуса: в результате Ореховского мирного договора 1323 года перешеек был впервые официально поделён между Новгородской республикой и Шведским королевством. В дальнейшем граница постоянно оспаривалась, в том числе военным путём, и в результате Столбовского мирного договора 1617 года перешеек вместе с Ингерманландией оказался под

шведским управлением. Великая Северная война 1700—1721 годов закрепила Карельский перешеек (вместе с Выборгом) за зарождавшейся Российской империей, но граничный его статус сказывался и в дальнейшем.

В этом контексте дороги, связывавшие новгородские земли с Карельским перешейком в период XVII—XVIII столетий, представляют наглядный пример взаимовлияния Запада и Востока — Швеции и Великого княжества Московского. Отправной точкой может служить 1478 год — присоединение Великого Новгорода к Москве, после которого Швеция и Ливония поддерживали дипломатические отношения с центром русских земель через новгородских наместников, а дорожная сеть Северо-Запада начала активно развиваться.

Одной из первых магистральных дорог стала Ивангородская, проложенная на основе Водского пути, первые упоминания о котором относятся к рубежу XIV—XV веков. Записи о ямах этой дороги встречаются в писцовых книгах 1500 года. Примерно в это же время устраивается Ореховская дорога с про-

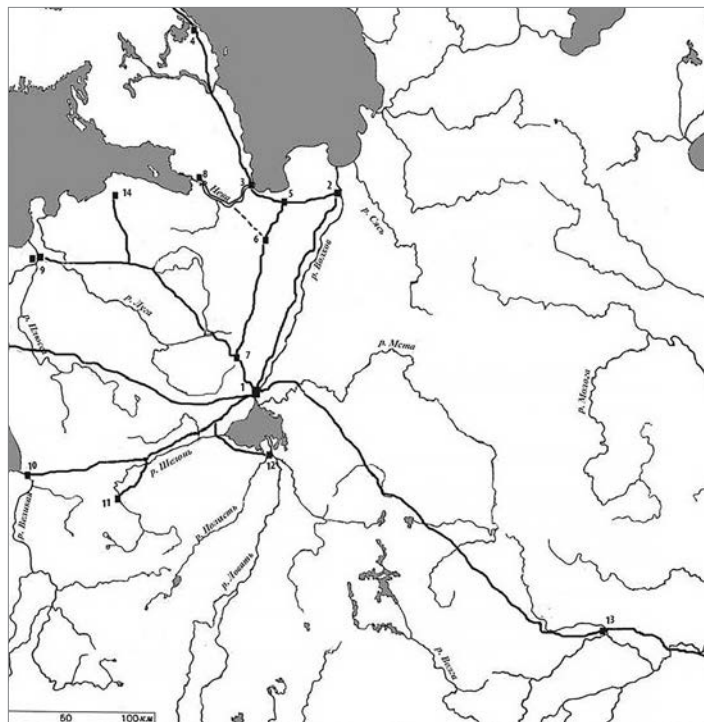

Схема новгородских дорог

Цифрами
на схеме обозначены:

- 1 — Новгород;
- 2 — Ладога;
- 3 — Орешек (Нотебург);
- 4 — Корела (Кексгольм);
- 5 — Назинский ям;
- 6 — Шапецкий ям;
- 7 — Лусский ям;
- 8 — Ниен;
- 9 — Нарва/Ивангород;
- 10 — Псков;
- 11 — Порхов;
- 12 — Старая Русса;
- 13 — Тверь;
- 14 — Копорье

Основа для карты взята из книги:

Селин А.А. Новгородское общество начала XVII века.

Смутное время на Северо-Западе Московского государства. М., 2011. С. 176

должением на Карельский перешеек до Корелы (Корельская) и, предположительно, Ладожская дорога. Транспортная сеть Водской пятины развивается и в середине XVI века: меняется трасса Ореховской дороги, производится реформирование системы транспортных магистралей в целом. К концу столетия уже густая сеть сухопутных путей соединяла Новгород с окружающими землями, в том числе с Ладогой, Орешком и Корелой.

Ореховская дорога, длиной примерно в 180 вёрст, соединяла Новгород с крепостью Орешек. Она отходила от Ивангородской в Лусском яме (близ современного поселка Любуницы) и шла на север

через несколько ямов до Назинского (на реке Назия, между современными поселками Приладожский и Назия), далее сворачивая на запад к Орешку (почти совпадает с современной трассой). Расстояние между ямами не превышало 25—30 вёрст. Большая часть трассы проходила по болотистой местности, что мешало стабильному её использованию: когда у новгородской администрации не хватало средств для поддержания состояния дороги, она была не востребована. Показательно, что на дороге почти не использовались мосты — реки пересекались вброд.

В конце Ливонской войны 1558—1583 годов шведские войска взяли дорогу

под контроль и отмечали её «дурной характер», что являлось следствием не только военных действий, но и опричнины. Один из участников неудавшегося похода на Новгород 1582 года отмечал: *«Пошли к Новгороду по дурной дороге, на которой все лужи были переполнены водой, и непогода с ливнем длились и день и ночь, и все мосты в России плавали под водой».*

После указанных событий, в 1586 году, происходит обустройство Ореховской дороги, а ямские станции укрупняются. Однако в новом виде она прослужила не-

Ладожская сухопутная дорога изначально проходила вдоль левого берега реки Волхов и стала активно функционировать лишь со второй половины XVI столетия, хотя, вероятнее всего, существовала ранее. Уже в 1580-е годы сухопутные трассы ввиду ухудшения их состояния стали заменяться водными, что являлось показательным и для рассматриваемой дороги — в летнее время пути дублировали друг друга. В 1586 году на дороге учреждаются ямские станции, а пять лет спустя появился ям в Ладоге.

долго — вплоть до русско-шведской войны 1591—1593 годов. По окончании боевых действий основной северо-западной сухопутной дорогой вновь становится Ивангородская, а в 1597 году Ореховская окончательно упраздняется. По всей видимости, причиной являлось неудобство её трассы, которая значительно уступала Ладожской дороге: в отличие от водного пути, болотистый путь требовал постоянного ухода и осмотра. К этому времени чаще использовался водный путь из Новгорода в Орешек через Ладогу и в Корелу через Ладожское озеро.

В результате реформы 1597 года Ладожская дорога заменяет собой Ореховскую, причем доминирует водный вариант, так как сухопутный путь требовал больших затрат. Однако ямы теперь располагались по обоим берегам Волхова.

События начала XVII столетия, ставшие временем Смуты, привели к окончательному упадку сухопутных дорог: Ореховская и Ивангородская дороги становятся практически заброшенными, и встречаются лишь отдельные упоминания их использования. Так, в 1612 году — за два дневных перехода-

да — шведские войска перемещаются от Новгорода до Орешка по Ореховской дороге, а Ладожский ям несколько раз отмечался в документах того времени. Основное движение русских и шведских военных контингентов, в период шведского военного присутствия в Новгороде в 1611—1617 годы, шло не по мощёным дорогам, а по рекам. Показательно, что шведская военная администрация возводит небольшие крепости — шанцы — вдоль водного пути по реке Волхов для контроля оккупированной территории.

Таким образом, важнейшей транспортной артерией Водской пятины в этот момент остаётся водный (зимой — санный) вариант Ладожской дороги по Волхову — издавна известная часть «пути из варяг в греки». Сухопутный вариант Ладожской дороги практически не используется. В целом водные пути в XVII столетии приобретают большее значение, чем в предыдущем: описание маршрутов по рекам, в первую очередь по Волхову и Луге, встречается чаще, чем сухопутных дорог, которые с новгородской стороны постепенно приходят в упадок. Интересно, что к этому времени маршруты теряют исключительно государственное значение, так как теперь здесь в большинстве своём передвигаются купцы и путешественники.

В 1622 году Ладожский ям снова начинает функционировать, а к середине XVII столетия Ладожская дорога и дорога

из Ладоги в Орешек, теперь являющиеся приграничными, восстанавливаются. Последняя, протяжённостью около 70 вёрст, запечатлелась в народных названиях как «Карыгановская» или «Киргановская» и являлась важной магистральной артерией Новгородских земель с XVI столетия вплоть до Северной войны. Она начиналась в центре Ладоги и шла вдоль течения рек Ладожки и Кобоны до деревни Городище, где в XVII столетии появился Ла-

вуйский острог — пограничный пункт на русско-шведской границе. Дальше дорога соединялась с Ореховской в Назыньском яме, который ближе к концу столетия уже не использовался. Эта дорога в целом совпадает с трассой современного Мурманского шоссе.

Продолжением пути из Новгорода на Карельский перешеек являлась Корельская дорога, о которой сохранилось достаточно мало сведений. Она начиналась в Орешке и близ Каяфинского яма выходила к границе со Швецией. Первые сведения об этой трассе относятся к 1539 году, но, вероятнее всего, она была

организована раньше — ближе к началу столетия. Ямские станции были укрупнены на ней в период 1560—1568 годов. Однако Ливонская война изрядно «потрепала» дорогу, и шведский военачальник Понтус Делагарди вёл здесь активные боевые действия.

После Плюсского перемирия 1584 года дорога была заброшена, согласно документам «отставлена, а гоняют на Ладогу», т. е. водным путём, и не действовала вплоть до октября 1597 года, когда был издан указ о её возобновлении. Трасса новой дороги отличалась от старой и шла

вдоль западного побережья Ладожского озера. По ней перемещались шведские войска в 1611 году, но позднее, в шведский период, этот путь из Нотебурга (Орешка) в Кексгольм (Корелу) вряд ли использовался — на карте Бергенгейма от 1676 года дорога отсутствует.

В годы шведского управления Ингерманландией и Карельским перешейком после Столбовского мира 1617 года сухопутные дороги активно развиваются. Например, появляется путь вдоль правого берега Невы от Нотебурга до Ниена,

получившего статус города в 1632 году, тогда как крепость Ниеншанц была заложена в 1611 году. Вероятней всего, появилось «ответвление» от старой Корельской дороги к Ниену (близ современного Токсово). Позднее обустраивается прямая дорога от Ниена до Кексгольма по более обжитым местам через Кивиниemi (сейчас — Лосево), в целом близкая к современной трассе на Приозерск. К слову, сухопутная дорога из Выборга в Ниен — часть Королевской почтовой дороги, позднее получившая название Выборгский тракт, — появилась около се-

редины XVII столетия: на «Карте Понтуса Делагарди» 1634 года, точное авторство которой неизвестно, дорога не обозначена.

Приблизительно в это же время впервые появляется на картах дорога между Кексгольмом и Кроноборгом (совр. Куркиеки в Карелии), продолжавшаяся до Сортавалы. По мнению финских историков Иммонена и Ненноне-

на, она может быть датирована XVI веком (и даже ранее), но качество её улучшается именно в шведский период. Все указанные дороги приобретают стратегическое значение, обеспечивая связь между столицей Шведского королевства и укрепленными пунктами на юге Карельского перешейка — Кивеннапа (на Выборгской дороге) и Ниеншанц.

Основной функцией сухопутных дорог шведского периода являлась доставка почты. Система сухопутных почтовых дорог, учреждённая в 1638 году в Сток-

гольме, была скопирована с немецкого образца и досконально регламентировала почтовую службу и функционирование постоялых дворов. Так, дорожное строительство было организовано по земельному принципу: через каждые две три шведские мили (10-15 км) поселялся почтовый крестьянин (обычно грамотный) с двумя помощниками, который должен был по прибытии почты срочно отправить её до следующего почтальона, поскольку задержки сурово карались. Именно почтовые крестьяне были обязаны заботиться об исправном содержании дорог на их дистанции.

Наиболее ценным и полным источником информации о другой стороне границы, новгородских землях того времени, являются «Заметки о России», сделанные Эриком Пальмквистом в 1673—1674 годах, в которых шведский инженер-фортификатор и военный разведчик, наряду с прочей информацией, подробнее фиксирует обширную систему дорог — вплоть до описания особых условий путешествия. Важно отметить, что магистральные пути предыдущего столетия зафиксированы участником посольства Густава Оксеншерны как зимние варианты дорог, тем самым подчеркивая, что к этому времени в летний период сухопутные пути были труднопроходимы.

Например, Пальмквист описывает дорогу из Ладоги в Орешек следующим образом: «Когда-то, а именно во времена

графа Якова Делагарди, эта дорога очень хорошо была обстроена мостами и т. п., но теперь же пришла в совершенную негодность и почти непроходима, особенно летом из-за густых зеленых зарослей и болотистой топкой почвы».

Более подробно он описывает водный путь из Ниена и Нотебурга через Ладожское озеро и по реке Волхов до Новгорода. Этот маршрут, вероятнее всего, являлся основным. Пальмквист отмечает даже такие особенности путешествия: «В летнее время проезжающие испытывают здесь большие затруднения из-за комаров, мух

и оводов, в изобилии плодящихся около этой реки [Волхова] в прилегающих к ней больших лесах и влажных кустах».

Другая известная дорога — Ореховская — в шведское время не использовалась, и вместо нее Пальмквист описывает прямую дорогу из Ниеншанца через Ижорский погост, выходящую к трассе прежней Ореховской дороги в районе Шапецкого яма (близ современного посёлка Шапки).

С началом Северной войны система транспортных магистралей на Северо-Западе значительно меняется: сухопутные дороги активно использовались обеими сторонами для ведения боевых действий, а контроль над ними являлся важной военно-стратегической задачей — особенно в Восточной Ингерманландии. По-

сле занятия региона русскими войсками дороги, поддерживавшиеся шведским правительством, включаются в систему русских государственных магистралей, а позднее принципы их устройства были частично переняты Петром I при организации дорожной службы в северо-западной части Российской империи.

1. Бельский С.В., Герасимов Д.В., Липатов А.А., Михайлова Е.Р., Соболев В.Ю., Шмелев К.В., Мурзенков Д.Н., Федоров И.А. Королевская дорога между Кексгольмом и Кроненборгом: результаты исследований исторической дороги в Северо-Западном Приладожье // Материалы полевых исследований МАЭ РАН / Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Кунсткамера). Вып. 13. СПб., 2013.

2. Голубцов И.А. Пути сообщения в бывших землях Новгорода Великого в XVI—XVII вв. и отражение их на карте сер. XVII в. // Вопросы географии. Т. 20. М., 1950.

3. Заметки о России, сделанные Эриком Пальмквистом в 1674 году / [Государственный архив Швеции, Ин-т славистики Стокгольмского ун-та, С.-Петербург. ин-т истории РАН]. М., 2012.

4. Кан А.С. Швеция и Россия в прошлом и настоящем. М., 1999.

5. Клинге М. Мир Балтики. Хельсинки, 1995.

6. Мейнандер Х. История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты. М., 2008.

7. Рюссов Б. Ливонская хроника. [1584] // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Т. 3. Рига, 1880. С. 345.

8. Селин А.А. Дорога из Ладоги в Орешек // Староладожский сборник. СПб.; Старая Ладога, 1998. С. 28–41.

9. Селин А.А. Ивангородская дорога: западный участок // Крепость Ивангород. Новые открытия. СПб., 1997. С. 215–223.

10. Селин А.А. Магистральные дороги Северо-Запада Новгородской земли в XVI—XVII вв. // Очерки исторической географии. Северо-Запад России. Славяне и финны. СПб., 2001. С. 86–99.

11. Шкваров А.Г. Россия — Швеция. История военных конфликтов. 1142—1809 годы. СПб., 2012.

12. Immonen T. Kurkijoen seutu Ruotsinvallan aikana vv. 1570—1710. Kurkijoen kihlakunnan historia I-II-III. Helsinki, 1958. P. 81–422.

13. Katajala K. Cross-Border Trade in Karelia from the Middle Ages to the October Revolution 1917 // The Flexible Frontier: Change and Continuity in Finnish-Russian Relations. Aleksanteri Series 5/2007. Helsinki, 2007. P. 70–87.

14. Masonen J. Ancient Land Communications Research in Finland // Fennoscandia archaeologica. 5. 1988. P. 79–104.

15. Masonen J. Tracks, Paths and Roads. Infrastructure and Transport in Finland and the Baltic Sea Area from the Viking Age to Medieval Times (800—1500 AD) // Road Museum Reports 1/1995. Helsinki: Finnish National Road Administration, 1995. 36 pp.

16. Nenonen M. Vesiltä pyörille: suuret maantiet 1550—1800. Maata, jäätä, kulkijoita. Tiet, liikenne ja yhteiskunta ennen vuotta 1860. Helsinki, 1999. P. 167–273.

17. Tarkiainen K. Sveriges Österland. Frånforntiden till Gustav Vasa. Helsingfors, 2008.

18. Villstrand N.-E. Riksdelen. Stormakt och rikssprängning 1560–1812. Helsingfors, 2009.

Геннадий Коваленко

ОТ ГИЛЬБЕРА ДЕ ЛАННОА ДО РОБЕРТА БАЙРОНА

Иностранные туристы в Новгороде

Считается, что иностранный туризм в России имеет не слишком глубокие корни. С этим мнением можно согласиться, если понимать под туризмом массовую индустрию. Однако если принимать его дефиницией путешествия с целью приобретения знаний и расширения кругозора, то его корни в России уходят в XV век, когда европейцы предпринимают первые попытки открыть для себя неведомые им земли на Востоке.

Для многих из них знакомство с далёкой, загадочной Московией и её культурой начиналось с Новгородских земель, которые на протяжении веков были важнейшей контактной зоной между Русью и Западной Европой, а Великий Новгород, расположенный на пере-

сечении торговых путей, уже в древности находился в поле пристального внимания европейцев и занимал особое место в иностранных сочинениях о России.

Именно в Новгород ровно 600 лет назад прибыл фландрский рыцарь, советник и камергер герцога Бургундского Гильбер (Жильбер) де Ланноа (Ланнуа), которого можно считать первым индивидуальным туристом, посетившим Россию. Чтобы «увидеть мир» («pour voir le monde»), он путешествовал по Азии и Европе и холодной зимой 1413 года из Ливонии через Нарву приехал на Русь.

Он пробыл в Новгороде девять дней, пользуясь свободой передвижения, которой позже у иностранцев уже не было. В своих мемуарах «Путешествия и посольства»

Гильбер де Ланноа

Ланноа охарактеризовал Новгород как «удивительно большой город», в котором много церквей, главной из которых является Софийский собор. Он описал также некоторые детали повседневной жизни новгородцев.

В XVI и XVII вв. Великий Новгород продолжал удивлять иностранных путешественников своим величием и красотой. Они писали, что этот «могущественный и большой город» «поныне славится

В их числе был шведский посол граф Кристиан Горн, который в 1670 году изменил маршрут посольства «для того, чтобы увидеть это значительное и знаменательное место», и провёл в Новгороде два дня.

В 1683 году в составе направлявшегося в Персию шведского посольства Людвиг Фабрициус в Новгороде побывал немецкий географ, натуралист, путешественник Энгельбрехт Кемпфер. Он пробыл в Новгороде неделю и за это время

своей торговлей и богатством» и является «одним из самых значительных и населённых городов России» и сравнивали его с Лондоном, Римом, Венецией и Амстердамом.

Слухи о нём распространяются по Европе, и появляются люди, которые не просто едут через Новгород, а специально приезжают сюда, чтобы побывать в этом «самом древнем из всех русских городов».

успел осмотреть даже те его достопримечательности, к которым иностранцев, как правило, не допускали. Ему удалось посетить Антониев монастырь, где монахи рассказали ему легенду о св. Антонии, которую он пересказал в своем дневнике. Кемпфер описал также Собор Рождества Богородицы, гробницу, а также одну из главных реликвий собора — камень Антония Римлянина

Русский город всегда поражал иностранных путешественников многочисленностью церквей. Судя по их запискам, именно православные храмы, их силуэты и золочёные купола вместе с крепостными стенами и башнями определяли внешний вид города, его красоту и святость. В этом плане пример Новгорода был особенно показательным, и в XVII веке он удивлял иностранцев, прежде всего, своими церквями и монастырями.

в Новгород, чтобы увидеть «известные достопримечательности сего древнего города», увеличивается особенно после того, как во второй половине столетия Россия, наряду с Польшей, Швецией, Норвегией, Данией и другими странами северной Европы, вошла в учебно-ознакомительный туристический маршрут так называемого «северного тура».

Здесь, в частности, побывали английский историк и путешественник Уильям

В XVIII веке Новгород, превратившийся в провинциальный центр Российской империи, оказался как бы в тени двух столиц, поэтому впечатления иностранцев от него были не столь яркими, как впечатления от Москвы и Петербурга. Некоторые путешественники ехали из Петербурга в Москву и обратно не через Новгород, а мимо него. Тем не менее в XVIII веке количество иностранцев, приезжавших

Кокс, голландский учёный Йохан Мерман, немецкий пастор Михаил Ранфт, французский путешественник Орби де ла Мотре, немецкий учёный-энциклопедист Антон-Фридрих Бюшинг, датские дипломаты Юст Юль и Педер фон Хавен, шведский священник Свен Бэльтер, руководитель борьбы за свободу испанских колоний в Америке Франсиско де Миранда, французский революционер Жильбер

Ромм, известный итальянский авантюрист Джованни Казанова.

В XIX веке Новгород превратился в уездный город, во многом уступавший другим российским городам. Для иностранцев он был лишь «тенью великого имени», однако он продолжал привлекать их внимание как антипод самодержавия. Для либеральной европейской интелли-

гель-демократ Иоганн Готфрид Зейме, немецкий учёный и педагог Эрнст Беньямин Раупах, остзейский дворянин Иоганн Фридрих Унгерн-Штернберг, французская писательница Жермена де Сталь, французский литератор Франсуа Ансело, шведский учёный и писатель Юхан Бар, маркиз Астольф де Кюстин, немецкий писатель-путешественник Фридрих Мейер, английский студент Джон Томас Джеймс.

Многих иностранцев, побывавших в Новгороде в XIX веке, можно считать туристами, поскольку цель их путешествия состояла в знакомстве с Россией. При этом Новгород был для них часто лишь промежуточным пунктом на маршруте Петербург — Москва или Москва — Петербург. Появление иностранных туристов высветило проблемы российского туризма — внешний вид и благоустройство города, его достопримечательности, которые могли «привлечь

взор путника», гостиницы, дороги. Достопримечательностями Новгорода — этого «кивота святыни русской» — были, прежде всего, опоясывающие его монастыри и церкви. Именно на них в первую очередь обращали свое внимание иностранцы. Они отмечали, что церкви в Новгороде *«были в хорошем состоянии»*, поскольку *«из всех видов построек русские больше всего заботятся о церквях»*. Самым известным храмом

генции он становится демократической легендой, культурным мифом, символами которого были Марфа-посадница и вечевой колокол, символические осколки которого они пытались найти в постреспубликанском Новгороде.

В числе иностранных путешественников, побывавших в Новгороде в XIX веке, были французская художница Элизабет Вижé-Лебрен, английская путешественница Марта Вильмот, немецкий писа-

был Софийский собор, «великолепие которого поражает» и в котором «есть на что посмотреть». Одной из главных достопримечательностей Новгорода считался также Антониев монастырь.

Во второй половине столетия иностранцы уделяют все больше внимания памятникам новгородской архитектуры и живописи. Несмотря на то, что они воспринимали русскую культуру через призму своих ценностей, они начинают понимать их подлинную красоту и значение. Так, шведский журналист, писатель и переводчик Вальдемар Ланглет, побывавший в Новгороде в 1898 году, писал: «Я обратил свой пристальный интерес на изучение своеобразных старинных церквей этого древнего города с богатым прошлым. В одной из этих церквей под названием Спас на Нередице хорошо сохранились фрески, которые считаются самыми древними из произведений христианского искусства во всей Европе. Другие церкви весьма интересны как образцы различных направлений церковной архитектуры, представляющие путь развития русского церковного искусства от его возникновения. Некоторые из них представляют уникальную ценность для истории искусства, как, например, построенный греческими мастерами Софийский собор».

Внешний вид города, его архитектуру иностранцы, как правило, оценивали довольно критически. Они видели здесь, главным образом, безлюдные «неказистые улочки», «убогие хижинки», «грязные полуразвалившиеся мелкие лавчонки», «старинные развалины, теряющиеся среди окрестных равнин». Однако из этого правила были исключения. Так,

например, французский математик Абель Буржуа увидел в Новгороде «много улиц, застроенных кирпичными и очень красивыми домами», приятно удивился «красоте архитектуры». Немка Амалия фон Лиман нашла, что Новгород «порядочно велик, хорошо построен, превосходно расположен».

Новгород, где всегда было много паломников и путешественников, изобилует «трактирами, гостиницами и постоянными дворами». Один из русских путешественников, побывавший в Новгороде, писал: «Во время пребывания нашего в Новгороде мы жили в гостинице Березина, на Знаменской улице ... Признаюсь, подобная гостиница была бы в числе первых и в Петербурге».

Новгородские гостиницы производили довольно неплохое впечатление и на иностранцев. «По дороге от Москвы к Петербургу есть две довольно сносных гостиницы, одна — в Твери, другая в Новгороде», — отметил проезжавший через Новгород в 1775 году французский дипломат Мари Даниель де Корберон. В 1778 году Уильям Кокс и его спутники останавливались в Новгороде в небольшой, но хорошо обставленной гостинице «с кроватями, что составляет в России необычайную роскошь, которую с трудом можно найти даже Москве». Посетивший Новгород в 1799 году голландец Йохан Меерман отметил, что «в Новгороде есть довольно хорошая гостиница». В октябре 1808 г. англичанка Марта Вильмот записала в своём дневнике: «Обедали в Новгороде в очень приятной гостинице, стены которой украшены превосходными английскими гравюрами. Ни одна гостиница в России, на мой взгляд, не может

сравниться с этой в удобстве». Даже Астольф де Кюстин, которому многое в России пришлось не по душе, так писал о гостинице при почтовом дворе: «Я пишу вам из дома, который изяществом своим разительно отличается от унылых домишек в окрестных деревнях; это разом почтовая станция и трактир, и здесь почти чисто. Дом похож на жилище какого-нибудь зажиточного помещика, подобные станции, хотя и менее ухоженные, чем в Померании, построены вдоль всей дороги». Шведу Рихарду Экблуму в 1909 году лучшая новгородская гостиница пришлась не по вкусу, прежде всего, из-за нарушавших его спокойствие клопов, однако еду он похвалил.

Большой проблемой для иностранных путешественников были российские дороги. Французская художница Элизабет Виже-Лебрен, по дороге из Петербурга в Москву в 1800 году, писала: «Проехать по сему тракту даже в сильные холода и то едва возможно, ибо настил из бревен постоянно трясется, давая то же ощущение, что волны на море. Карету мою, ехавшую на полколеса в грязи, толкало и бросало во все стороны, и я в любую минуту могла отдать Богу душу».

Во второй половине столетия состояние новгородских дорог несколько улучшилось. Так, например, Унгерн-Штернбергу дорога от Новгорода на Москву, во всяком случае, до Бронниц, показалась своеобразной, но довольно удобной. Эрнст Мориц Арндт писал, что дорога от Твери до Петербурга *«почти столь же хороша, как прочие дороги великого государства».*

Даже такой строгий критик российских порядков, как Кюстин, писал о доро-

ге Москва — Петербург, что она красивая и *«содержится в порядке, хотя вымощена такой твердой породой, что даже щебень образует шероховатости и расшатывает болты колясок».*

Довольно неплохой показалась эта дорога финскому студенту, будущему президенту Финляндии Юхо Паасикиви: *«Дорога, проложенная из Москвы в Петербург через Новгород, на протяжении многих миль ровна, довольно чиста осенью, даже во время слякоти, т. к. она тверда, как городская улица».*

На дороге между Петербургом и Москвой внимание иностранных путешественников привлекал также расположенный в живописном месте среди холмов и озёр Валдай, снискавший славу *«русской Швейцарии».* Но, пожалуй, больше всего Валдай был известен *«любвным расположением жителей»*, с проявлениями которого здесь сталкивались как русские, так и иностранные путешественники.

Новгород упоминается в европейских путеводителях XVIII века и в первом русском путеводителе для туристов изданном в начале XIX в.: *«Ручной дорожник для употребления на пути между императорскими всероссийскими столицами, дающий о городах, по оному лежащих, известия исторические, географические и политические с описанием обывательских обрядов, одежд, наречий и видов лучших мест».* Его автором был Иван Фомич Глушков, ставший впоследствии тверским вице-губернатором. К числу лучших мест и важнейших достопримечательностей, заслуживающих внимания путешественников, он относит Новгород, ибо *«кто из потомков великих славян с восхищением не вознесёт»*

ся зреть славу и величие предков своих в веках протекших». Переведённый на немецкий язык «Дорожник» Глушкова стал хорошим подспорьем и для иностранцев.

После того как в 1851 году была построена железная дорога Петербург — Москва, иностранные путешественники предпочитали ездить из одной столицы в другую поездом, минуя Новгород. Так, в частности, мимо Новгорода проехали Александр Дюма, Теофиль Готье и Кнут Гамсун, побывавшие в России во второй половине столетия. Железная дорога, соединившая Москву с Петербургом, стала основной причиной того, что во второй половине столетия количество иностранных туристов, побывавших в Новгороде, резко сокращается и практически сходит на нет.

Революция и Гражданская война крайне отрицательно сказались на развитии иностранного туризма, но не уничтожили его. В 1931 году в Советскую Россию приехал английский путешественник и журналист Роберт Байрон, искавший «романтический дух Святой Руси» в избе-

жавших промышленных и политических потрясений мест. Одним из таких мест оказался Новгород, покидая который он думал о том, что из всех городов, которые он хотел бы увидеть ещё раз, «главным является Великий Новгород».

Роберт Байрон

В 1956 году Новгород как один из древнейших русских городов, обладавший уникальными памятниками истории и культуры, был открыт для массового посещения иностранных делегаций и туристов. В их числе был будущий президент Финляндии Мауно Койвисто, на которого город произвёл впечатление недавней арены ожесточённых боёв. В это же время в Новгороде побывал финский археолог, секретарь Общества любителей древности

Финляндии Карл Мейнандер. Он назвал Новгород «настоящим Эльдorado для археологов» и предположил, что его будущее связано с развитием туризма. С этого времени он становится одним из центров международного туризма, который сегодня выступает в качестве важного фактора регионального развития.

В год 200-летия со дня рождения Фёдора Михайловича Достоевского, самого читаемого, изучаемого и переводимого русского писателя в мире, будет уместно обратиться к описанию впечатлений от пребывания на Новгородской земле не только путешественников, но и тех, кто оказался здесь благодаря своим профессиональным интересам, напрямую связанным с именем писателя. В начале 2000-х годов известного японского достоевковеда Кэнъити Мацумото из г. Киото изучение творчества Фёдора Михайловича привело в Старую Руссу, а неожиданным открытием для самого исследователя стал Великий Новгород. Кроме того, Кэнъити-сан упоминает много имён известных новгородцев и тех, чья судьба неразрывно связана с Новгородом и его историей.

Кэнъити Мацумото

ЦЕЛЫЙ ГОД В ВЕЛИКОМ НОВГОРОДЕ

Взявшись за написание впечатлений о годе жизни в Великом Новгороде, я вспомнил об одном уточнении, которое я давал ещё в своей мастерской диссертации. В начале романа «Братья Карамазовы» Ф.М. Достоевский упоминает, как его герой, Алексей Карамазов, «уже с год как проживал» в монастыре. Хотя Фёдор Михайлович тут лишнего не говорит, но упоминание об однолетнем проживании Алёши в монастыре имеет важное значение для понимания целого романа, так как оно и означает, что молодой герой уже прошёл ряд церковных ритуалов, которые, подражая жизни Христовой, символично составляют большой однолетний круг, и что даже в начале романа Алёша уже был готов к духовному возрождению в связи со смертью своего учителя старца Зосимы. Невозможно

было бы Алёше возродиться «твердым на всю жизнь бойцом», не будь у него опыта однолетнего проживания в монастыре.

Да, целый год! Как много плодов может принести человеку целый год жизни в необычной, даже чужой среде! Я проживал в этом городе, разумеется, не в монастыре, а просто в квартире в центре города, но у меня создалось достаточно много глубоких впечатлений лишь только от смены времён года: ещё не стаявший мартовский снег, очаровательная молодая зелень в новгородском Кремлёвском парке, белые ночи, слишком короткое лето, золотая осень, первый снег и тому подобное. И теперь, в необычно тёплые новогодние дни, когда описываю свои впечатления, я уже замечаю на ветвях деревьев листовые почки, новую жизнь, с нетерпением ждущую весну.

В первый раз я приезжал в Великий Новгород в начале 2000-х годов. Тогда, собираясь посетить Дом-музей Ф.М. Достоевского в Старой Руссе, я считал Великий Новгород просто промежуточным пунктом. Но впечатление от этого зелёного и спокойного города оказалось гораздо лучшим, чем я ожидал. Может быть, ещё на меня повлияла случайная встреча на улице с маленькими детьми, которые с гордостью рассказывали мне про свой родной город: дети гордятся своим городом — это уже в Японии бывает очень редко.

С тех пор я приезжал в Новгород четыре или пять раз, так как я определил этот тихий город местом летней учебной программы для своих японских студентов, что сбылось осенью 2004 года с помощью М.А. Ниловой из Лингвистического центра НовГУ.

Итак, решив проживать в Великом Новгороде год, с марта 2006 года по март 2007 года, я не чувствовал никакой тревоги о самом городе. Я уже хорошо знал, что жизнь в нём не будет ни тяжёлой, ни трудной даже для японца, который может только лепетать на русском языке. У меня и знакомые люди были, были и полюбившиеся места. А тревога-то моя была о другом: о моём здоровье, не только физическом, но и душевном. Ведь я иногда слышал, что с иными из японцев, которые начинают проживать на чужой земле, часто бывают расстройства

из-за неприспособленности к среде. Это может случиться и с людьми, которые гораздо сильнее меня. Даже Сосэки Нацумэ, великий японский писатель и исследователь английской литературы, находился в таком состоянии депрессии в период трёхлетнего проживания в Лондоне, что ходили слухи о его сумасшествии...

Но все мои опасения оказались совсем напрасными, точнее говоря, мне некогда было, слава богу, даже заболеть.

К. Мацумото и профессор В.В. Дудкин

Я приехал в Великий Новгород 30-го марта 2006 года изучать произведения Ф.М. Достоевского, и недели две спустя уже познакомился со своим научным руководителем, профессором В.В. Дудкиным. К большому моему счастью, Виктор Викторович — известный достоевковед, и я ещё в Японии читал некоторые его работы и перед самым отъездом написал статью на основе материалов его публикации о восприятии произведений Достоевского в Германии. Сейчас я хорошо

помню, как в первый день нашего знакомства Виктор Викторович пригласил меня на пасхальный обед к себе домой и предложил мне принять участие в международных чтениях в Старой Руссе со своим

сколькими исследователями. На конференции я познакомился с Сергеем Борисовичем Пухачёвым, через которого, в свою очередь, — с членами Новгородского общества любителей древности и сотрудниками кафедры журналистики НовГУ, благодаря им моя жизнь в Великом Новгороде была лишена монотонности.

В.Я. Конецкий, С.Б. Пухачёв и К. Мацумото

Кроме того, конференция в Старой Руссе подействовала на меня очень благотворно: опыт участия в ней придавал мне какую-то смелость, так сказать, дух на сцене. После Старой Руссы профессор Дудкин ещё предлагал мне участвовать в других конференциях, и я каждый раз, уже не колеблясь, принимал его предложения, потому что был твёрдо уверен, что участие в них может быть очень полезным для моей карьеры и что после возвращения в Японию часто участвовать в международных конференциях будет сложнее. Итак, я принимал каждое предложение Виктора Викторовича и в результате поучаствовал в течение года (точнее, за восемь месяцев!) в четырёх конференциях, что даже можно назвать подвигом.

докладом. Так как я ставил себе целью собирать материалы для составления литературной карты по Старой Руссе, его предложение было весьма кстати. Впрочем, я колебался с ответом, потому что у меня не было никакого опыта участия в международных конференциях. Профессор ободрил меня, и я решил с ним принимать участие в XXI Международных Старорусских чтениях «Достоевский и современность». Теперь мне нельзя не признаться, что это решение придало моему пребыванию в России неожиданное направление.

Чтения «Достоевский и современность» проводились в мае. Я не только благополучно выступил с докладом «К вопросу о двойственности идеи Раскольникова», но и познакомился с не-

Кроме Старорусских чтений, я принимал участие в Международной научной конференции и XVI съезде англистов «Литература Великобритании и романский мир» (в Гуманитарном институте НовГУ), Международной научной практической конференции «Новгородика. К 100-летию Д.С. Лихачёва» (в Новгородском кремле)

с докладом «Достоевский и Акутагава» и XXXI Международных чтениях «Достоевский и мировая культура» (в музее Ф.М. Достоевского в Санкт-Петербурге) с докладом «Оборотная сторона "идеи" в романе "Подросток"». В Петербурге я встретился с некоторыми исследователями, с кем уже познакомился в мае в Старой Руссе.

и видел Президента Российской Федерации Владимира Владимировича Путина. В любом направлении легко можно было отправляться благодаря удобному расположению Великого Новгорода.

Мне стоит упомянуть о Новгородском обществе любителей древности, с членами которого я дважды участвовал в субботнике. Также я с ними совершил поезд-

К. Мацумото и А.И. Орлов на субботнике в Яжелбицах

В своей жизни в Великом Новгороде я, разумеется, занимался не только подготовкой к конференциям: совершал маленькие поездки по своим делам в Санкт-Петербург, Старую Руссу и Германию. В Старой Руссе занимался полевыми работами и снял много фотографий, которые, я уверен, помогут мне в составлении литературной карты этого, не очень известного японцам города. В Германии, в Дрездене, я случайно оказался на открытии памятника Ф.М. Достоевскому

ку на автобусе в Ивангород. Не говоря об уникальности поездки в такой исторический город-памятник, куда попасть иностранцам очень трудно, мне ещё чётче вспоминается один мальчик, которого я видел во время первого для меня субботника в Яжелбицах. Этот мальчик во время нашей работы в реставрируемой старой церкви появился откуда-то с веником в руке и начал помогать нам. Кажется, его давно интересовала старая церковь в своём поселении, и когда он

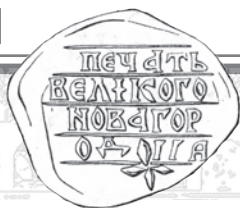

Новгородское общество любителей древности.
Субботник 12.06.2006 г.

посмотрел, как люди приехали из города на автобусе и начали расчищать завалы на его родной любимой церкви, он захотел помочь. Когда мы собирались домой, я мальчика поблагодарил за помощь.

Он, конечно, — тот мальчик с венчиком в руке, теперь уже взрослый... Мечтаю, чтобы такой эпилог был помещён в конце моего романа «Целый год в Великом Новгороде».

Археология Великого Новгорода — особое культурное и научное явление. Каждый археологический сезон на Новгородской земле, в частности в Великом Новгороде, приносит ни один десяток артефактов, каждый из которых имеет свою индивидуальность и многое может рассказать о быте новгородцев, конкретном историческом событии, задаёт загадки исследователям.

Обращение к одной из ранее опубликованных статей выдающегося российского археолога В.Л. Янина неслучайно: Валентин Лаврентьевич справедливо считал, что роль археологов состоит не просто в поддержании исторической памяти, а в восстановлении её утрат, которое, в свою очередь, не что иное как «путь к познанию человеком самого себя».

Сегодня археологическая коллекция Новгородской земли насчитывает более 150 тысяч индивидуальных находок, а число найденных берестяных грамот — свыше 1100. Большинству улиц исторического центра Великого Новгорода возвращены исторические названия, утраченные в разное время: ещё в 1990-х годах свои исконные имена получили древние улицы Прусская, Чудинцева, Розважа, Рогатица, Бояна, Ильина и другие.

В 2024 году в Великом Новгороде начнётся строительство Национального археологического центра имени академика В.Л. Янина. Думается, мы полноправно можем, по словам академика, «ощутить себя достойными не только благодарной памяти потомков, ради которых мы живём, но и предков».

Валентин Янин

ПОДЗЕМНЫЕ ЭТАЖИ

Когда-то, теперь уже довольно давно, Вениамин Александрович Каверин, побывав на раскопках в Новгороде, сказал: «Меняются все представления об историках. Я привык воображать их себе сидящими

в тиши библиотек и архивов, в уюте зеленой лампы, а здесь — в резиновых сапогах, в ватниках, как водопроводчики!..». Борьбы с водой на нашу долю тоже хватает, но всё же главное ощущение, роднящее нас, археологов, с людьми городских

подземных профессий, не в этом. Главное — чувство неразрывности того, что видишь вокруг себя, в своём подземном хозяйстве, с жизнью спешащих по асфальтовым тротуарам людей сегодняшнего дня, с пытливым любопытством туристов, с заботами градостроителей, с нуждами сегодняшней исторической науки, которая в общем-то, исследуя прошлое, работает для будущего.

В раскопе ощущаешь себя находящимся как бы внутри гигантской конструкции, которую начали возводить более тысячи лет тому назад наши предки, а для завершения её нет сроков. Мы привыкли воспринимать сегодняшнюю «дневную поверхность» как извечно заданную, но это не так. Наше бытие много выше бытия предков — не в переносном, а в прямом смысле. Жизнедеятельность человека откладывает пласты, называемые археологами «культурным слоем», которые правильнее было бы понимать как «слои культуры», потому что они хранят то, что и составляет культуру: радости творчества, боль разрушений, шедевры искусства, цепкую тяжесть рутины, удовлетворение достигнутым, держание нового.

Здание городской культуры многоэтажно, и сегодняшний город тем прочнее и соразмернее, чем крепче он стоит на своём изначальном фундаменте, заложенном ещё тогда, когда первопоселенцы безошибочно избрали место жительства для себя, своих внуков и правнуков.

Поучительно бывать на дне раскопа, когда он полностью исчерпан, доведён до «материка» — до поверхности того дна, когда по ней ещё не ступала нога навеки поселившегося здесь человека. На от-

весных стенах раскопа, зачищенных для снятия профилей, читается многовековая история Новгорода. Верхний подземный этаж — недавнее, сидящее в сердце разрушения города фашистскими вандалами. Когда мне впервые довелось работать на новгородских раскопках — а это было в 1947 году, — наиболее частой находкой на этом этаже, ещё пахнувшем гарью, были запертые замки на дверных щеколдах: жители надеялись вернуться в свои жилища... Полуметром (или двумя этажами) ниже — мощённые булыжником мостовые, по которым ходили Герцен и Достоевский, лёгкой походкой пробегал Пушкин. Ещё ниже — слои, оставленные не знавшим покоя Петром, который вместе с Брюсом укреплял Новгород на случай шведского нападения.

И вот мы в средневековом Новгороде. Его этажи легко подсчитать по ярусам деревянных мостовых. Избыточная влажность почвы уже в X веке заставила новгородцев задуматься о благоустройстве города. Его улицы покрылись широкими настилами из сосновых плах. Культурный слой по сторонам их, однако, нарастал быстрее, чем снашивались настилы, и новые их ярусы укладывались прямо на предыдущие. В древнейших частях города число таких настилов к XV веку достигло невероятной цифры — до тридцати. Уличные мостовые образовали жёсткие конструкции самой градостроительной схемы. Она сформировалась теми улицами, знаменитые названия которых сохранила летопись: Славная, Розважа, Рогатица, Лубяница, Нутная, Легоща, Прусская, Чудинцева, Щеркова... Эти ярусы стало возможным не только подсчитать, но и датировать с предельной

точностью методом дендрохронологии. И стоя сегодня перед разрезом мостовых Черницыной улицы, мы знаем: её пятый ярус запечатлел стук копыт конных гонцов, спешивших с вестью о куликовской победе; по мостовой десятого яруса проезжал Александр Невский; двенадцатый ярус вылизан языками пламени боярских усадеб, подожжённых новгородцами, которые восстали против посадника Дмитра Мирошкинича, а вместе с ними горела и мастерская художника Олисея Гречина; двадцать восьмой ярус погиб в пожарах суровой расправы Добрыни и Путяты с новгородцами, не желавшими принимать крещения...

Для археолога, стоящего на дне раскопа, профиль многовековых наслоений не просто отчётный документ, составленный в соответствии с полевой инструкцией о правилах ведения раскопок. Это и воспоминание о полном неповторимых впечатлений путешествии по времени. Ведь всё лето он входил на усадьбы, работал во дворах, домах, ремесленных мастерских, в хозяйственных постройках этих древних усадеб. Спускаясь с этажа на этаж, он наблюдал всевозможные перемены, существо которых лучше всего ощущается на расстоянии, а современнику не очень заметно. И главное впечатление от этого путешествия — не знакомство с древними вещами, а знакомство с людьми, эти вещи сделавшими. Привыкнув называть эпохи именами выдающихся деятелей, обозначать их знаменитыми битвами, мы, однако, тысячу раз убеждаемся в том, что к прогрессу человека ведут не кровавые столкновения, зачастую вызванные хитросплетениями политических амбиций, а труд и творчество.

Влажная новгородская почва сохраняет в себе всё, что в ней оказалось, уцелев от пожаров, этого главного бедствия деревянных городов: нижние венцы домов, настилы улиц и дворов, домашнюю утварь, инструменты мастеров, остатки производственного сырья, одежду и обувь, детские игрушки и игры взрослых, музыкальные инструменты и транспортные средства, орудия письма и сами письма, написанные на берёзовой коре.

Исследование внутренней структуры наиболее типичных вещей — а их в коллекции Новгородской экспедиции насчитывается уже около 140 тысяч — выяснило, что средневековые мастера Новгорода располагали таким арсеналом технических средств, который ставил их на один уровень с мастерами прославленных центров Западной Европы и Ближнего Востока. Виртуозные приёмы обработки металлов, изощрённая техника обработки кости и дерева, ювелирное мастерство предстают перед исследователями в постоянном развитии, в раскрытии таланта мастеров-художников. И именно это движение образует главные ступени культурного прогресса.

Одну из главных основ коллекции древних вещей составляют тысячи бытовых предметов, украшенных разнообразной резьбой. Украшалось буквально всё — от конструкций дома до туалетного гребешка и деревянной ложки. Сотни ручек деревянных ковшей X—XI веков демонстрируют бесконечную галерею реальных и фантастических животных. Десятки резных человеческих личин как будто стремятся стать скульптурными портретами современников. Завитки резьбы на ручках ножей, на гребнях,

на костяных лжицах соперничают между собой в творческой выдумке. Этот вновь открытый мир художественного творчества далеко не безразличен для современных представлений о прошлом. Ещё недавно высокие шедевры новгородской архитектуры, живописи, литературы представлялись как бы лишёнными взрастившей их почвы. В поисках образцов для этих шедевров исследователи обращались к искусству романской Западной Европы, к созданиям художников Закавказья. Иноземными влияниями пытались объяснять пышный расцвет скульптуры Владимирской Руси, сохранившейся в великолепном декоре белокаменных храмов суздальского Ополя. Сравнение этого радостного декора со скупым убранством новгородских церквей вызвало к жизни представление об особом складе новгородцев, который вяз в болотах, скрёб сохой тощую почву малоплодородных полей, лучил рыбу, не воспринимая красоту окружающего его мира. А оказалось, что порыв к красоте был неистребим, но проявлялся он не в каменном декоре храмов (рыхлый известняк, шедший в Новгороде на строительство, не воспринимал резьбы), а в украшении дерева и кости. В слоях XI века в Новгороде найдены резные дубовые колонны, резьба которых потом, спустя более столетия, проявилась в декоре Суздаля. Корни владимирской скульптуры оказались своими, а высокое искусство Новгорода обрело ту почву, без которой оно не могло бы возникнуть и развиваться.

Археологические работы в Новгороде сделали очевидным, что главное наше наследие, завещанное предками, — тра-

диции творчества, труд и трудолюбие, любовь к прекрасному, стремление улучшить и украсить мир. А то, что летопись сосредоточена на военных событиях прошлого, кажется естественным: людям было что защищать и от татар, и от немцев, и от своих собственных супостатов.

И люди древнего Новгорода обрели не только внешний облик, отразившийся в созданиях их рук и творческой мысли, но и голос. После ошеломляющей находки первой берестяной грамоты — 26 июля 1951 года — число берестяных документов XI—XV веков, увеличиваясь с каждым годом, сегодня (в 1987 году) достигло почти семисот. Новгородцы заговорили сотнями голосов, донёсших до нас их повседневные заботы, горе и радость, слова социального протеста, первые уроки письма и образцы высокого интеллекта. Чудо узнавания предков возобновляется с каждой новой находкой исписанной бересты, заставляя думать о неистребимости человеческого духа, неподвластного времени. Ещё вчера о человеке, умершем шестьсот или семьсот лет тому назад, не знал никто, он был забыт даже своими прямыми потомками спустя какой-нибудь век после его кончины. А сегодня мы не только узнаем его имя, но и проникаемся его чувствами. Оценка возможности в Новгороде подобных находок в ходе дальнейших раскопок даёт невероятную цифру: не менее двадцати тысяч берестяных документов ещё ожидают своего открытия. Их обнаружение создаст возможность оживить уже не сотни, а тысячи средневековых новгородцев и составить «адресные книги» Новгорода на каждый век его отшумевшей истории. Искренне завидую будущим исследова-

телям, которые будут иметь дело с этим источничковым богатством.

Сказав о неподвластности исторической памяти времени, я хочу оговориться, чтобы быть понятым правильно. Труд историка и археолога состоит, к сожалению, вовсе не в поддержании этой памяти, а в восстановлении её после утрат. Принято думать, что стирает память время настолько мудрое, что, стирая, ещё и оценивает, что стереть, а что сохранить. Память стирают люди, и чаще всего — ничего не оценивая. Невежество и война — а война тоже невежество — лишили на многие сотни лет человечество возможности наслаждаться великими творениями античных мастеров, истребили целые культуры прошлого, воспринимаемые как мир враждебных разрушителям идей и образов. Вандализм имеет много наименований, среди них — религиозный фанатизм, национализм, шовинизм. Прошлое человечества сегодня в глазах исследователей выглядит клубком неразгаданных проблем, разрубленных взаимосвязей, давно поставленных и чаще всего ещё не решенных вопросов. И восстановление этих утрат — путь к познанию человеком самого себя. Как биологическое существо человек несёт в себе гены предков. Как существо общественное он может гармонически развиваться, только неся в себе гены той культуры, которая веками создавалась трудом и дерзанием ушедших поколений.

Последняя война, нанёсшая Новгороду тяжелейшие раны, нанесла их не бездумно, не только потому, что два с половиной года он оставался прифронтовым городом. Фашисты сознательно уничтожали его, чтобы обрубить корни наших

отечественных традиций, лишить нас исторической памяти, заставить забыть прошлое, обескультурить. И возрождение Новгорода, открытие его неведомой прежде культуры есть не что иное, как продолжение борьбы с изуверством, как продолжение победы над ним.

После войны возникли споры, строить ли Новгород на новом месте, превратив оставленный фашистами пустырь в некий музей древней архитектуры, или восстанавливать его на прежнем месте. К счастью, победило предложение А.В. Щусева вернуть жизнь историческому городу, и это активизировало работу реставраторов (вернувших архитектуре её исконные формы) и археологов, невозможную без контакта с градостроителями: строительство новых этажей невозможно при разрушении старых.

Но память деформируется не только войнами. Чем меньше мы знаем, тем небрежнее обращаемся с возможностью это малое сохранить. Воспользуюсь примером того же Новгорода. После изменения системы русских внешнеторговых дорог в XVI веке, разорений, принесённых шведской оккупацией в смутные годы начала XVII века, Новгород утратил своё былое значение и превратился в рядовой губернский город Российской империи. До второй половины XVIII века он жил по старой градостроительной схеме, и чтение летописей вело его жителей и путешественников через него к соприкосновению с прошлым. Русская литература и общественная мысль получили тогда мощный заряд вольнолюбивых идей, почерпнутых из этого соприкосновения. Сами названия улиц будили неизбежные ассоциации, обращали мысль

к связанным с ними событиям, поскольку эти названия пришли из прошлого. В 1778 году Екатерина II утвердила новый генеральный план Новгорода, предписав ввести в нём регулярную планировку на манер столичного Санкт-Петербурга. Проект был осуществлен в течение трёх десятков лет, но уже в 1808 году выдающийся русский историк Е.А. Болховитинов вынужден был кропотливо восстанавливать на планах местоположение древних улиц — и во многих случаях ошибся. До сих пор истинная топография средневекового Новгорода не прояснена в важных деталях. Городское планирование по масштабной линейке превратило Новгород в новый город, стерев вместе с упразднённой градостроительной схемой узел важнейшей взаимосвязи. Новые этажи встали на старые боком.

Правда, тогда не всё удалось деформировать. Такие улицы, как Легоща, Чудинцева, Прусская, Буяна, Ильина, Троицкая Ямская остались на старых местах. Некоторые вновь проложенные улицы унаследовали старые названия, когда они были образованы в соседстве с древними. Среди них — Славная (это название существует уже больше тысячи лет), Разважа, Рогатица, Нутная. Сегодня древнее название осталось только у Славной улицы. Нет Прусской, она носит имя Желябова. Можно преклоняться перед жизненным подвигом Желябова, но всё-таки знать, что с Новгородом его биография не связана, а прежнее название улицы не имеет

никакого отношения к прусскому юнкерству, а говорит о древних связях новгородцев с пруссами, балтийским племенем, порабощённым и истреблённым немцами. Нет Чудинцевой улицы, в названии которой звучит имя древнейшего населения Приильменя — чуди, а есть улица Льва Толстого, названная так только потому, что на Чудинцевой улице жил толстовец Молочников. Нет Легощей, а есть Советская, хотя советскими, надо думать, являются все улицы нынешнего областного центра.

Приезжающего в Новгород человека встречают не только стандартные новые кварталы, такие, какие он оставил у себя дома, но и в древней части города — те же названия улиц, какие обозначают магистрали Комсомольска-на-Амуре, Магадана или Новосибирска. Но ведь, может быть, если в столь малом восстановить атмосферу исторической стабильности древнего города, это обяжет и проектировщиков возводить его новые этажи с учётом уже существующих, хотя и невидимых простым глазом. Где ещё, как не в Новгороде, мы способны ощутить себя достойными не только благодарной памяти потомков, ради которых мы живём, но и предков, которые жили ради нас!

Опубликовано: Вестник высшей школы. 1989. № 1. С. 92–95; Красная книга культуры. М., 1989. С. 353–364.

Екатерина Пухначёва

ДЕКОРАТИВНОЕ РЕЗНОЕ ДЕРЕВО СРЕДНЕВЕКОВОГО НОВГОРОДА

Среди найденных археологами деревянных изделий древнего Новгорода нередко встречаются предметы с художественным оформлением — резьбой, окраской и даже росписью. Это предметы самого разнообразного назначения: от бытовых мелочей до элементов архитектурных сооружений.

Художественное решение того или иного предмета складывалось из влияния многих факторов: качества материала, технологии изготовления, способа обработки, от воздействия сферы использования, формы предмета, его семантики. Свою роль играло и место бытования изделия, ведь каждое из них существовало и функционировало в своей среде. Каждый предмет был частью какого-либо ансамбля — жилища, усадьбы, культового сооружения, с их художественно-образной и семантической

системой, иерархией составных частей и элементов. Место и роль в ансамбле влияли на восприятие предмета и на его художественное решение.

Архитектурно-мебельная резьба

Архитектурный декор подчёркивал конструкцию построек, одновременно выделяя значимые в семантическом отношении элементы. Сведений о внешнем декоре древних новгородских домов по-прежнему немного. Среди археологических находок присутствуют такие элементы, как «курицы», коньки крыш, различного рода причелины и балясины, «полотенца». Причелины, чаще всего, выполнены в технике городковой резьбы. Орнамент состоял из треугольников, полукругов и более сложных фигур — трилистников (Рис. 1). Такие декоративные

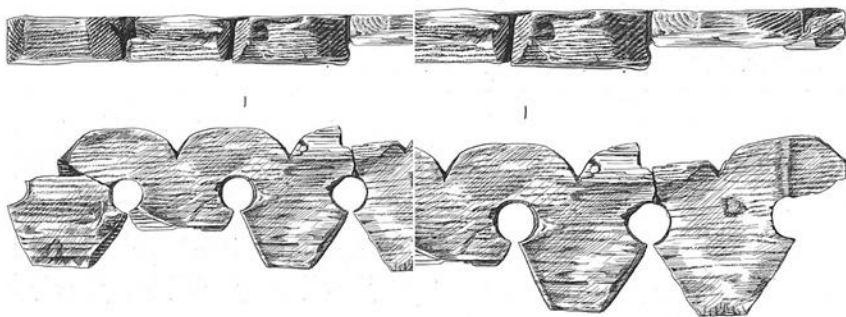

Рис. 1. Архитектурная деталь: Тр.-12-1440

элементы, как балясины, использовались как в архитектурной, так и в мебельной резьбе, например в декоративных опорах лавок, подлокотниках кресел. Зачастую это плоские балясины с криволинейным силуэтом, иногда украшенные несложной резьбой, или круглые точёные балясины. При раскопках были найдены фрагменты завершений лавок-коников (коником у двери завершалась линия лавок, идущих по периметру избы).

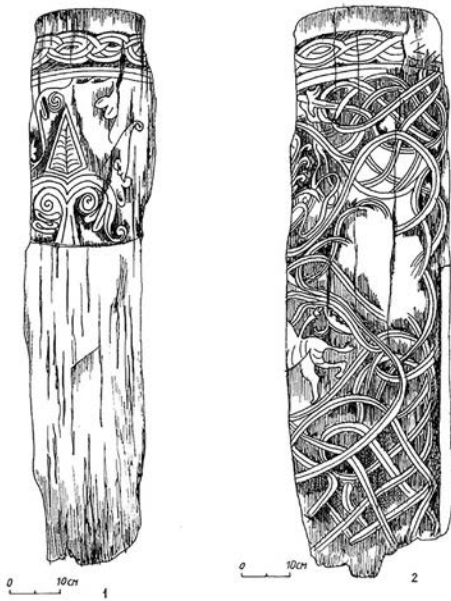

Рис. 2. Фрагменты резных колонн XI в.:
1 — Нер.-21-20-138, 2 — Нер.-21-20-139

В архитектурной резьбе существуют произведения, художественное решение которых ярко индивидуально и выделяет их из общего ряда. К ним, несомненно, относятся фрагменты колонн XI века, обнаруженные на Неревском раскопе. Поверхность одной из них полностью

покрыта ковровым плетёным узором с медальоном, в котором помещена фигура животного, барса или льва. Другая колонна гладкая, орнамент из вертикально стоящих кринов проходит широкой полосой в верхней её части. Резьба колонн более всего соотносится с романскими традициями каменной резьбы (Рис. 2). Существуют различные мнения, связывавшие эти находки стилистически и с владими́ро-суздальской резьбой, и с архитектурной резьбой Чехии и Польши XI века [10, с. 294–244].

Мебельная резьба древнего Новгорода была органично связана с архитектурной. Некоторые найденные при раскопках на месте Неревского конца Великого Новгорода доски атрибутируются именно как спинки скамей, например доска XIII века. В их декоре использован геометрический, плетёный орнамент в сочетании с растительными элементами. Плетёный орнамент активно использовался и в художественном оформлении кресел. В спинках кресел обычно вся внутренняя поверхность покрывалась контурной резьбой или резьбой с высоким рельефом. Наиболее типичны были различные варианты сетчатого плетёного орнамента. В орнамент мебельной резьбы часто включены солярные знаки в виде розеток и крестов (Рис. 3).

Предметы культового назначения

К атрибутам языческих верований принято относить скульптурные человеческие изображения: здесь и наверхия с человеческими личинами (Троицкий раскоп), и фигурки на подставке или на двух ногах (Неревский раскоп).

Выделяются также две разновидности моделировки головы: одни изображения лишены волос и бороды; другие — обязательно в шапке и с бородой. Антропоморфных наверший больше всего найдено в слоях XI века [4, Вып. Е-1-55]. Типичными чертами в художественном решении человеческих изображений можно назвать лаконизм и обобщённость. Предметы данной группы не орнаментировались (Рис. 4).

Из предметов христианского культа, найденных при раскопках, можно отметить маленькие деревянные крестики. В зависимости от художественного оформления можно выделить две их разновидности. Одни крестики, решённые орнаментально; часто они представляют собой подобие растительной розетки: например, крестик XIV века с Троицкого раскопа. Изделия другой разновидности схожи в оформлении с бронзовыми крестами-энколпионами: самшитовый крест XV века (Нутный раскоп), крестик XIII века (Троицкий раскоп).

В оформлении досок для ритуального хлеба преобладает христианская символика, и здесь наиболее часто используемый мотив — процветший крест. Такие

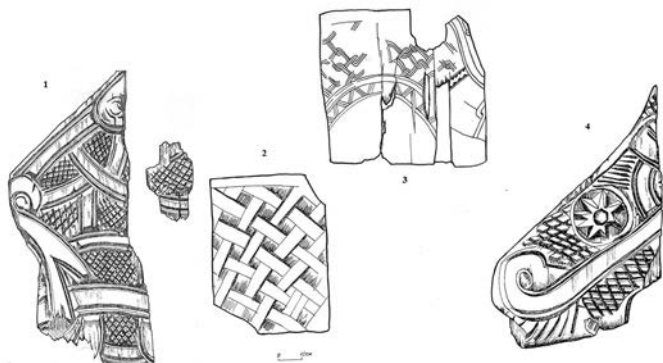

Рис. 3. Фрагменты спинок кресел:
1 — Тр.-8-1164, XII в., 2 — Нер.-5-8-1108, XIII в.,
3 — Нер.-13-14-465, XIII в., Тр.-9-уч-ки А, Б, В, XII в.

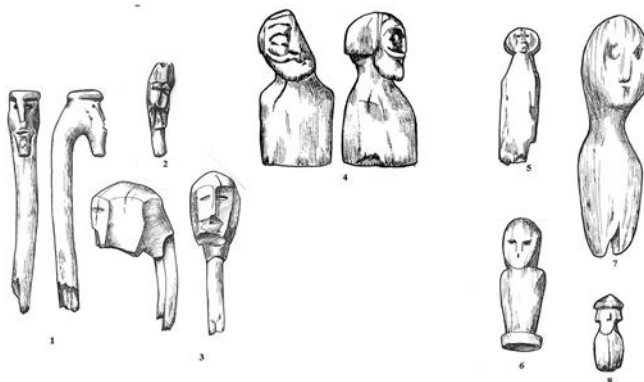

Рис. 4. Скульптурные антропоморфные изображения:
1 — , 2 — , 3 — , 4 — Тр.-18-1092, X в.,
5 — Тр.-17-64, XI в., 6 — Нер.-28-34-1445, X в.,
7 — Нер.-23-31-1447, XI в., 8 — Нер.-23-28-1166, X в.

находки были обнаружены на Неревском и Троицком раскопах (Рис. 5).

Зооморфные навершия

Назначение некоторых групп вещей до конца не выяснено, но, предположительно, могли иметь отношение к ритуалам. Одна из таких групп — зооморфные

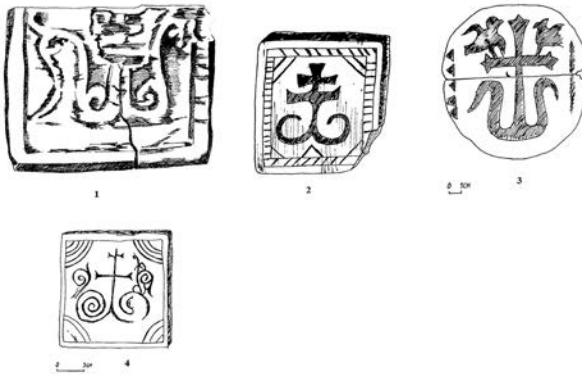

Рис. 5. Доски для ритуального хлеба:
1 — Тр.-11-360, XIII в., 2 — Нер.-13-15-438, XIII в.,
3 — Нер.-18-23-68, XII в., 4 — Нер.-13-15-1807, XIII в.

навершия: в виде головы собаки или дракона (Неревский раскоп) — в X веке, в виде головы льва — в XIII веке, в виде головы птицы — в XV веке (Троицкий раскоп) и другие (Рис. 6). Орнаментированные и неорнаментированные навершия, думается, имели разную сферу

масса таких находок относится к X—XI векам. Причём чаще всего использовались два образа: птица, напоминающая гуся, и хищная птица, похожая на орла. Облик первой, как правило, сделан грубоватыми зарубками, достаточно аморфно. Головы хищных птиц, напротив, вырезаны с особой жёсткостью

и выверенностью линий, с подчёркиванием острого загнутого клюва [2]. У орнаментированных зооморфных наверший шея животного, как правило, охвачена рельефным пояском плетёного орнамента.

Среди новгородских деревянных изделий, найденных при раскопках, нередко встречаются обломки орнаментированных стержней. Изысканность орнаментации и тонкость резьбы позволяют предположить, что эти

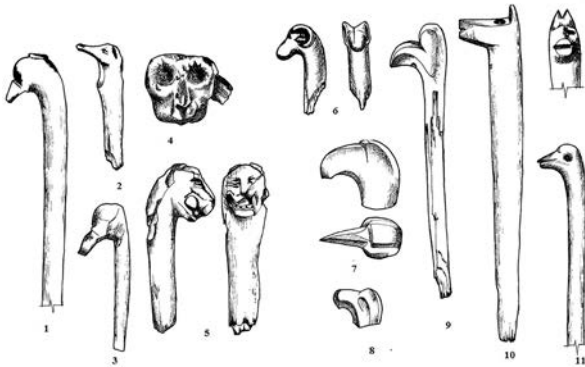

Рис. 6. Зооморфные навершия:
1 — Тр.-4-932, XV в., 2 — Тр.-18-593, XI в., 3 — Дуб.-31-35, XII в.,
4 — Тр.-17-234, XI в., 5 — Тр.-10-731, XIII в., 6 — Тр.-19-630, XI в.,
7 — Тр.-17-709, XI в., 8 — Тр.-25-432, X в., 9 — Тр.-13-647, XIII в.,
10 — Тр.-+5-1151, XV в., 11 — Тр.-14-510, XII в.

предметы могли использоваться в особо торжественных случаях, имели празднично-обрядовое назначение. В большинстве случаев деревянные стержни имели завершение в виде коковки или головы животного.

Предметы посуды

Анализ художественного оформления различных видов посуды — ковшей, чаш, ложек и других — убеждает нас в том, что в композиционном расположении и характере декора обязательно учитывались особенности использования предмета и его восприятие на столе.

Основной акцент в художественном оформлении ковша делался именно на рукоять. Случаи размещения резьбы или росписи на тулове ковша единичны. Выделяются несколько типов художественного решения ковшей, в соответствии с оформлением рукояти. Ковши первого типа вырезаны в грубоватой манере, без орнаментации, отличаются скупостью художественных средств. По особенностям обработки и оформления они сопоставимы с такими предметами, как антропоморфные и зооморфные навершия, например, такие найдены на Михайловском раскопе. Ковши второго типа также лишены орнаментации, но в них грубоватая условность уступает место чёткости силуэта, тщательности в обработке поверхности, умелому использова-

нию деталей, делающих образ более узнаваемым (Рис. 7). Ковши, оформленные подобным образом, чаще всего встречаются в слоях X века. Это рукоять ковша середины X века в виде головы барана из Неревского раскопа и в виде головы коня из Троицкого.

На большинстве орнаментированных зооморфных рукоятей ковшей шею животного или птицы украшает орнаментальный пояс, как на рукояти ковша

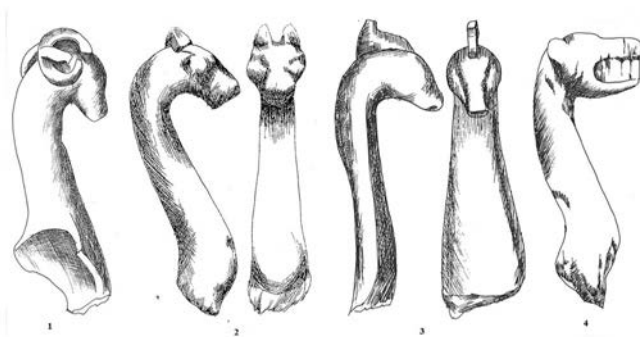

Рис. 7. Рукояти ковшей:
1 — Нер.-28-22-1680, X в., 2 — Тр.-21-581, X в.,
3 — Тр.-12-631, X в., 4 — Тр.-14-19, XIII в.

конца XIII века (Неревский раскоп). Достаточно распространённый тип композиционного расположения — орнамент, идущий вдоль верхней части шеи от головы к основанию рукояти, напоминающий заплетённую гриву. Он подчёркивает изгиб рукояти, придаёт ей дополнительную стройность. На некоторых изделиях орнамент заполняет всю поверхность рукояти ковша. Есть также отдельные примеры резного орнамента не только рукояти, но и всей поверхности тулова ковша (фрагмент ковша XIII века из находок Троицкого раскопа).

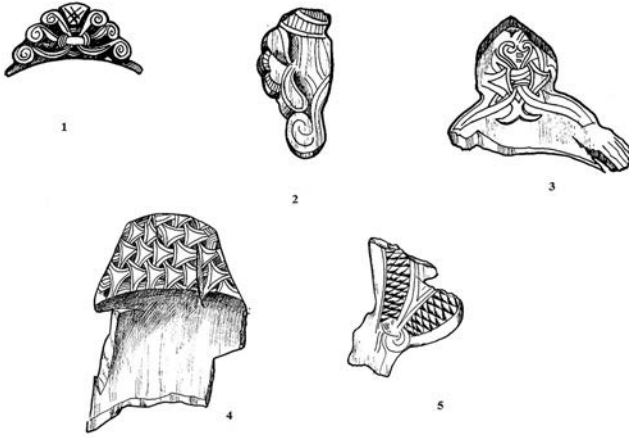

Рис. 8. Фрагменты резных чаш с плоскими ручками:
1 — Нер.-28-31-317, X в., 2 — Тр.-26-957, X в.,
3 — Нер.-26-30-2064, X в., 4 — Нер.-28-31-901, X в.,
5 — Тр.-17-6/н, X в.

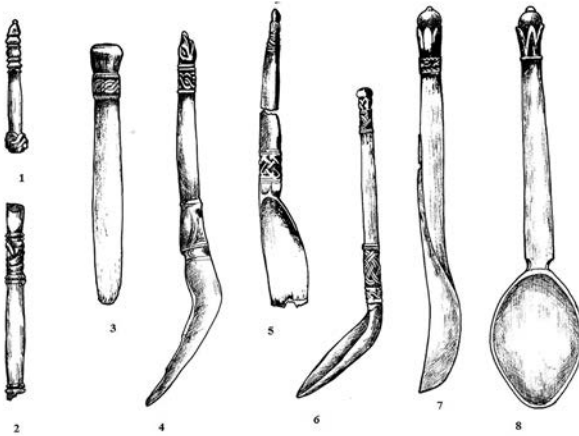

Рис. 9. Фрагменты ложек:
1 — Ил.-24-296, XI в., 2 — Тр.-15-599, XII в.,
3 — Нер.-20-21-876, XII в., 4 — Нер.-21-26-165, XII в.,
5 — Тр.-10-685, XIII в., 6 — Тр.-11-502, XIII в.,
7 — Нер.-13-16-1607, XIII в., 8 — Нер.-12-13-1937, XIII в.

и мотивов орнамента остаётся неизменным и в XI, и в XIV веках.

Точёные чаши сравнительно редко орнаментировались. Чаще всего роспись была графической, имела чёткий рисунок, нанесённый тонкой иглой, выполнялась одним или двумя цветами, например красным и жёлтым. Например, фрагменты точёных чаш с сюжетной росписью из раскопов на месте Неревского конца города.

Наиболее яркие примеры резьбы дают нам плоские ручки чаш, вырезанных вручную, большинство из которых относятся к X веку [3]. Декор каждой из них индивидуален и неповторим, орнаменты разнообразны — плетёный, геометрический, растительный (Рис. 8).

При всём многообразии форм ложек можно отметить, что декор сосредотачивался на черенке — был резной поясок у основания черенка. В случае использования росписи как средства художественного оформления

Что касается эволюции художественного оформления ковшей, то можно отметить, что круг образов

украшалась, прежде всего, лопасть. Существуют примеры сюжетной росписи на ложках XIII века, ложка с надписью

«ИВАНА ВОРФОЛОМЕИЧА», несколько других образцов — находок Неревского и Нутного раскопов. Резьба на черенке располагается у основания и на конце, что не мешает таким образом пользоваться ложкой. К XIII веку полоса орнамента, украшающего начало черенка, как подтверждают найденные образцы на Троицком раскопе, становится более широкой и многорядной. На ложках XIII—XV веков чаще присутствует коковка — декоративный элемент, венчающий черенок (Рис. 9).

В художественном оформлении деревянной посуды использовались плетёный, геометрический орнамент и их сочетания с включением зооморфных образов. Сюжетные изображения на предметах посуды единичны. Роспись в оформлении посуды применялась гораздо реже, чем резьба, и для неё характерны растительные мотивы. Резной орнамент новгородской деревянной посуды сохраняет соразмерность и подчинённость форме. Его плоскостность, малая высота рельефа над фоном способствуют впечатлению цельности поверхности. Основное художественное впечатление от изделий X века — большая степень обобщённости, лаконизм, цельность. Наиболее гармоничны вещи XI—XII веков. Здесь резьба приобретает тонкость и изящество, и декор никогда не выглядит перегруженным. Позже, в XIII—XV веках

в художественном решении предметов посуды заметно стремление к усилению стилизации и декоративности, внимание к деталям. В то же время меньшее значение придаётся силуэту и форме, которая зачастую не так органично слита с декором, как в вещах XI—XII веков.

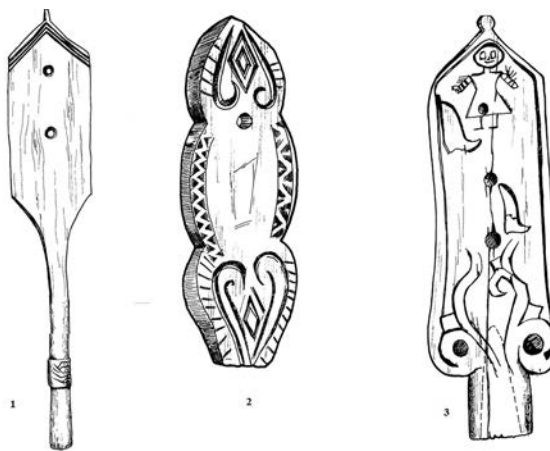

Рис. 10. Прялки:
1 — Тр.-17-769, XI в., 2 — Тр.-10-778, XIII в.,
3 — Нер.-8-1979, XIV в.

Мелкие бытовые предметы, прялки, игрушки

Из мелких бытовых предметов традиционно украшались резьбой гребни, пеналы. Встречаются и орнаментированные щеры — дощечки для письма. Некоторые виды мелких бытовых изделий имеют устоявшиеся традиции оформления, например гребни, преимущественно украшавшиеся циркульным орнаментом.

Количество найденных при раскопках орнаментированных прялок невелико. Их художественное оформление

приобретает устойчивый характер лишь к XIII—XIV векам и мало чем напоминает пышный декор лучших образцов русских прялок XVIII—XIX веков. Но примитивные изображения женской фигуры на двух прялках напоминают об архаической трёхчастной композиции — женщина с фигурами коней или птиц по бокам, присутствующей на многих произведениях народного искусства (Рис. 10).

Среди деревянных игрушек в художественном отношении выделяются, прежде всего, изобразительные игрушки и шахматы. Орнаментированные шахматные фигурки известны, в основном, с XIII века [4, с. 61]. В их художественном оформлении преобладает геометрический орнамент, выполненный в технике трёхгранно-выемчатой резьбы. Изобразительные игрушки отличаются единым подходом к оформлению: скупостью выразительных средств, главным из которых является силуэт. В художественном решении игрушек, найденных на Неревском раскопе, использованы наиболее архаические образы — конь, птица, человек.

Помимо особенностей художественного оформления отдельных видов изделий, необходимо отметить общие для новгородской резьбы средства выразительности.

Средства выразительности в оформлении деревянных изделий

Одну из характерных черт оформления новгородских деревянных изделий составляет внимание к выразительности и эстетической значимости материала. Это проявилось, в первую очередь, в до-

скональном знании и умелом использовании качеств различных пород древесины. Орнамент на новгородских деревянных изделиях, как правило, выделяет конструктивные части предмета, но не заполняет всю поверхность. Текстура древесины на свободных от орнамента участках становится дополнительным выразительным средством. В изделиях из капа (берёзового нароста) — одного из самых своеобразных материалов — выразительность достигалась лишь красотой текстуры.

Декор новгородских деревянных изделий во многом был подчинён функциональному назначению. Функция определяла форму, а декор, в свою очередь, подчинён форме. Именно в этой подчинённости заключалась гармония вещи как произведения художественного ремесла и как бытового предмета. Такие выразительные средства, как способ оформления, композиционное расположение орнамента напрямую диктовались назначением. Резьба на рукоятях пивных чаш и ковшей, на наш взгляд, была обусловлена не только эстетическими моментами. Резную рукоять было удобнее и надёжнее держать в руках. Рукоять была единственной частью предмета, которая не погружалась в напиток, когда ковшом зачерпывали мёд или пиво. Тот же принцип прослеживался и в декоре ложек: лопасть ложки украшалась редко. Средняя часть черенка, особенно на ранних ложках X—XII веков, оставалась гладкой для удобства использования. Если черенок и покрывался резьбой, то контурной, почти не нарушавшей гладкой поверхности. Некоторые отступления от традиционной композиционной схемы наблюдаются в более позднее вре-

мя, в XIII—XV веках, когда зависимость оформления от функции ослабевает и появляются отдельные примеры контурной резьбы на лопастях ложек, или даже плоскорельефная резьба, покрывающая весь черенок. Такая ложка, вероятно, имела не бытовое назначение и, возможно, использовалась в церкви для причастия, о чём говорит тщательность резьбы, сложность орнамента и то, что черенок увенчан крестом.

Каждый вид резьбы по-своему взаимодействует с формой и меняет восприятие предмета. Трёхгранно-выемчатая резьба вносит некоторую геометрическую строгость, более явную, чем в контурном геометрическом орнаменте, благодаря жёсткому распределению света и тени на гранях. Так называемый «волчий зуб» — полоска из маленьких треугольников — является одним из самых распространённых мотивов. Техника плоскорельефной резьбы, в которой часто выполнялся плетёный или растительный орнамент, даёт более мягкую игру светотени. Этому впечатлению способствует не только плавность линий, но и преимущественное использование заovalенного контура, характеризующего профиль резьбы, который можно назвать излюбленным для новгородских резчиков. Довольно редким явлением для новгородской резьбы по дереву была резьба с заглублённым фоном. Орнамент, выполненный в этой технике, приобретает максимальную чёткость, ведь он как бы оторван от фона, особенно если резьба при этом имеет прямоугольный профиль. Во многих случаях новгородские мастера отдавали предпочтение контурной резьбе, ведь почти полное отсутствие игры света

и тени позволяло достичь совершенной слитности с формой, с поверхностью. Не столь часто, преимущественно в архитектурном декоре оформления мебели (причелины, возможно, спинки скамей), использовалась резьба напроём, выразительность которой дополнительно проявляется в некоторой воздушности, создаваемой просветами, где по-новому работает силуэт.

На создание образного строя предмета работает также композиционное расположение резьбы или росписи. Закрытые орнаментальные композиции типа розеток нашли распространение в оформлении пивных чаш с плоскими ручками. Они также встречаются на круглых крышках шкатулок, бочонков. Так, на рукояти ковша XIV века (Троицкий раскоп) в виде головы утки вырезана розетка в форме сердцевидной замкнутой фигуры, а на фрагменте крышки от бондарного сосуда XIII века, из находок Ильинского раскопа, мы видим плетёную розетку.

Орнамент в виде полосы в том или ином качестве присутствует в оформлении предметов почти каждого вида. Поперечная полоса орнамента разграничивает конструктивные части формы: поясок орнамента на ложках, уполовниках отделяет лопасть от рукояти. В композициях на плоских поверхностях полоса орнамента служила рамкой, ограничивая контур, например, на спинках кресел.

Ещё одним средством достижения выразительности и гармонии, общим для всех новгородских деревянных изделий, явилась согласованность размера орнамента и размера предмета. Особое

значение это приобретало в восприятии вещи в едином комплексе предметов: более монументальная и крупная мебельная и архитектурная резьба и на её фоне — резной декор комплекса столовой посуды, мелких бытовых предметов, игрушек. Тем самым человек как бы постепенно вовлекается в восприятие ансамбля и его составных частей.

Выбор вида орнамента для украшения того или иного предмета не всегда зависел от назначения. На копыльях саней, например, традиционная плетёная коса в ряде случаев заменяется вариантами геометрического орнамента. В одном и том же виде изделий плетёный орнамент с лёгкостью заменяется на геометризованную плетёнку или на геометрический орнамент. Даже в таком виде изделий, как гребни, традиционно украшенных циркульным орнаментом, в отдельных случаях мы видим зооморфные образы, геометрический и растительный орнамент. Тем не менее наблюдаются традиции применения того или иного вида орнамента в зависимости от вида изделия: на рукоятках ложек, уполовников, инструментов, иногда ковшей — плетёные пояски; на спинках кресел — сочетание геометрического и сетчатого плетёного орнамента; в росписи по дереву преобладает растительный орнамент; в декоре берестяных коробов используется геометризованная плетёнка. Зооморфный, а тем более тератологический орнамент остаётся для новгородской резьбы по дереву явлением довольно редким, особенно если сравнивать её с соответствующими областями кельтского или скандинавского искусства. Гораздо более типично сочетание объёмных скульптурных зооморфных образов

с плетением на рукояти ковшей и некоторые зооморфные наверхия.

Эволюция художественного оформления деревянных изделий

В древней новгородской резьбе по дереву наблюдается устойчивость традиционных форм предметов. Появление новых изделий происходит медленно и постепенно, на протяжении столетий. С XIII века в богатых новгородских домах появляется такой предмет мебели, как кресло, с XIII—XIV веков распространяются деревянные миски на низком поддоне. Можно проследить изменение форм ложек: бытовавшая в X—XI веках, с почти плоской лопастью и явно выраженным углом между лопастью и черенком, почти совсем исчезает в XII—XIII веках, и остаётся разновидность ложек, аналогичных по форме современным.

В развитии резьбы по дереву древнего Новгорода сложно выделить отчётливые периоды, но можно отметить некоторые изменения. В X — начале XI века происходит становление этого вида прикладного искусства. Несложный геометрический орнамент столь же часто встречается на изделиях этого времени, как и плетёный. Но даже этот начальный период демонстрирует некоторые образцы резьбы высокого уровня мастерства. Расцвет новгородской резьбы по дереву приходится на вторую половину XI—XII век. Произведения этого периода отличаются особой гармонией формы и декора, изысканностью в композиции, свободой и изяществом в исполнении орнамента. Плетёный орнамент завое-

ывает в это время главенствующие позиции. Для XII века характерно изобилие резного орнамента, украшение вещей самого различного назначения, при этом соблюдается чувство меры, не допускается излишней перегруженности декором. В следующем столетии изготовление резных деревянных изделий приобретает всё более массовый характер, что приводит к некоторому упрощению стиля и мотивов резьбы в целом. С другой стороны, на этом общем фоне появляется немало выдающихся произведений, хранящих и развивающих традиции резьбы более раннего периода. Тем самым нельзя сказать, что художественное оформление деревянных изделий в XIII—XIV веках переживает упадок. Для резьбы этого времени характерна декоративность с некоторыми чертами стилизации, стремление к пышности. Не только на предметах церковной утвари, но и на бытовых изделиях начинают появляться сюжетные изображения. Они, вероятно, пришли в резьбу по дереву из художественной обработки металла, из декора серебряной церковной утвари.

Необходимо отметить, что появление сюжетных изображений на бытовых вещах ведёт к некоторому разрушению связи декора с формой, функцией и семантикой предмета. В XIV—XV веках доля резных и расписных изделий в общем количестве бытовых вещей становится заметно меньше, чем в двенадцатом столетии.

Развитие художественной обработки дерева имело много сходных моментов с другими видами новгородского художественного ремесла. Эта внутренняя связь проявлялась также и во взаимопроникновении сюжетов, мотивов, видов орнамента, подражании приёмам художественной обработки, использовании сходных выразительных средств [1, с. 101–105.] Влияние контурной резьбы по дереву отмечается исследователями, в частности, в линейном стиле серебряной гравировки в Большом и Малом сионах из Новгорода (соответственно середины XII и второй половины XII века). Ещё большее сходство чувствуется в стиле плетеного орнамента, украшавшего сионы [1, с. 22–23].

1. Бочаров Г.Н. Прикладное искусство Новгорода Великого. М., 1969.

2. Дубровин Г.Е. Зооморфные деревянные навершия, 1990. URL: https://rusneb.ru/catalog/000202_000006_1003913/ (дата обращения: 20.12.2021).

3. Колчин Б.А. Новгородские древности. Деревянные изделия // САИ. Вып. Е 1-55. М., 1968.

4. Колчин Б.А. Новгородские древности. Резное дерево // САИ. Вып. Е 1-55. М., 1971.

5. Кудрявцев И.Н. Деревянные полуколонны из Новгорода и их североамериканские аналоги // Древняя Русь: новые исследования. СПб., 1995. С. 211–218.

6. Слапина А.А. Типология и иконография светских сюжетов в декоре деревянных предметов середины XI — начала XIV века из раскопок в Великом Новгороде: к постановке проблемы // Актуальные проблемы теории и истории искусства: сб. науч. статей. Вып. 5 / Под ред. С.В. Мальцевой, Е.Ю. Станюкович-Денисовой, А.В. Захаровой. СПб., С. 323–332.

7. Сорокин А.Н., Тянина Е.А. Древнерусские деревянные сосуды с изображениями воинов // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 13. Великий Новгород, 1999. С. 131–142.

8. Сорокин А.Н., Тянина Е.А. Античные сюжеты в прикладном искусстве древнего Новгорода (по археологическим данным) // Вестник Московского университета. Серия «История». 2001. № 4. С. 89–101.

9. Точилова Н.Н. Скандинавская художественная традиция в деревянных археологических памятниках прикладного искусства древнего Новгорода X—XIII вв. // Новгород и Новгородская земля. История и археология : Материалы XXIX науч. конф., посв. 150-летию Новгородского музея-заповедника, Великий Новгород, 27—29 января 2015 г. Вып. 29. Великий Новгород, 2015.

10. Точилова Н.Н., Слапня А.А. Предроманский импульс в искусстве древнего Новгорода XI в. «Колонны Дубовой Софии» // Археологические вести / Ин-т истории материальной культуры РАН. Вып. 25 / Гл. ред. Е.Н. Носов, Н.В. Хвощинская. СПб., 2019. С. 229–244.

Владимир Конецкий, Сергей Трояновский

ШУМ-ГОРА: НОВЫЙ ТИП СРЕДНЕВЕКОВОЙ ФОРТИФИКАЦИИ В НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛЕ

Среди археологических памятников Новгородской области заметное место занимает огромная двухъярусная насыпь, находящаяся на территории древнего Передольского погоста в верховьях реки Луги. Благодаря своим внушительным размерам она известна как «Шум-гора»¹. Данный объект достаточно рано попал в поле зрения исследователей. В 1880-е было опубликовано подробное описание памятников Передольского погоста, сделанное местным уроженцем М.И. Быстровым² (Фото 1).

В 1984 году Н.И. Платоновой здесь было открыто селище площадью около 9 га, раскопки которого начались с 1985 года и продолжались с перерывами до середины 2000-х го-

дов. За этот период на разных участках поселения было вскрыто 212 м², а также раскопаны две насыпи, давшие интересный материал по погребальной обрядности носителей культуры сопок³. На самой Шум-горе никаких земляных работ не проводилось. Причина этого заключается,

Фото 1. Шум-гора. Современное состояние.
Вид с севера. Фото С.В. Трояновского

прежде всего, в осознании уникальности этого памятника и необходимости его сохранения как объекта археологического наследия в дошедшем до нас виде.

В 2002 году по инициативе местных дачников-краеведов М.С. и С.С. Алексашиных при научном руководстве Г.С. Лебедева группой сотрудников Всероссийского научно-исследовательского геологического института им. А.П. Карпинского на Шум-горе были проведены

вместно со специалистами Всероссийского научно-исследовательского института разведочной геофизики («Рудгеофизика») и геологического факультета СПбГУ провести сейсмографические исследования Шум-горы. Итоги работ 2003—2005 годов легли в основу публикации в специализированном геофизическом издании⁶, а также были совмещены с итогами работ 2002 года в коллективной статье с участием археологов Е.Н. Носова,

Рис. 2. Археолого-геофизическая модель кургана Шум-гора (по Борисик А.Л., Кашкевич В.И., Платонова Н.И., Блохин Н.Н., Анисимов А.А., Кашкевич М.П. 2009 г.)

георадарные исследования⁴. Эти работы сопровождались сообщениями в СМИ, вплоть до общероссийского уровня, об обнаружении внутри насыпи «полости, тоннеля или погребальной ниши», что однозначно подавалось как аргумент в пользу её экстраординарного погребального характера⁵.

Неоднозначность результатов этих исследований и необходимость верификации данных георадарного обследования побудили в 2003 году Н.И. Платонову со-

Н.И. Платоновой и Б.С. Короткевича, вышедшей в 2007 году⁷. В указанной статье было чётко сформулировано отношение к результатам, полученным при использовании георадарного тестирования.

Наиболее интересный вывод был сделан относительно «низкоскоростной зоны», расположенной в центральной части насыпи, которая ранее, по данным сейсморазведки, была интерпретирована как «засыпанная погребальная камера». Данные электроразведки подтвердили

наличие здесь аномалии, выразившейся в высоких значениях сопротивления, характерных для разуплотнённой песчаной фракции. Исходя из полученных данных, была предложена археолого-геофизическая модель Шум-горы. На представленном разрезе указаны зоны, сложенные различными грунтами (песками, суглинками), места скоплений валунов, а также «вероятное положение обрешенной погребальной камеры»⁸. К сожалению, различие горизонтального и вертикального масштабов на реконструированном разрезе затрудняет восприятие реальной ситуации (Рис. 2).

Несмотря на важные и интересные данные, полученные благодаря геофизическим методам исследования Шум-горы, проблема её историко-культурной интерпретации до сих пор является предметом дискуссии. Как правило, Шум-гору последовательно называют сопкой, причём данный термин используется без кавычек.

Внешние характеристики Шум-горы явно противоречат рассматриваемой интерпретации и выводят её из ряда сопкок. Первым существенным отличием является диаметр основания, составляющий 70—75 м, тогда как у самых крупных сопкок он не достигает 40 м. Другим — наличие значительной по размерам верхней площадки, имеющей диаметр около 18 м и, соответственно, площадь около 250 м².

Эти особенности дополняются наличием у насыпи двух отделённых террасой ярусов, что также не находит аналогий среди сопкок (Фото 3). Итак, необходимо признать, что в целом, по облику, Шум-гора весьма отличается от сопкок и, в отличие от них, не вызывает погребальных ассоциаций. Показательно, что местная фольклорная традиция,

Фото 3. Сопка в д. Левоча Хвойнинского района (Новгородская обл.). Вид с юга. Фото А.В. Степанов

зафиксированная ещё М.И. Быстровым, связывает с данным объектом предания не о древнем захоронении, а о «провалившейся церкви». Он же приводит мнение «деревенских рационалистов», утверждавших, что Шум-гора — «это батарея, а на плечах и вершине её ставились пушки»⁹.

В случае с Шум-горой, характер напластований в её центральной и верхней частях не позволяет говорить о наличии здесь «засыпанной погребальной камеры». Линза «рыхлого песка», трактуемая

Фото 4. *Motte* Биггар (*Biggar*, Шотландия). XI—XII вв.

как её заполнение после обрушения перекрытия, не может быть признана таковой по целому ряду причин. Так, распространение слоя песка на уровне верха ямы не выходит за её границы. То есть уровень, с которого якобы был осуществлён выпуск «камеры», не фиксируется стратиграфическим методом. Далее, сама форма «песчаного заполнения камеры», представляющая в вертикальном разрезе трапецию, не могла образоваться в результате обрушения погребальной камеры. Если всё же допустить такую возможность, то следовало бы ожидать, что рассматриваемая линза будет иметь в разрезе форму перевернутой трапеции, то есть верхнее основание должно быть длиннее нижнего. И, наконец, обрушение столь значительного массива грунта в погребальную камеру должно было бы непременно привести к деформации, то есть прогибу вышележащих слоёв. Ничего подобного на реконструируемом разрезе Шум-горы не присутствует¹⁰.

Итак, если попытаться оценить Шум-гору сквозь призму «больших курганов», то представляется очевидным, что, несмотря на нерядовое значение Передольского археологического комплекса, его статус вряд ли сопоставим с гнёздовским или черниговским. Поэтому считать её самым крупным княжеским курганом на Руси вряд ли правомерно. Выведение Шум-горы за круг погребальных насыпей ещё более обособляет этот

памятник и побуждает к поиску аналогий как на территории Древней Руси, так и за её пределами. Причём набор приведённых выше аргументов вынуждает нас отказаться от трактовки Шум-горы как сакрально-погребального сооружения, связанного со славяно-скандинавской языческой традицией. Возвращаясь на исходные позиции в оценке внешних признаков насыпи, мы считаем наиболее вероятным и фактически безальтернативным признание этого объекта остатками оборонительного сооружения. Такой подход позволяет расширить пространственно-временные рамки при поиске возможных аналогий.

Отметим, что до недавнего времени на территории Древней Руси были неизвестны городища, основой которых являлась искусственная холмообразная насыпь. При расширении географии поиска обнаруживается, что подобный тип фортификаций в X—XII веках был широко распространён в Западной Европе. Он

известен под названием *motte* (от французского *motte* — «ком земли, комок», ж.р.), введённом в научную литературу в середине XIX века архитектором Виолле-ле-Дюком.

Одной из наиболее распространённых версий происхождения термина считается норманно-французское название насыпного холма — *motte* (торф). Впоследствии термин получил развитие в староанглийском языке, где словом *moat* обозначали обводнённый ров, а *motte* приравнивалось по значению к выражению *moated site* («окружённый рвом холм»)¹¹. В немецкой научной литературе подобные объекты в XIX веке обозначались термином *Turmhügel* (букв. «башенный холм»)¹². Обычно *motte* имел в основном форму усечённого конуса; округлый или приближённый к квадрату в основании, диаметр холма был значительно больше высоты. На вершине возводилась деревянная или каменная башня (донжон), окруженная палисадом. Доступ в башню осуществлялся по деревянной лестнице, устроенной на склоне холма. Как правило, *motte* входит в двухчастную структуру, имеющую название *motte and bailey*, то есть «замок и двор» (Фото 4, 5).

Совокупность исторических и археологических источников указывает на вторую половину X и XI века, как период возникновения и широкого распространения данного типа фортификаций в Западной Европе. Причинами это-

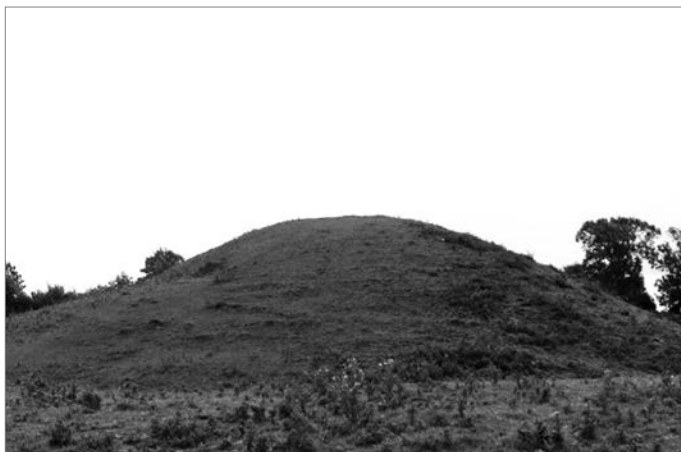

Фото 5. *Motte* Бринклоу (*Brinklow*, Уорвик, Англия). XI—XII вв.

го, по мнению одних авторов, являлась внешняя опасность со стороны венгров и славян. Другая точка зрения связывает их с процессом феодализации («озамчивания») земельных владений. Границы распространения *motte* в первую очередь охватывают территорию северо-западной Франции (Нормандию), где, как считается, и возник этот тип укреплений. Сотни таких холмов появились в юго-восточной Англии после норманнского вторжения 1066 года и впоследствии распространились до севера Шотландии, а также в Ирландии.

По мнению немецкого исследователя Херманна Хинца, зона распространения *motte* на европейском континенте достигала бассейна р. Эльбы, охватывая при этом исторические области Богемию и Силезию¹³. В последнее время в археологической литературе Польши и Украины появились публикации, связывающие с западноевропейскими образцами *motte & bailey* целый ряд «рыцарских

замков» XIII—XVI веков на территории Польши и Западной Руси (Волини)¹⁴.

Сравнение Шум-горы с *motte* показывает наличие целого ряда сходных черт, совокупность которых не может быть случайной. Во-первых, это касается габаритов и пропорций насыпи. Безусловно, размеры *motte* зависели от различных факторов, и, не в последнюю очередь, от экономических возможностей их создателей. Во-вторых, важными факторами также были ландшафтные особенности местности, исторические обстоятельства и перспективы существования «земляного замка» в конкретных социально-экономических условиях.

Необходимость возведения на верхней площадке деревянных или каменных укреплений обуславливала значительные размеры *motte*, и, соответственно, ещё большие размеры основания, достигающего в диаметре нескольких десятков метров. Высота могла варьироваться в широком диапазоне, но в большинстве случаев превышала 10 м. Наличие у *motte* двух ярусов не является распространённым признаком, хотя и в этом отношении аналоги Шум-горе существуют¹⁵. Причины возведения подобной насыпи могут иметь двойную природу: нижний ярус мог являться первым рубежом обороны; в то же время при возведении холма из текучих по характеристикам грунтов (пески, супеси, суглинки и глины) дополнительная опорная площадка нижнего яруса обеспечивала общую устойчивость сооружения при необходимой высоте. При этом нужно учитывать, что современные контуры двухъярусных в древности насыпей далеки от их первоначальных очертаний.

Значительный объём грунта, необходимый для возведения *motte*, побуждал строителей искать способы снижения трудозатрат. Одним из них, как отмечает Х. Хинц, было использование естественных возвышенностей, превращаемых во внутреннее ядро насыпи. Кроме того, для этой цели использовались «искусственные насыпи, прежде всего, курганы доисторического периода»¹⁶.

Именно такая ситуация выглядит наиболее реалистичной в отношении Шум-горы, что находит подтверждение в результатах геофизических исследований. Обнаруженные массивные каменные конструкции в центре основания насыпи и вероятные остатки круговой каменной обкладки на её периферии совершенно справедливо соотнесены исследователями с подобными объектами в сопках. Данный факт, а также местоположение Шум-горы в составе сопочной группы недвусмысленно указывают на то, что ядро существующей насыпи представляет собой сопку, по всей видимости, самую крупную в составе Передольского комплекса.

Другим способом снижения трудозатрат при отсыпке искусственных холмов было использование широкого спектра материалов. Кроме грунтов различного происхождения — глины, песка, гравия, применялись рыхлые органические материалы — торф и хворост. В некоторых случаях использование органических материалов диктовалось сугубо инженерными потребностями наращивания размеров насыпи при минимизации затрат на использование сыпучих материалов.

По всей видимости, сходный приём был использован и при сооружении

Шум-горы. На наш взгляд, именно с ним может быть соотнесено наличие «низкоскоростной зоны» в центре насыпи. Происхождение этой зоны, характеризующейся меньшей, чем у обычного песка, плотностью грунта, может быть объяснено лишь присутствием в песке перегнивших органических примесей. Подтверждением этого является вывод исследователей о том, что пограничный слой этой зоны «сложен материалом, по своим характеристикам напоминающим торф»¹⁷.

Компактная форма этой зоны, имеющей вид усечённого конуса, безусловно, с учётом нечетких границ и неизбежной деформации в процессе археологизации, позволяет высказать предположение, что наряду с грунтом в формировании этой части насыпи использовались древесина — стволы и ветви — лиственных пород, впоследствии сгнивших в процессе аэрации.

Поверхность *motte* часто покрывали глиной либо деревянным настилом, иногда применялась сплошная каменная облицовка. В данной связи особенное значение приобретают многочисленные изображения *motte* на известном гобелене из Байё, где изображены насыпные холмообразные замки, причём насыпанные как норманнами, так и англосаксами. В шести случаях поверхность земляных насыпных холмов лишена каких-либо дополнительных деталей. Исключением является *motte* города Ренн со сплошным «панцирным» покрытием склонов, скорее всего, каменными плитами¹⁸.

Этот факт представляет особый интерес в связи с тем, что каменное покрытие в какой-то степени присутствовало и на Шум-горе. Интересная информация при-

ведена М.И. Быстровым. Он отмечал, что на юго-западной стороне насыпи, на высоте метра от подошвы была вырыта яма, в которой на глубине менее 0,6 м обнаружены «толстые плиты порядочной величины, положенные одна на другую», что заставило остановить раскопки. «Ставрожилы Передольского погоста говорят, что такая обкладка плитами сделана не только с южной, но и с западной стороны, а с восточной она сделана из булыжных камней, притом на значительную высоту, и что эту обкладку можно было видеть прежде»¹⁹.

В данном случае особое значение приобретает подтверждение наличия каменной обкладки насыпи, сделанное почти век спустя. В 1960-х годах С.Н. Орлов, составляя паспорт на памятник, отметил, что «на склонах сопки Шум-горы... есть ямы, размером 2 x 3 м, где обнажена насыпь с кладкой насухо из мелких плит»²⁰.

Как правило, *motte* окружался сухим или обводнённым рвом, грунт из которого использовался для насыпи. Данные геофизических исследований подтверждают наличие рва и у Шум-горы. Его ширина составляет около 4 м, глубина до метра, заполнение в настоящее время представляет собой «сыпучий материал», скорее всего, песок²¹. С учётом наличия рва диаметр первоначального основания Шум-горы был несколько меньше, а крутизна склонов более значительной. Сравнительно скромные габариты рва могут объясняться тем, что этот ров фиксирует вторую «послесопочную» стадию возведения насыпи, на которой требовался объём грунта, явно меньший, чем для всей насыпи.

Таким образом, следует признать отсутствие причин, препятствующих рассмотрению Шум-горы в качестве *motte*.

Важнейшей задачей, в соответствии с целью нашего исследования, является определение хронологических рамок, в которых существовали необходимые предпосылки для появления Шум-горы. Это означает необходимость оценки экономической возможности такого строительства с учётом трудозатрат, а также социально-политической актуальности. Понимание последней невозможно вне общеисторического контекста развития Новгорода и Руси в обозначенный период. Рассмотрим с этих позиций предлагаемые на сегодняшний день варианты интерпретации Шум-горы: как сакрально-погребальную, так и фортификационную, оставляя в стороне вопрос о степени их аргументированности.

При первом варианте нижняя граница времени строительства Шум-горы должна совпадать с возникновением поселения (по определению Н.И. Платоновой, это первая половина X века); верхняя граница сооружения Шум-горы, исходя из общепринятой оценки времени бытования языческих объектов, должна быть ограничена временем Крещения Руси, то есть концом X века.

Возможно сужение указанного хронологического диапазона с опорой на данные летописания и исторический контекст событий X века, связанных с Новгородом. Безусловно, одним из важнейших событий этого времени для Новгородской земли стал отмеченный в летописи поход княгини Ольги в 946/947 годах на Мсту и Лугу. Его целью, по наиболее признанной версии послед-

них лет, стало распространение власти Новгорода на эти территории и уничтожение местных социальных структур, очевидно, проявлявших тенденции к сепаратизму²². Следовательно, возведение Шум-горы логически должно относиться к доольгинскому периоду, то есть ко времени возможного формирования очага сепаратизма на Верхней Луге, поскольку появление этого грандиозного объекта, как считают Н.И. Платонова и её соавторы, «носило знаковый характер и преследовало определенные (скорее всего, честолюбивые!) цели»²³.

В своих публикациях Н.И. Платонова уклоняется от прямого ответа на вопрос, с каким же периодом существования Передольского погоста следует связывать возникновение Шум-горы? Некоторый намёк можно найти в статьях 2007 и 2009 годов, где отмечается, что максимальный расцвет поселения приходится на первую половину X века, а с середины этого столетия начинается его упадок²⁴.

Динамика развития Передольского погоста представляется Н.И. Платоновой следующим образом: «Скорее всего, появление такого памятника, как Шум-гора, объясняется именно попыткой одного из династов утвердиться здесь и обрести независимость. Тогда понятно и другое — почему почти сразу после своего возникновения Передольское поселение оказывается охвачено пожаром... Пожар на Передольском поселении по времени может быть соотнесён именно с походом Ольги на Север. Вероятно, непокорные родичи достаточно быстро были наказаны, а основанный ими центр стал контролироваться из Новгорода»²⁵.

Теперь вернёмся к нашему варианту интерпретации памятника как фортификационного сооружения типа *motte*, имеющего широкие европейские аналогии. Предварительная датировка этого объекта может быть установлена в рамках XI—XII веков. Она основывается, во-первых, на времени широкого распространения *motte* в Европе, а во-вторых, на уже упоминавшемся хронологическом соотношении «погребенной» сопки и временем строительства земляной крепостицы. По целому ряду причин это строительство следует отнести ко времени княжения в Новгороде Мстислава Владимировича (1088—1117, с небольшим перерывом в середине 1090-х), хотя нельзя полностью исключать и период пребывания на новгородском столе его сына Всеволода Мстиславича (1117—1136, также с перерывами). Эпоха Мстислава и Всеволода имела принципиально важное значение в истории Новгорода. Её основным содержанием стало перераспределение власти и собственности между усиливающимся боярством и князьями. При этом одним из основных являлся вопрос о земельладении. Как считает Н.И. Платонова, «к 1130-м г. успел сформироваться некий фонд княжеских владений, преимущественно по окраинам волостей, освоенных в X в. сопочным населением». При этом в первую очередь князьями «приватизировались» участки вдоль водных и сухопутных путей, важных в стратегическом отношении. Исследовательница полагает, что земли по Луге имели прямое отношение к данному процессу, поскольку здесь, а именно в районе Передольского погоста, находился важный перекрёсток транзитных путей разного уровня²⁶.

Следует добавить, что в XI—XII веках Верхнему Полужью был присуща отчётливо выраженная положительная динамика демографического и, следовательно, экономического развития на фоне уровня, достигнутого в предшествующую эпоху сопок. В данном отношении Полужье разительно отличается от бассейнов Мсты и Ловати, где в этот период наблюдается резкое сокращение поселенческой сети, связанное с истощением фонда земель, пригодных для ранних форм пашенного земледелия²⁷. Всё это указывает на особое значение Полужья для княжеской власти на рубеже XI—XII веков, хотя истоки данного явления, безусловно, уходят во времена правления Ольги. При этом Передольский погост в данной ситуации занимает особое место.

С конца XI века, как отмечает Н.И. Платонова, здесь формируется плотно населённая округа, маркированная скоплением крупных могильников, при этом в качестве одной из причин демографического роста она допускает приток сюда населения извне²⁸. На наш взгляд, это может быть логически связано с развитием княжеской вотчины. Возможным отголоском той ситуации является сохраняемый в названии деревни на противоположном берегу р. Луги топоним Княжая Гора.

Не вызывает сомнений, что во времена Мстислава данная территория в экономическом отношении входила в сферу княжеских интересов в Новгородской земле. Одновременно с этим для эпохи Мстислава ощутимо просматривается настойчивая боярская политика ограничения княжеских притязаний на земельные владения. Это в полной мере отразилось

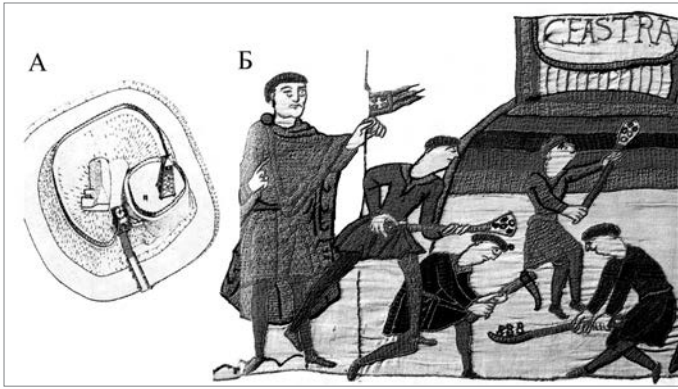

Рис. 6. А — типичное укрепление «*motte & bailey*»

(Мески Ж. Замки. М., 2003);

Б — возведение войнами Вильгельма нормандского *motte* на территории захваченной Англии в 1066 г. Ковёр из Байо

в знаменитом тексте докончаний Новгорода с князьями, запрещающим князю и его окружению иметь «села» в Новгородской земле. Тем более, что формуляр этого документа, как считал В.Л. Янин, относится как раз ко времени княжения Мстислава Владимировича.

В данных обстоятельствах вполне резонной выглядела бы попытка князя и его окружения манифестировать свои властные претензии на территорию, важную для него в различных аспектах. Присущим эпохе Средневековья способом выражения этих претензий было строительство военно-оборонительных сооружений, проще говоря, замков. Наиболее типичной формой замковой архитектуры в XI—XII веках на пространствах Западной Европы были резиденции феодалной знати, престижность и обороноспособность которых были призваны обеспечить насыпные холмы — *motte*²⁹.

В том, что на Передольском погосте появилось столь экзотическое для

Древней Руси сооружение как *motte*, проявились не только приметы эпохи, но, прежде всего, культурная ориентация Мстислава Великого, связанная с его происхождением. Примечателен сам факт его рождения от брака Владимира Мономаха и Гиты — дочери последнего англо-саксонского правителя Англии Гаральда Гудвинсона. Их первенец, названный Мстиславом, в западноевропейских источниках известен как

Гаральд — что сохраняло память о деде по материнской линии. В свою очередь Мстислав-Гаральд в 1095 году женился на принцессе Христине — дочери шведского короля.

Во время княжения Мстислава в Новгороде явно фиксируется прозападная ориентация религиозной и культурной жизни. К числу этих проявлений следует отнести строительство Мстиславом грандиозного собора св. Николая в 1113 году на Ярославовом дворе, при том, что поклонение этому святому, по мнению М.Ф. Мурьянова, обрело культовый характер в Англии и Ирландии уже в X—XI веках и было особенно популярным при дворе Гаральда II, отца Гиты³⁰.

Столь же знаковым событием, демонстрирующим проникновение в церковную жизнь Новгорода латинского влияния, является легендарное прибытие в город в 1106 году Антония Римлянина. Развёрнутое им с разрешения епископа Никиты строительство монастыря стало, по мнению

того же Мурьянова, «*опорным пунктом католического влияния в Новгороде*»³¹.

Печатающим достижением отечественной науки в изучении этого периода стало введение в научный оборот А.В. Назаренко западноевропейского источника под названием «Похвальное слово св. Пантелеймону», принадлежащее перу известного богослова и проповедника первой трети XII века Руперта из Дойца. Из него следует, что Гита Гаральдовна поддерживала тесные связи с монастырём св. Пантелеймона в Кёльне, делая в него щедрые вклады³². Благодаря этим связям в «Похвальное слово» был включён иностранный рассказ о чудесном исцелении новгородского князя Мстислава, сына Гиты и Владимира Мономаха, которое было приписано заступничеству св. Пантелеймона³³.

Гита Гаральдовна, по мнению ряда отечественных исследователей, провела последние годы жизни в Новгороде при дворе Мстислава³⁴. Её кончину связывают с возможным участием Гиты в паломничестве в Иерусалим во время Первого крестового похода, одним из предводителей которого был её двоюродный брат Готфрид Бульонский. Сохраняя тесные связи с западным миром, Гита Гаральдовна, несомненно, оказывала сильнейшее влияние на деятельность, в том числе военно-оборонительную, своего сына Мстислава в Новгороде. Принимая во внимание отмеченный культурный контекст, следует признать, что появление на Верхней Луге «крепостицы» западноевропейского типа, столь популярного на исторической родине Гиты, в эпоху княжения Мстислава не выглядит таким уж из ряда вон выходящим.

Безусловно, всё изложенное является лишь гипотезой, требующей тщательной проверки, в том числе в форме полевых археологических исследований. Но прежде необходимо ответить на прогнозируемое возражение потенциальных оппонентов: почему данное сооружение находится в составе сопочного могильника?

Ответ, с нашей точки зрения, довольно прост. Резонно предположить, что при сооружении в Передольском погосте небольшой крепости по образцу западноевропейских замков могла быть использована насыпь существовавшей здесь к этому времени сопки. Таким образом, строители оборонительного холма просто существенно сократили объём необходимых земляных работ. К тому же значительный хронологический разрыв — около столетия — между временем создания языческих могильников и возведением крепости снимало тему возможного конфликта с потомками создателей сопки.

Сравнивая возможные варианты интерпретации Шум-горы, следует отметить, что сакрально-погребальная версия, наиболее полно представленная в трудах Н.И. Платоновой, на наш взгляд, полна противоречий. Одно из них заключается в том, что в дошедшем до нас виде «большая сопка» Передольского погоста никак не может быть признана погребальным сооружением. Вторая, не менее важная, часть противоречий связана с попытками объяснить её экстраординарный облик историческим контекстом, не обеспеченным источниками.

Насколько же долгим мог быть век самой Шум-горы как княжеского замка в центре Верхнего Полужья? Её функционирование в качестве опорного пункта княжеской

власти, продолжавшееся, как мы полагаем, всего несколько десятилетий, прекратилось вместе с кардинальными изменениями в отношениях Новгорода с князьями, рубежом в которых стал 1136 год.

На наш взгляд, в этом памятнике нашли своё материальное отражение политические, экономические и культурные реалии одного из ключевых периодов новгородской истории.

¹ Высота насыпи, с учётом перепада рельефа, составляет от 12,0 до 13,5 м, диаметр — 70—75 м. Первый ярус имеет высоту 6,5—8 м, диаметр площадки первого яруса достигает 50 м. Диаметр основания второго яруса — 34—35 м, высота — до 5—5,5 м. Диаметр верхней площадки — 18 м; см.: Носов Е.Н. и др. Шум-гора: проблемы междисциплинарного неразрушающего исследования памятника // Северная Русь и народы Балтики. СПб., 2007. С. 221. Табл. 8 (вклейка).

² Быстров М. Остатки старины близ Передольского погоста Лужского уезда Санкт-Петербургской губернии // ИРАО. СПб., 1880. Т. 9. Вып. 4. Стб. 381–410.

³ Платонова Н.И. О погребальном обряде Верхнелужских сопок (по материалам Передольского погоста) // Ладога и её соседи в эпоху средневековья. СПб., 2002. С. 181–195; Платонова Н.И., Жеглова Т.А., Лесман Ю.М. Древнерусский протогородской центр на Передольском погосте // Северная Русь и народы Балтики. СПб., 2007. С. 142–194.

⁴ Алексахин С.С. Надписи на камнях с сопки Шум-гора: проблемы интерпретации и опыт прочтения // Скандинавские чтения 2004 г. СПб., 2006.

⁵ Скакунов И., Замахин А. О чём молчит Шум-гора // Итоги. 2002. № 17/307; Алексахин С.С. Шум-гора. Новые данные в исследовании памятника культурного наследия. URL: <http://norge.ru/shumgora1> (дата обращения: 20.12.2021).

⁶ Кашкевич В.И. и др. Опыт применения малоуглубинной сейсморазведки для решения археологических задач // Вопросы геофизики. 2005. Вып. 38. С. 63–71.

⁷ Носов Е.Н. и др. Шум-гора: проблемы... С. 221–232.

⁸ Там же. С. 84, 87. Рис. 14.

⁹ Быстров М. Остатки старины ... Стб. 392.

¹⁰ Борисик А.Л. и др. Комплексные геофизические исследования кургана «Шум-Гора» // Археология и история Литвы и Северо-Запада России в раннем и позднем средневековье. СПб., 2009. Рис. 14.

¹¹ Warner P. The medieval castle. Life in a fortress in peace and war. London, 2001. P. 31, 32.

¹² Hinz H. Motte und Donjon. Zur Frühgeschichte der Mittelalterlichen Adelsburg. Köln, 1981. S. 11.

¹³ Мески Ж. Замки. М., 2003. С. 16.

¹⁴ Marcinsak-Kaizer A. Grody ziemi chełmińskiej w późnym średniowieczu. Torun, 1991; Sredniowieczny dwor rycerski w Polsce. Wizerunek archeologiczny. Lodz, 2011; Панишко С.Д. Стіжкові городища Волині // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Львів, 2011. Вип. 15. С. 329–337; Панишко С.Д. Укріплення типу «motte and bailey» у смт. Ратне // Минуле і сучасне Волині та Полісся. Ратнівщина в історії України і Волині. Вип. 42. Луцьк, 2012. С. 24–27; Панишко С.Д. Городища «motte and bailey» як перші лицарські двори Волині // Матеріали і дослідження з археології Прикарпаття і Волині. Львів, 2012. Вип. 16. С. 205–215.

¹⁵ См. например, ил. 5, а также: Hinz H. Motte und Donjon. Zur Frühgeschichte der Mittelalterlichen Adelsburg. Köln, 1981. S. 37. Abb. 23, 1.

¹⁶ Hinz H. Motte und Donjon... S. 24, 25.

- ¹⁷ Носов Е.Н. и др. Шум-гора: проблемы... С. 230.
- ¹⁸ Hinz H. Motte und Donjon... S. 37.
- ¹⁹ Быстров М. Остатки старины... Ст. 391.
- ²⁰ Паспорта памятников археологии // Архив УГОКН НО.
- ²¹ Борисик А.Л. и др. Комплексные геофизические исследования... С. 87, 88. Рис. 14.
- ²² Конецкий В.Я., Носов Е.Н. Бельский археологический комплекс — древний административный центр Помостья // ННЗИА. Новгород, 1989. Вып. 2. С. 80; Кузьмин С.Л. О социально-политической структуре Новгорода и Новгородской земли во второй половине IX—XI в. // ННЗИА. Новгород, 1992. Вып. 4—5. С. 118; Платонова Н.И. Укрепленные поселения... С. 72—77; Петров Н.И. Поволховье и Ильменское Поозерье в IX—X вв. СПб., 1996. С. 55, 56.
- ²³ Платонова Н.И. и др. Древнерусский протогородской центр... С. 146.
- ²⁴ Там же. С. 185; Платонова Н.И. Передольский погост в системе... С. 323.
- ²⁵ Платонова Н.И. и др. Древнерусский протогородской центр... С. 185.
- ²⁶ Там же. С. 189.
- ²⁷ Лебедев Г.С., Платонова Н.И., Лесман Ю.М. Археологическая карта Верхнего Полужья (вторая половина I — первая половина II тыс.) // Северная Русь и её соседи. Л., 1982. С. 45—49; Конецкий В.Я. Население долины р. Ловать в процессе сложения первоначальной территории Новгородской земли // ННЗИА. Новгород, 1988. Вып. 1. С. 26—30; Конецкий В.Я. К истории сельского расселения и хозяйства в долине р. Ловать в эпоху Средневековья // ННЗИА. Новгород, 1992. Вып. 6. С. 38—44; Носов Е.Н., Конецкий В.Я., Иванов А.Ю. Комплекс археологических памятников в долине р. Белой в контексте древней истории Северо-Запада России: итоги и перспективы // У истоков Новгородской земли. Любытинский археологический сборник. Любытино. 2002. Вып. 1. С. 35, 36.
- ²⁸ Платонова Н.И. Две группы древнерусских памятников Верхнего Полужья // КСИА. 1981. Вып. 166. С. 42—44.
- ²⁹ Мески Ж. Замки. С. 16—18.
- ³⁰ Мурьянов М.Ф. Русско-византийские церковные противоречия в конце XI в. // Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972. С. 222—224.
- ³¹ Там же. С. 220.
- ³² Назаренко А.В. Неизвестный эпизод из жизни Мстислава Великого // Отечественная история. 1993. № 2. С. 69.
- ³³ Назаренко А.В. Неизвестный эпизод... С. 65—78.
- ³⁴ Кучкин В.А. Чудо Св. Пантелеймона и семейные дела Владимира Мономаха // Россия в Средние века и Новое время. М., 1999. С. 55—57; Назаренко А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей XI—XII вв. М., 2001. С. 597, 598.

Историческая география, история Балтийского пространства XVI—XVII веков, русско-шведское пограничье XVII века, история магистральных дорог Балтики в раннее новое время — вот далеко не полный перечень научных интересов историка А.А. Селина. Значительное место в исследованиях Адриана Александровича отведено социальной истории Новгорода Великого начала XVII века, во времена, названные современниками Смутой.

Проект, с которым нас знакомит историк, является продолжением более ранних исследований и вместе с тем новой страницей в осмыслении истории Новгорода периода «межкризисного политического пространства» 1584—1605 годов.

Адриан Селин

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ПРОЕКТ «НОВГОРОД МЕЖДУ КРИЗИСАМИ — NOVOGRADUM INTER DISCRIMINA»

*Новая оптика исследования
раннемодерного русского общества*

Исследование социального ландшафта Северо-Запада Московского царства — Российского государства рубежа XVI—XVII веков — представляется важной задачей современного гуманитарного знания. Данный хронологический период «расположен» между двумя очень разными и, в то же время, очень близкими по времени социально-политическими кризисами. Первый из них, случившийся во второй половине XVI века, традиционно связывается с царём Иваном Васильевичем и описывается обычно как «причина», хотя в историографии

до сих пор нет согласия, какой именно хронологический период понимать под последней, а также — были ли кризисные явления в экономике однозначно определены именно безумной политикой царя (или политикой безумного царя). Второй кризис традиционно именуется Смутным временем. С этим термином, в частности, с правомочностью использования его для обозначения кризисных процессов, также связана большая дискуссия; не завершились споры и о периодизации Смуты. Так, Р.Г. Скрынников предложил считать Смутным временем весь период, начиная

со смерти царя Ивана (что лично мне кажется парадоксальным). Что касается окончания «Смуты в Московском государстве», лишь недавно в историографии восторжествовало мнение относить его к ноябрю 1618 (Деулинское перемирие) или к маю 1619 года (возвращение Филарета и других «Марбургских узников» в Московское царство)¹.

Новгород Великий как город, как специфический тип общества, как специфический объект и субъект управления представляется важной моделью изучения общественных связей и политико-административных практик в меняющейся Европе пост-тридентской эпохи. Именно на глубокое изучения этих связей и этих практик направлен проект «Новгород между кризисами — *Novogradum inter discrimina*».

Не вдаваясь в дискуссии о периодизации опричнины и Смутного времени, я предлагаю считать период 1584—1605 годов для московского политического пространства именно таким «межкризисным». Мне кажется важным рассмотреть этот период именно в перспективе исследования Северо-Запада Московского царства — Новгорода Великого. Тому есть несколько причин.

Прежде всего, именно изучение данного периода, как я предполагаю, позволяет обозначить некоторый образец «нормальности» жизни Московского царства, без эксцессов опричного террора, равно как и без скатывания в архаику². Возникает возможность исследовать «нормальное» Московское царство, определить механизмы нормализации, действовавшие в раннее Новое время; в этом состоит актуальность проекта в глобальной перспективе.

В то же время рассматриваемый хронологический период является принципиально важным, поскольку даёт возможность, напротив, проследить переход провинциального общества из точки стабилизации в кризисное состояние, приведшее в случае Новгорода в годы Смуты к специфическому типу политической субъектности.

В историографии, прежде всего в литературе по экономической истории, высказаны следующие характеристики этого периода: экономический подъём в 1590-е годы³, сопровождавшийся, впрочем, «*первыми шагами в области закрепощения крестьян*»⁴, а также ужесточением холопского законодательства, сменяется жесточайшим кризисом (голодом) 1601—1603 годов, имевшим, согласно историографии 1970—80-х, многочисленные социальные последствия — рост закабалений⁵, свидетельствующий как о массовом обнищании, так и о патернализме как единственно возможном способе избежать его последствий. Утвердилось мнение о том, что именно в голоде можно наблюдать признаки и предпосылки надвигающегося политического кризиса — Смуты.

Новгород Великий как большой региональный центр Московского царства имел особенности своего прохождения сквозь кризис 1570—80-х годов⁶, а также и свой путь в Смуту⁷. Однако и в предшествующий Смуте период здесь впервые фиксируется существенная социально-культурная специфика — город и его «земля» (которую нельзя считать просто уездом) становятся «пограничьем»⁸ — весьма специфическим пространством, типологически сходным с другими «пограничьями» Европы

раннего Нового времени⁹. Таким образом, если Ч. Даннинг предложил рассматривать Смутное время в Московском царстве в ряду политических кризисов в Европе рубежа XVI—XVII веков¹⁰, то Новгород Великий этого периода целесообразно исследовать также в широком синхронном европейском контексте.

Методологической рамкой исследования и всего проекта в целом является изучение многообразия народов и регионов Московского царства в рассматриваемый период, а также механизмов реального укрепления связей между ними, которые выдержали испытания политизацией Смутного времени, когда внешние центробежные тенденции купировались не столько административным принуждением, сколько институциональной традицией, в том числе — традицией судебной практики, выработанной именно в данный предкризисный период¹¹.

Проект предполагает несколько направлений. Это изучение судебной системы и судебной практики в Новгороде Великом, дипломатической жизни на Северо-Западе Московского царства в конце XVI века, новгородской деревни 1590-х годов, куда относятся география сельского расселения, поместное землевладение, монастырское строительство и организация дворцовых волостей. Важными остаются исследования организации и управления дорожной сетью Новгородской земли, новгородских пригородов (Ивангород, Ям, Копорье, Корела, Орешек, Ладога в конце XVI — начале XVII века).

Как было сказано выше, я рассматриваю здесь Новгород Великий не только в оптике раннемодерного Московского царства — Русского государства, но

и в оптике пост-тридентской Европы, её Балтийского региона. Период рубежа XVI—XVII веков в историографии Восточной Европы начал разрабатываться на заре европейской. Следует обратить внимание на то, что этот период важен для осмысления национальными историографиями не только российской, но также польской и шведской. Если для понимания прошлого в Московском царстве — Российской империи место «Смутного времени» (а также, в меньшей степени, поиск причин Смуты — то ли в несправедном царствовании Ивана или Бориса Годунова, то ли в коварном замысле иноземцев) было определяющим для составителя (составителей) «Нового Летописца», то для польского национального мифа Клушинская победа (наряду с Кирхгольмом), а также триумф Сигизмунда III в 1612 году были столь же важны. Точно так же для осмысления прошлого в Шведском королевстве крайне важно было становление «великого» короля Густава Адольфа¹², «мудрого» канцлера Акселя Оксеншерны¹³ и не менее великого, чем король, канцлера Магнуса Габриэля Делагарди, потомка генералов Понтуса и Якоба Делагарди¹⁴. Так, уже в XVII веке в Центральной Европе истоки общеевропейских кризисов стали объектом рефлексии.

Это сыграло существенную роль в осмыслении данного периода и в XVIII веке, причём в московской историографии, прежде всего, в произведениях кн. М.М. Щербатова. В его «Истории Российской» чрезвычайно подробно рассматривается именно рубеж XVI—XVII веков. За несколько десятилетий до работ Н.Н. Бантыш-Каменского кн. М.М. Щер-

батов, имея доступ к архиву Коллегии иностранных дел, создал на основе документов Посольского приказа исчерпывающий (в некоторых частях — не превзойдённый до настоящего времени) очерк дипломатической (и шире, политической) истории Московского царства в международном контексте, имея своей методологической базой работы С. Пуффендорфа¹⁵. Надо сказать, что в «больших нарративах» XIX века данный период рассмотрен гораздо менее подробно, нежели в «Истории» кн. М.М. Щербатова. Исключением, пожалуй, является «годуновиана», части «Историй» Н.М. Карамзина¹⁶ и С.М. Соловьёва¹⁷, где внимание обращено на приезд в Московское царство принца Ханса и его несчастную кончину в Москве. Как правило, этот эпизод рассмотрен в контексте демонизации царя Бориса и его приближённых, берущей начало в исторических произведениях эпохи Смуты.

В конце XIX — начале XX века впервые была сделана попытка оценить общеевропейское значение политической истории Восточной Балтики, в рамках т. н. «Балтийского вопроса». Здесь приоритет принадлежит исследованию Г.В. Форстена, предпринявшего не весьма удачную попытку ввести в научный оборот сравнительно большую выборку внешнеполитических документов данной эпохи¹⁸. Будучи опубликованными, они, однако, пребывали в забвении практически до настоящего времени; в историографии на русском языке эти памятники практически не использовались (за исключением, пожалуй, труда Б.Н. Флори, о чём ниже). Тогда же библиотекарь Юрьевского университета Б. Кордт опубликовал часть документов первых тязвинских переговоров,

хранящуюся в библиотеке университета, вводя их в общую сумму данных о политической истории¹⁹. И.Я. Гурляндом в архиве Тайного приказа (разряд XXVII Государственного древлехранилища) были выявлены документы, связанные с организацией ямской гоньбы в Новгородской земле в 1602—1603 годах, а в Императорской Публичной библиотеке (ныне РНБ) обнаружены четыре и опубликованы два сборника документов по ямской гоньбе конца XVI — начала XVII века²⁰.

Весьма идеологизированная историография первой половины XX века практически игнорировала события на Северо-Западе в конце XVI — начале XVII века, оценивая их как прелюдию к кризису Смутного времени и, на уровне не создания идеологических продуктов, обращалась к ним лишь с реваншистских позиций «*отвоевания отнятого у России в Ливонскую войну*»²¹. Акцент с «годуновианы» сместился на Тязвинский мир, который также исследовался довольно поверхностно, скорее, упоминался. Единственным исследователем, всерьёз продвинувшимся в изучении политической истории Балтийского региона, прежде всего — Северо-балтийского, был И.П. Шаскольский. Впрочем, и в его работах по русско-шведским взаимоотношениям раннего Нового времени данный вопрос был исследован не весьма подробно; прежде всего рассматривались экономические статьи Тязвинского мира, и то лишь в их отношении к статьям Столбовского мира 1617 года²². В то же время в рамках исследования «крестьянской войны под предводительством И.И. Болотникова» были введены в научный оборот

многие ранее неизвестные памятники по социальной истории, связанные с поместным землевладением²³.

Ситуация изменилась в 1970-е годы. Вопрос о закреплении крестьян, чрезвычайно важный для сложившейся к этому времени советской академической историографии, привёл к публикации сборников документов 1580—90-х годов, прежде всего — относящихся к текущей деятельности Поместного приказа. При этом подбор документов был в значительной степени иллюстративным — учёные старались выявить памятники, в которых содержались бы прямые указания на ограничение крестьянского перехода²⁴.

В эти годы вышло два важных исследования, где была сделана попытка дать новую характеристику политической истории Московского царства конца XVI — начала XVII века, отходя от создания нарратива в контексте истории крестьянской войны — «восстания Болотникова». Это небольшая монография Б.Н. Флори, в которой впервые после трудов Г.В. Форстена политическая история Северо-Запада Московского царства исследовалась в международном контексте, с привлечением как материалов Посольского приказа, так и данных из архивохранилищ Польши²⁵. С другой стороны, это монография Р.Г. Скрынникова, давшая общий очерк политической истории Московского царства в конце XVI — начале XVII века. В этой книге Р.Г. Скрынников, видимо впервые, высказал своё мнение о начале Смуты уже в конце XVI века, со смертью царя Ивана; кроме того, сильно драматизируя политические события, известные прежде всего по нарративным источникам, исследова-

тель ограничился лишь общим очерком социальной истории²⁶.

Политическая история Северо-Запада Московского царства 1590-х годов рассматривалась, прежде всего, в разрезе изучения Тявзинского мира. Здесь особенное значение имеют работы Ю.Б. Рябошапка, итоги которых были опубликованы лишь в нескольких небольших статьях. Именно в них содержится на сегодняшний день наиболее полное источниковедческое исследование вторых тявзинских переговоров и собственно текста мирного соглашения²⁷. В контексте интереса в историографии к проблеме истории границ и пограничья следует рассматривать и новый проект публикации текста Тявзинского договора, предпринятый в 2008 году финляндским исследователем П. Крузе (Pauli Kruhse). Интересно, что сама война 1590—1593 годов практически не привлекала внимания исследователей. обстоятельное изучение хода боевых действий по разрядным книгам предпринял в последнее время А.Н. Лобин²⁸.

Ставшая классической работа Майкла Робертса о ранних представителях династии Ваза в Швеции²⁹ вскользь касается вопроса о том, что происходило на рубеже XVI—XVII веков на востоке Балтики. Московский контекст был важен для М. Робертса только в отношении изучения противостояния короля Сигизмунда (и его финляндских сторонников, К. Флеминга и А. Столарма) и герцога Карла, «Дубинной войны» и войн в Ливонии. Источники московского происхождения М. Робертсу были практически не известны; вне его поля зрения, разумеется, осталась и социальная история Восточно-балтийского пространства.

Нельзя не упомянуть здесь важную работу Ю. Набера по истории Нарвы, где история города рассматривается в общем широком контексте социальной истории Восточной Балтики. Кроме очерка политической истории, Ю. Набер показывает, как пространство по обоим берегам Наровы уже в 1580-е годы имело потенциальную возможность стать единым социальным (и конфессионально многообразным) пространством³⁰.

В большой работе П.Д. Локхарта, посвящённой становлению «Шведской империи» в начале XVII века, политическая история рассматриваемого периода оценивается лишь в самом общем ключе. Особый акцент сделан на значении Тязвинского мира для укрепления шведско-московского пограничья нака-

нуне московской Смуты. Этому сюжету в книге уделено столько же места, сколько и значению Варфоломеевской ночи для укрепления монархии шведских Ваз³¹.

Следует назвать ещё серию важных работ, касающихся проблематики социальной истории Восточной Балтики. Это исследования В. Кравчука по истории «шведов в Речи Посполитой» — значительной группы эмигрантов из Шведского королевства в Польшу и Литву, оказавшихся там после детронизации короля Сигизмунда. Книги Кравчука характеризуются глубоким погружением в историографию истории Восточной Балтики, а также — просопографическим подходом, позволяющим делать широкие и обоснованные обобщения по социальной истории этого региона³².

¹ Скрынников Р.Г. Борис Годунов. М., 1979. С. 31 и далее.

² Павлов А.П. Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584—1605 гг.). СПб., 1992. С. 133.

³ Аграрная история Северо-Запада России в XVII в. Население, землевладение, землепользование. Л., 1989. С. 9.

⁴ Анпилогов Г.Н. К вопросу о законе 1592—1593 гг., отменившем выход крестьянам, и урочных годах // История СССР. 1972. № 5. С. 161—171; Аракчеев В.А. Закрепостительные мероприятия в русском государстве в начале 1590-х гг. // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 81. С. 60—66.

⁵ Панеях В.М. Холопство в XVI — начале XVII века. Л., 1973. С. 154—155.

⁶ Именно новгородский материал, как наиболее исследованный в рамках семинара А.Л. Шапиро (что вылилось в четырёхтомную публикацию «Аграрной истории Северо-Запада России»), как правило, используется для иллюстрации кризиса 1570—80-х гг. Ср.: Яницкий Н.Ф. Экономический кризис в Новгородской области в XVI веке. Киев, 1915; Дегтярев А.Я. Русская деревня в XV—XVII веках. Очерки истории сельского расселения. Л., 1980.

⁷ Селин А.А. Смута на Северо-Западе в начале XVII века : очерки из жизни новгородского общества. СПб., 2017.

⁸ Подробнее: Селин А.А. Русско-шведская граница 1617—1700 гг. Формирование, функционирование, наследие: Исторические очерки. СПб., 2016.

⁹ Krom M.M. Changing Allegiances in the Age of State Building. The border between the Great Duchy of Lithuania and the Great Principality of Moscow // *Imagined. Negotiated. Remembered. Constructing European Borders and Borderlands*. 2012. P. 15—30. (Mittel- und Ostmitteleuropastudien. Bd. 11); Katajala K. Drawing Borders or Dividing Lands?: The Peace Treaty of 1323 between Sweden and Novgorod in a European context // *Scandinavian Journal of History*. 2012. Vol. 37. Nr. 1. P. 23—48.

¹⁰ Dunning Ch. The precondition of Modern Russia's First Civil War // *Russian History/Histoire Russe*. Vol. 25. Nr. 1—2 (Festschrift for A.A. Zimin). 1998. P. 119—131.

¹¹ Эта методологическая рамка разрабатывалась и разрабатывается в рамках долгосрочного проекта Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ «Трансформация режимов управления разнообразием» в 2012—2021 гг. в Центре исторических исследований НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург.

¹² Hallenberg J. *Svea Rikes historia under konung Gustaf Adolf den Stores regering*. Stockholm, 1790; 1793; 1794; 1796.

¹³ Wetterberg G. *Kanslern Axel Oxenstierna i sin tid*. Del. 1 och 2. Atlantis, 2002.

¹⁴ Подробнее: Vetushko-Kalevich A. *Compilation and Translation. Johannes Widekindi and the Origins of his Work on a Swedish-Russian War*. Lund, 2019. S. 20—22.

¹⁵ Щербатов М.М. *История Российская с древнейших времен*. Т. 7. Ч. 1. СПб., 1904. С. 53—54, 61, 104—105.

¹⁶ Карамзин Н.М. *История государства Российского*. М., 1988. Кн. 3. Т. 11. С. 29—34. Примечательно, что для Карамзина основным источником, повествующим об убийстве принца по научению С.Н. Годунова, является Никоновская летопись (прим. 70), в рассказе которой говорится о том, что принц не перешёл в православие и умер «некрещен» (по контексту — такой переход предполагался, в прим. 66 Н.М. Карамзин даёт ссылку на запись Латухинской степенной книги «онъ же (Иоаннъ) восхотѣ креститися»).

¹⁷ Соловьев С.М. *Русская история*. Т. 8. Гл. 1.

¹⁸ Форстен Г.В. *Акты и письма по истории Балтийского вопроса в XVI и XVII столетиях*. Вып. 1; 2. СПб., 1889; 1893.

¹⁹ Cordt B. *Die Verhandlungen des Waffenstillstandes von Teusina, 1593. Ein Beitrag zur Geschichte der Beziehungen Schwedens zu Russland im 16. Jahrhundert*, Dorpat 1892.

²⁰ Гурлянд И.Я. *Новгородские ямские книги*. Ярославль, 1900.

²¹ Ср.: Филюшкин А.И. *Изобретая первую войну России и Европы. Балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков*. СПб., 2013. С. 235, 274—275, 601, 608, 609; Каменский А.Б. *Россия в XVIII столетии. История и память. Исследования по социальной истории и исторической памяти*. М., 2017. С. 288.

²² Шаскольский И.П. *Столбовский мир 1617 г. и торговые сношения России с Шведским государством*. М., 1964. С. 25—27; 213—214.

²³ *Восстание И. Болотникова: Документы и материалы*. М., 1959.

²⁴ Анпилогов Г.Н. *Новые документы о России конца XVI — начала XVII в.* М., 1967.

²⁵ Флоря Б.Н. *Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI — начале XVII века*. М., 1973.

²⁶ Скрынников Р.Г. *Россия накануне «смутного времени»*. М., 1981.

²⁷ Рябошапка Ю.Б. 1) Из внешней критики Тявзинского мирного договора 1595 г. // *Материалы студенческой конференции МГИАИ*. Вып. 1. М., 1063. С. 78; 2) Тявзинские переговоры 1594—1595 гг. // *Социально-политическая история СССР*. М.-Л., 1974. Ч. 2. С. 25—68; 3) Русско-шведские отношения на рубеже XVI—XVII веков // *Вопросы истории*. 1977. № 3. С. 26—39; 4) Выработка текста Тявзинского договора 1595 года // *Вопросы истории*. 1980. № 12. С. 160—163.

²⁸ Лобин А.Н. *Пушки Смуты. Русская артиллерия 1584—1618 гг.* М., 2021. С. 78—84.

²⁹ Roberts M. *The Early Vasas: A History of Sweden, 1523—1611*. Cambridge, 1968.

³⁰ Naber J. *Motsättningarnas Narva. Statlig svenskhetspolitik och tyskt lokalvälde I ett statsreglerat samhälle, 1581—1704*. Uppsala, 1995 (Opuscula Historica Upsaliensia 15).

³¹ Lokhart P.D. *Sweden in the Seventeenth century*. 2004. P. 16—17.

³² Krawczuk W. *Wierni Królowi. Szwedzi i Finowie na uchodźstwie w Rzeczpospolitej Obojga Narodów w pierwszej połowie XVII wieku*. Krakow, 2019.

Борис Ковалёв

АЛЕКСАНДР НЕВСКИЙ.

ЖЕРТВА И ГЕРОЙ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

Читая современные европейские газеты, возникает чувство, что Александр Невский — почти наш современник. И он по-прежнему стоит на защите интересов русского государства. Причина этого кроется в том, что кроме реальной исторической личности, родившейся 800 лет назад, он является святым Русской Православной Церкви, а также, своего рода, символом, образом оберега от всех бед и напастей.

Так, болгарская интернет-газета «Гласове» 31 августа 2021 года опубликовала статью «Храм-памятник Александра Невского: русская победа и болгарское воскресение. Вместе в правде». Из неё следует, что местные националисты активно выступают с призывами переименовать центральный собор столицы Болгарии Софии, который носит имя Александра Невского, только потому, что речь идёт о русском, а не о болгарском святом.

Журналистка Дарина Григорова пишет: «Для Болгарии святой Александр Невский — часть темы Россия—Европа, неважно, русофоб ты или русофил, фактор

России неизбежен. Если для современной России у исторической памяти об Александре Невском три ипостаси — религиозная, светская и государственная, то в Болгарии исторический образ благочестивого князя предстаёт в одной ипостаси — русской».

Немецкая газета «Die Welt» («Вельт») была основана державами-победительницами во Второй мировой войне в британской зоне оккупации, в Гамбурге. Первый номер вышел в 1946 году. Считается, что это газета консервативного толка. 31 июля 2021 г. в ней вышла статья Бертольда Зеевальда «Как русские разбили Тевтонский орден». Хотя в ней есть некоторые европейские пропагандистские штампы, в целом она вполне выдержана. Особенно если сравнивать с утверждениями тех, кто сам образ Александра Невского и его деяния считает полной выдумкой и пустопорожним мифом.

Немецкий журналист утверждает, что «Александр Невский» спас жизнь советскому режиссёру: «Сергей Эйзенштейн, вероятно, догадывался, что речь идет

о его голове. В окружении Сталина он считался троцкистом. И, как доказывают архивные документы, обнаруженные в 90-х годах, НКВД готовил показательный процесс против режиссера-авангардиста латышско-немецкого происхождения. В середине 30-х годов, в разгар кровавых чисток, Эйзенштейн получил задание снять фильм о русском национальном герое Александре Невском».

Можно согласиться с утверждением, что абсолютное большинство наших соотечественников во второй половине XX века воспринимало образ князя из XIII века в основном из фильма Эйзенштейна. Бертольд Зеевальд сообщает немецкому читателю, что «кинофильм, вышедший на экраны в 1938 году, был чисто пропагандистским. В нём рыцари Тевтонского ордена носили шлемы, напоминавшие современные немецкие, воины вскидывали руки, как в гитлеровском приветствии, и устраивали кровавые расправы над жителями в русских городах. До заключения пакта Молотова—Риббентропа подобное было в ходу в Советском Союзе. Сталин пришёл в восторг от этого симбиоза национализма и социализма и наградил Эйзенштейна орденом Ленина».

Автор иногда противоречит сам себе. Вначале он пишет: «Новгородский князь Александр Ярославич Невский (1220—1263) был и до сих пор остаётся иконой в России, героем и святым в одном лице. Как славный полководец, одержавший победы над шведами, датчанами и — прежде всего — немцами, он стал символической фигурой, олицетворяющей величие и волю к самоутверждению средневековой Руси. Бессмертную славу с точки зрения потомков он обрёл 5 апреля 1242 года, разбив

войско Тевтонского ордена на льду Чудского озера. Однако на самом же деле это событие не было уж таким значительным».

Это мы уже неоднократно слышали. Мол, «Ледовое побоище» — это более поздняя выдумка, не имевшая никакого реального исторического результата. Однако далее немецкий автор, кстати, ссылающийся на труды только немецких историков, делает следующий вывод: «Хотя поражение не умалило власть епископа Дорпата и Тевтонского ордена, битва на Чудском озере имела далеко идущие последствия. С тех пор западные миссионеры и рыцари уважительно относились к Чудскому озеру, рассматривая его как границу сферы своей активности. Там возникла имеющая мировое историческое значение граница между зонами влияния католической и православной церкви».

Политика Александра Невского в Золотой Орде излагается немецким журналом через цитирование книги Манфреда Хильдермайера «История России», которая вышла в 2013 году: «Подобная готовность оказывать активную помощь "безбожным" кочевникам совершенно не соответствовала образу национального героя, созданному историографией XIX столетия».

Но в то же время реальные действия Александра Невского оказались рациональными и перспективными. Он вступил на путь сотрудничества с новыми хозяевами, что не только обеспечило выживание его великого княжества на севере Руси, но и решающим образом способствовало его подъёму в следующем столетии».

Образ героя-полководца, прославляющего своими подвигами Отечество, в соседних странах зачастую восприни-

мается как образ жестокого агрессора. Но и внутри самого государства тот или иной исторический деятель обычно оценивается с точки зрения сегодняшнего дня, современной системы ценностей. Не исключение и Александр Невский. Обращение к нему в России происходило в самые сложные и переломные годы нашей многовековой истории. Хотя память об Александре Ярославовиче никогда не прерывалась, особым вниманием он пользовался со стороны таких заметных личностей, как Иван Грозный, Пётр Великий и Иосиф Сталин.

Были и десятилетия гонений, и откровенной неприязни, в частности, это первые годы после Великой революции 1917 года. Тогда большевики в своей не любви к Александру Невскому объединились со своими злейшими врагами — поляками-пилсудчиками. В современной «Православной энциклопедии» подробно описывается трагическая судьба собора Александра Невского в Варшаве. Построенный на народные пожертвования, освященный в 1912 году, он стал «апогеем сакрального строительства» в Варшаве, а его 70-метровая отдельно стоявшая колокольня — самой высокой точкой города.

После обретения в 1918 году Польшей независимости польские искусствоведы признали собор «малоценным», к тому же занимающим слишком большую площадь в условиях её «недостатка» в Варшаве. Судьба собора была предрешена. Попытки остановить варварскую акцию, санкционированную государственными властями и поддержанную рядом видных общественных деятелей Польши, ни к чему не привели.

Варшавский магистрат даже выпустил специальные «боны, доступные для каждого», «обеспеченные стоимостью материала, полученного в результате сноса» собора, дабы «каждый поляк мог стать причастным к этому делу».

Уничтожение собора осуществлялось через малые взрывы. Их общее число составило более 15 000. В 1926 году на месте Храма осталась голая площадь, которая сейчас носит имя Йозефа Пилсудского.

Православный кафедральный собор Александра Невского в Варшаве стал первым в Европе XX века христианским храмом, безжалостно уничтоженным по решению государственной власти страны, закрепившей свою «приверженность христианским идеалам» в особых статьях Конституции.

Здесь хочется провести параллель с другим памятником архитектуры. Дворец культуры и науки в Варшаве был возведен за деньги СССР в 1952—1955 годах. Это одно из самых больших и красивых зданий польской столицы, построенное как символ советско-польской дружбы. В нём находятся офисы, музеи, кинозалы, театры, рестораны, книжные магазины, бассейны, научные институты и выставочные пространства.

В начале 90-х годов прошлого века многие польские политики предлагали его снести как «символ советского тоталитаризма и оккупации». По причине дороговизны этого действия (ведь для постройки этого здания было использовано 40 миллионов кирпичей) решили отказаться. Однако в 2009 году, когда Европа отмечала 20-летие падения Берлинской стены, в Польше опять начались разговоры о сносе высотки. Инициировал полемику глава

МИД Польши Радослав Сикорский. В одном из своих выступлений он заявил, что поляки должны разрушить Дворец культуры в Варшаве так же, как немцы разрушили Берлинскую стену. Или, добавлю я, как это сделали их деды, уничтожившие прекрасный собор, в котором находилось около 10 тысяч великолепных произведений искусства и предметов, представлявших художественную ценность, в большинстве своем мирового уровня.

Но, если вернуться в 20-е годы XX века, несладко приходилось Александру Ярославовичу и на родной земле. И это можно объяснить не только новой трактовкой отечественной истории. Жар от пламени Гражданской войны ещё не остыл. Сотни тысяч сторонников белого движения, оказавшиеся в эмиграции, ещё не оставили надежду вернуться на Родину победителями. Для большевистского руководства они являлись одними из наиболее опасных врагов. А где обычно встречались бывшие белогвардейцы? Не только в ресторанах, как об этом любила говорить и писать советская пропаганда, но и в храмах. В соборе Александра Невского в Париже, в соборе Александра Невского в Белграде, в соборе Александра Невского в Софии, в соборе Александра Невского в Таллине, в церкви Александра Невского в Копенгагене, в церкви Александра Невского в Риге...

В последнем, кстати, состоялась панихида в память о скончавшемся в 1928 году бароне Петре Врангеле, одном из белых вождей в годы Гражданской войны в России, первом председателе Русского общевойскового союза.

25 мая 1929 года рижская эмигрантская газета «Сегодня» поместила мате-

риал «Панихида по ливенцам». В нём сообщалось, что *«Чины русского добровольческого отряда князя А.П. Ливена отметили 10-летие освобождения Риги от большевиков, в котором они принимали непосредственное участие, торжественной панихидой, совершенной вчера вечером в Александро-Невской церкви её настоятелем протоиереем Н. Перехвальским и дьяконом Н. Окуневым.*

Приступая к служению панихиды, о. Н. Перехвальский произнёс прочувствованное слово, посвящённое поминаемому событию, и подчеркнул единение, царившее 10 лет тому назад среди латвийского населения без различия национальностей, перед одинаково грозившим всем врагом.

Таких публикаций в эмигрантской прессе были даже не десятки. Сотни. И везде звучало имя Александра Невского. Оно было взято русской эмиграцией на вооружение. Недаром в гораздо более позднем издании «Посев» в качестве эпитафии приводились слова Александра Невского *«Не в силе Бог, а в правде!»*.

В 20-е годы XX века в Советском Союзе ведущим советским историком, историком-марксистом считался Михаил Покровский. Именно его трактовка всех событий считалась истинно верной и полностью одобренной государством. Своего рода знаком стала подготовка к изданию Большой Советской Энциклопедии. Статья про Александра Невского вошла во второй том. Здесь она приводится в полном объёме:

«АЛЕКСАНДР ЯРОСЛАВИЧ НЕВСКИЙ, вел. князь Владимирский (1220 — 63), с молодых лет княжил в Новгороде и здесь оказал ценные услуги новгородскому торговому капиталу, с успехом

ограждая его интересы в войнах со шведами, ливонцами и литовцами. В результате Новгороду удалось удержать за собой финские побережья Балтийского моря и, т. о. избежать срыва своей заграничной торговли. За одну из этих своих побед над шведами на р. Неве в 1240 А. и получил прозвище "Невский".

В 1252 А. достаёт себе в Орде ярлык на великое княжение, т. е. становится старшим русским феодалом при верховном сюзерене-хане.

Скоро между обеими сторонами — ханом и татарами с одной, вел. кн. А. и "лучшими" людьми, боярством и купечеством (интересы которых он выражал), с другой — создается тесный союз на почве взимания с населения дани.

Татары, завоевав Русь, обложили данью все население, причем брали одинаковую сумму как с бедного, так и с богатого. Естественно, это было невыгодно "меньшим людям", "черни", которая поэтому и волновалась. В задачу князя входило усмирять ее, склонять к повиновению.

В этом отношении особенно много хлопот причинял Великий Новгород, которого непосредственно не коснулось татарское нашествие. Но и в других городах — Ростове, Суздале, Владимире, Ярославле — также происходили на этой почве беспорядки, доходившие до того, что в 1262, по приговорам "веч", из них были выгнаны татарские сборщики дани. Чтобы умилостивить хана, А. пришлось специально поехать в Орду и там уладить дело при посредстве богатых подарков. По дороге оттуда А. умер в г. Городце.

Русская церковь, хорошо ладившая с ханом, оценила «мирную» политику

А. по отношению к татарам и объявила его святым».

Михаил Покровский скончался в 1932 году. Пять лет его имя носил главный вуз страны — Московский государственный университет. Но начиная с 1936 года государственная политика СССР в области истории изменилась. Покровский посмертно был подвергнут жестокой критике. Его обвиняли в том, что он «антимарксист», «антипатриот» и «очернитель истории России».

Для официальной истории Советского Союза требовались новые герои. Как известно, Степан Разин и Емельян Пугачёв, два полулегендарных предводителя «вольных людей» были отлучены от Церкви за бунт против власти и чинимые во время бунта зверства. В Советском Союзе им ставились памятники, о них писались восторженные книги как о борцах за народное счастье. И рядом с ними вдруг появляется образ князя из рода Рюриковичей, святой Русской православной церкви!

Особую роль в превращении исторической личности в мифологизированный образ сыграл фильм Сергея Эйзенштейна «Александр Невский». Вышедший на экран в конце 1938 года, он сразу же полюбился как советским руководителям, так и миллионам простых кинозрителей. Когда в 1942 году в СССР был возрождён орден Александра Невского, на нём было помещено профильное изображение артиста Николая Черкасова, исполнившего роль Александра Невского в одноимённом кинофильме.

Об истории советского фильма написано немало. Я не вижу здесь смысла пересказывать всем известные факты. Однако хочу поделиться собственными

воспоминаниями, связанными с ним. В начале 80-х годов XX века, читая воспоминания участников Ленинградской битвы, узнал, что накануне генерального наступления Красной Армии под Новгородом и Ленинградом зимой 1944 года, везде, где это было возможно, в том числе и на передовой демонстрировался фильм «Александр Невский». При этом один из авторов утверждал, что сила этого фильма такова, что сейчас (т. е. в 60-е годы) он запрещён к показу в Федеративной Республике Германии.

Чуть позднее, уже во время «перестройки», на страницах какого-то журнала, вроде «Огонька», узрел опус, в котором автор утверждал диаметрально противоположное: *«В демократических капиталистических странах, в отличие от тоталитарного Советского Союза, не было и нет никаких запретов на книги, фильмы и прочие произведения искусства».*

Уже в 2020 году я решил всё это перепроверить и написал письмо коллегам в Германию. Их ответ был следующим: *«В бывшей ФРГ был запрет от Комитета министерства внутренних дел по вопросу фильмов Запада и Востока на публичный показ фильма. В виде исключения был разрешен только полуофициальный показ сокращенной на треть версии, в которой посыл фильма переворачивался в обратную сторону».*

В качестве источника следует сослаться на книгу Штефана Бухлоу о цензуре в эпоху Аденауэра. Этот комитет с 1953 по 1966 год проверил 3180 фильмов, из которых 130 запретил к показу — например, советские фильмы "Тихий Дон", "Максимка", "Александр Невский"».

Так что от цензуры страдали не только советские люди. Таковы были реалии той эпохи.

Еще один устоявшийся миф заключается в том, что, будучи русским национальным героем, Александр Невский как образ использовался исключительно советской пропагандой. Вспомним хотя бы «Боевой киносборник № 1» 1941 года. В новелле «Сон в руку» (автор Борис Ласкин) к Гитлеру являлся барон Зигфрид «Волчье сердце». Он, отправленный на дно Чудского озера русским князем Александром Невским, от имени всех «чудских подледников» избирал фюрера III Рейха «почетным утопленником». Сюжет завершался кадрами из фильма Сергея Эйзенштейна, где немецкие рыцари крошили лёд и шли на дно.

Однако нужно понять, что такие профессионалы и циники, как нацистские пропагандисты, не могли обойти образ Александра Невского своим вниманием. В реалиях пропагандистского противостояния в годы Великой Отечественной войны Александр Невский вступил в борьбу с Александром Невским. При ознакомлении с русской коллаборационистской прессой видно, что гитлеровцы ваяли образ князя, отталкиваясь от определённых измышлений, в которых умело сочетались как правда, так и ложь. Они пытались доказать, что в реалиях этой войны Невский был бы вместе с Вермахтом. Он мстил бы большевикам за все их преступления против русского народа.

18 сентября 1942 года в псковской газете «За родину» вышла статья «Положение не улучшается», подписанная псевдонимом «русский крестьянин». В ней автор рассуждал о введении новых боевых ор-

денов в СССР: *«Мудрый Сталин, как его называли большевики, в поисках спасения от неминуемой гибели вспомнил про великих русских полководцев: Суворова, Кутузова и Александра Невского и в честь их имени учредил особые боевые ордена, надеясь этим поднять патриотический дух в русском народе...»*

Напрасно ты, Сталин, возлагаешь надежды на свое спасение созданием орденов в память Суворова, Кутузова и Александра Невского. Никакие ордена не улучшат твоего положения. Больше того, будь эти полководцы каким-либо чудом в России сейчас, то тебе за твои издевательства над русским народом давно бы пришлось прыгать из Кремля через то кремлевское окно, через которое когда-то прыгал Отрепьев».

Как уже было сказано, в 20-е годы Александр Невский в СССР не был образцом для подражания. Для того, чтобы напомнить об этом русскому читателю, нацистские пропагандисты использовали статью из энциклопедии. Но не «Большой советской...», а «Малой». Это требовалось в том числе и для того, чтобы вызвать антисемитские чувства.

Материал шёл в рубрике «От нашего главного редактора Анатолия Петрова» и был опубликован на первой полосе как редакционная статья: *«Вот она, малая Советская энциклопедия, отпечатанная в Москве (Мосполитграф) в 1929 г. тиражом в 30 000. Члены редакции: Вайс, Вольфсон, Л. Каганович, Кон, Косиор и, для приличия — Крупская и какой-то Накорякин».*

Главный редактор газеты «За родину» патетически восклицает: «Мы хотим лишь указать пребывающим в прекраснодушии или в доверчивости, граничащей

с глупостью, на то, что писалось ещё так недавно по заданиям Кремля о тех величайших людях русской истории, к именам которых взывают теперь побледневшие от страха московские преступники».

Петров полностью приводит статью из этой энциклопедии: *«Вот 13 строк, ответственных Александру Невскому: "Александр Невский (1220—1263) княжил в Новгороде. Оказал ценные услуги новгородскому торговому капиталу, отстоял для него побережье Финского залива (за одну из побед над шведами на Неве назван Невским). В 1252 А. достаёт себе ярлык в орде на великое княжение. А. умело улаживал конфликты русских феодалов с ханом и подавлял волнение русского населения"».*

Вывод же коллаборационист на службе гитлеровцев делает следующий: *«Это все, что сказано в этой энциклопедии об Александре Невском, орденом которого ныне награждаются красные командиры.*

Вот что писали господина Вайсы, Вольфсоны и Кагановичи в Малой советской энциклопедии, признанной Наркомпросом как ценное пособие для учащихся о великих русских людях, за спины которых теперь хотят спрятаться вожди Коминтерна. Поверит ли им хоть один русский человек? Нет, не поверит. Не имеет права поверить!».

6 января 1943 года Указом Президиума Верховного Совета СССР в Красной Армии были введены погоны. После этого в советских газетах сразу же появились статьи об этом. В них подчеркивается символизм введения погон с позиции неразрывной связи русских побед. Даже поговаривали о том, что Красная Армия будет переименована в Русскую армию. Вновь звучали имена выдающихся

русских военачальников: Суворова, Кутузова, Нахимова, Ушакова, Александра Невского.

Весьма интересно на это отреагировала нацистская пропаганда. Кроме традиционных заявлений, что большевики не имеют морального права на использование героев русской истории, появилось и другое. В частности, что все эти шаги направлены на изменение государственного строя России, что использование образа князя-рюриковича Александра Невского — это один из шагов по превращению СССР в монархию с царём Иосифом I.

В условиях коренного перелома в Великой Отечественной войне гитлеровская пропаганда всё чаще стала играть на патриотических чувствах русского населения. В апреле 1943 года вышла статья «О большевистском "национализме"». Её автор И. Инсаров начал следующими словами: «Тяжелая участь России оказалась, однако, хорошим уроком для других государств. Жидо-большевистский зверь, оскалив свои зубы, готовился поглотить весь мир».

Главной жертвой представлялся, естественно, III Рейх: *«Большевики всеми силами с помощью Коминтерна старались углубить политические противоречия государств, концентрируя при этом всю свою подпольную и открытую травлю, главным образом, против Германии».*

И здесь вновь звучала тема фильма Сергея Эйзенштейна: *«Щекотание национальных чувств русского народа производилось большевиками не без умысла. Во-первых, национальный инстинкт — это могучий стимул на случай войны, а во-вторых, это сила, которую*

нужно было противопоставить национал-социалистической Германии.

Стоит только вспомнить советский фильм "Александр Невский", чтобы понять весь истинный смысл "национального" уклона советской политики. Под битвой полчищ Александра Невского с рыцарями Ливонского ордена слишком уж прозрачно большевики пытались обосновать "исторически" свою вражду к Германии».

Но вывод из этой статьи шёл в духе одной из главных пропагандистских компаний весны 1943 года — «Акции Власов». Мол, Александр Невский — это не Сталин и большевики. Александр Невский вчера — это генерал Власов сегодня. *«Национальное самосознание в корне противоречит сущности большевизма. На заре этих великих событий, как бранный клич, раздался призыв генерала Власова к русскому народу. Под знамена освободительного движения! За новую национальную Россию! Этот призыв громким эхом разнесется по всей русской земле и найдет отклик в сердце каждого русского человека, кому дорога судьба России и её национальной культуры».*

Нацистская пропаганда была весьма разножанровой. Так, использование образа русских героев советской пропагандой всячески высмеивалось. В статье «Гробокопатели» журналист-коллорационист откровенно фиглярствовал: *«Загробная жизнь исторической Руси циркулирует сейчас в СССР полным темпом. Поговаривают, что Суворову, Кутузову, Александру Невскому, Дмитрию Донскому присуждены ударные пайки и ордера на получение прозодежды. Петр Первый произведен из бомбардиров — в Гвардии полковники, а Иван Сусанин — в старшие*

сержанты парашютно-вредительского политотдела.

Оказывается, что Суворов на Чертовом мосту крикнул: "Ребята, впереди спасение, а за нами товарищ Сталин!"».

Имя Александра Невского поминалось противниками Советского Союза как прямо, так и косвенно. Естественно, никогда не упоминалось о попытках болгар-германофилов переименовать собор в болгарской столице. При этом рижская газета «Новый путь» опубликовала фоторепортаж «К смерти царя болгарского Бориса Третьего». Пояснение к нему было следующим: «Собор Александра Невского в Софии, в котором были выставлены останки усопшего. Тысячи жителей из всех городов и деревень Болгарии пришли отдать последний долг любимому монарху».

Своё напоминание о том, что Александр Невский является святым Русской православной церкви, нацисты густо перемежали с антисемитской пропагандой: «Большевики всегда плохо относились к Невскому. Они не только плохо писали о нем, они осквернили ещё его мощи».

Александр Невский — одна из светлейших и прогрессивных личностей русского прошлого. Прикрывать его именем советские зверства могут решиться только оживовившиеся большевики».

Населению внушалась мысль, что возрождение как имени Александра Невского, так и патриотическая позиция Русской православной церкви в борьбе с иноземными захватчиками являются простой уловкой Сталина. «Около двадцати лет большевики позорили имя Александра Невского, они осквернили Александро-Невскую Лавру в Петербурге, они выставляли на посмешище мощи Александра Нев-

ского, плевали на это имя, позорили его. А сейчас стали превозносить. Когда же им этого больше не нужно будет, они опять начнут его позорить. От большевиков можно ждать только очередной подлости и гадости».

Поэтому, как заявляли гитлеровцы, они не просто борются «с игом жидо-большевизма», они защищают и самого святого благоверного князя. «Светлое имя Александра Невского не пострадало от всей большевистской грязи, оно осталось таким же светлым для русского народа, каким и было всегда. Но мы обязаны до конца защищать это имя от грязной клеветы и не менее грязных, оскорбительных иудейских похвал».

Это было написано в конце мая 1944 года. До краха нацистской Германии оставался ещё один год. Их измышление о том, что имя Александра Невского в Советском Союзе будет забыто, оказалось пустопорожней болтовней. Кстати, кантата Сергея Прокофьева из фильма Сергея Эйзенштейна как бы перекликается с главной песней Великой Отечественной «Вставай, страна огромная!»:

*Вставайте, люди русские,
На славный бой, на смертный бой.
Вставайте, люди вольные,
За нашу землю честную!*

И через 800 лет после его рождения мы находим в образе Александра Невского что-то своё. Помню, в возрасте пяти лет, впервые увидев фильм про него, какое-то время мечтал стать дружинником князя новгородского. Будем считать, что эта статья до какой-то степени является воплощением той детской мечты.

Дарья Терешкина

«ПОБЕЖДАЛ, НО БЫЛ НЕПОБЕДИМ»: АГИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБРАЗ АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО

О образ князя Александра Невского стал настолько многогранен в процессе бытования в русской культуре, что почти потерял своё истинное значение, превратившись в какой-то степени в миф или, лучше сказать, один из архетипов русскоязычного сознания. Великий князь, непобедимый воин, ключевые битвы которого — Невская и на Чудском озере, — стали образцом русского воинского искусства. Причислен к лику святых. Вот, пожалуй, и всё, что может сказать обычный человек о князе, чьё имя в результате голосования стало в 2008 году «именем России».

Следует признать, что только отражение в литературе личности и деяний князя обеспечило ему бессмертие. Именно на основе жития князя сложился тот образ Александра Ярославича, который жив до сих пор, даже имея в виду его многовековые трансформации. Житие как церковный и вместе с тем четий (то есть для индивидуального чтения) жанр — сложное явление. С одной стороны, житие пишется для прославления героя как христианина, угодившего своими деяниями Богу. В этом смысле житие, несомненно, идеализирует героя, прославляет его. С другой стороны, представляя индивидуальный путь ко Христу, житие не мо-

жет не отразить реальные факты биографии героя, за которые он прославляется. И тогда житие становится «биографией», а значит, увлекательным произведением, отражающим жизнь как таковую. Соотношение «истории», «художественности» и церковной риторики в каждом житии индивидуально, зависит от времени создания жития, степени осведомленности автора о подробностях жизни и подвигах героя, от того, знал ли автор жития прославляемого человека лично или по рассказам очевидцев и т. д.

В случае с Житием Александра Невского мы имеем дело с уникальной возможностью читать о великом князе фактически из уст очевидца его деяний. Именно поэтому Первоначальная редакция «Повести о житии Александра» получилась такой необыкновенно личностной, чрезвычайно эмоциональной, полной любви и преклонения перед Александром как воином, отцом своего народа, угодником Божиим и просто человеком. Всего насчитывают около полутора десятков редакций Жития Александра Невского, вплоть до конца XVII века, в которых текст подвергался различным изменениям, исходя из актуальных задач, поставленных перед автором (например, Владимирская редакция середины XVI века,

составленная по повелению митрополита Макария). Истории текста Жития Александра посвящено множество исследований, но в полной мере она не восстановлена до сих пор^{*}.

Первоначальной называется та редакция Жития Александра Невского^{**}, которая была написана, как предполагают исследователи, в 80-е годы XIII в. младшим современником князя, неизвестным книжником монастыря Рождества Богородицы во Владимире, где князь был погребён. Автор жития застал князя уже зрелым человеком, был, вероятно, свидетелем его погребения, а обо всех его подвигах ему, судя по всему, рассказывали те, кто был с Александром Невским во всех его судьбоносных для Руси походах («слышал я от отцов своих и сам был свидетелем зрелого возраста его»^{***}). Эмоциональность автора и его восхищённое преклонение перед князем обнаруживают в нём ещё достаточно молодого человека, при этом чрезвычайно начитанного и образованного: обилие сравнений Александра с героями прошлого (царём Веспасианом, Иосифом Прекрасным, Самсоном, Соломоном, Давидом, Иисусом Навиным, Иезекией) вводят образ Александра в широкий контекст мировой истории, возвеличивая русского князя.

Первоначальная редакция жития Александра Невского совмещает в себе черты жанра жития и воинской повести.

Удивительно, но отделить одно от другого достаточно трудно, хотя у этих жанров были разные задачи (недаром книжники сомневались, как именовать текст, называя его в рукописях то «житием», то «словом», то «повестью о житии»). Вероятно, происходит это потому, что автор Первоначальной редакции совершенно не задаётся вопросом о сути подвига князя прежде всего как воина: Александр для книжника — угодник Божий без всяких сомнений и излишней рефлексии, а его ратные подвиги стоят в одном ряду с другими защитниками своих народов («Как сказал Исая-пророк: «Так говорит Господь: "Князей я ставлю, священны ибо они, и я веду их". И воистину — не без Божьего повеления было княжение его»). Житийные «общие места» (топосы) сводятся в основном к упоминанию о благочестивых родителях Александра, к самоумалению автора, по его самохарактеристике, «недалекого умом», берущегося писать житие такого великого человека. Гораздо более в тексте черт воинской повести, но и здесь чрезвычайно сильным оказывается христианское мировоззрение автора, все события рассматривающего с точки зрения Божьей помощи угождающим Ему.

Примечательно, что образ Александра Невского начинается не с чего-нибудь, а с описания его красоты: *«И красив он был, как никто другой, и голос его — как*

^{*} Охотникова В.И. Повесть о житии Александра Невского // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. I (XI — первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 354–363.

^{**} Необходимо отметить, что в Первоначальной редакции именование Александра «Невским» ещё нет. Мы используем это историческое имя (закреплённое не ранее XV в.) по традиции.

^{***} Здесь и далее текст цитируется по изданию: Повесть о житии Александра Невского // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексева, Н.В. Понько. Т. 5: XIII век. СПб., 1997. С. 358–369.

труба в народе, лицо его — как лицо Иосифа, которого египетский царь поставил вторым царем в Египте, сила же его была частью от силы Самсона». И уже далее говорится о мудрости князя, его храбрости и непобедимости. Это неслучайно. Красота у русских всегда была показателем благородства, внутренней чистоты, Божьей воли, явленной в человеке. Грех отпечатывается на лице человеческом и уродует его Божественную (а значит, прекрасную) природу. Эстетика и этика были почти тождественны. Поэтому красота Александра — не художественное преувеличение, а совершенно необходимый знак его добродетелей.

Создание полной биографии князя не было задачей первого агиографа Александра Невского. Историческую основу Первоначальной редакции составляют эпизоды, описывающие победы Александра Невского в битве на Неве и на льду Чудского озера, его дипломатические связи с Ордой и папой римским.

Одним из важнейших топосов воинской повести, отразившихся в Первоначальной редакции, является описание помощи князю небесных сил. Александр Невский в изображении автора жития — не набожный, а искренне и глубоко верующий человек. Он молится не потому, что «так положено князю», а потому, что каждый раз, выступая в поход, воин готовится к последнему своему часу. В случае с князем эта ответственность «за други своя» увеличивалась кратно числу душ в его войске. И эти души для князя были родными, опять же, не по «чину», а по сердцу.

Эта важнейшая составляющая подвига Александрова (подвига всего его

войска) особенно тщательно прописана в житии. В самом начале текста есть упоминание о царе Веспасиане, с храбростью которого сравнивается отвага Александра. Здесь приводится краткий пересказ эпизода, когда Веспасиан со своим войском завоёвывал иудейский город Иотопату: воины Веспасиана, испугавшись иудеев, обратились в бегство; «...и остался один Веспасиан, и повернул выступивших против него к городу, к городским воротам, и посмеялся над дружиною своею, и укорил ее, сказав: "оставили меня одного"». В отличие от Веспасиана, Александр Ярославич возглавлял такое войско, которое не только было единым непобедимым целым, но и составлялось из отдельных героев, каждый из которых был достоин упоминания в житии князя. В текст вошёл рассказ о шести из них, наиболее прославившихся своими подвигами.

Это Гаврила Алексич, бившийся с самим воеводой посреди вражеского войска и взобравшийся прямо на коне на корабль, где по сходням вели королевича. Это новгородец Сбыслав Якунович, с одним топором бившийся с врагами и перебивший многих из них. Третий — Яков, полочанин, княжеский ловчий, с мечом напавший на полк вражеский, был удостоен особой похвалы Александра. Ещё один новгородец, Меша, потопивший три вражеских корабля. Савва, воин из «младшей дружины», сумел ворваться в златоверхий королевский шатёр и подсечь удерживающий его столб; шатёр упал, и полки Александровы возрадовались. Воин Ратмир, из слуг Александровых, «бился пешим, и обступили его враги многие. Он же от многих ран пал и так скончался». «Все это слышал я от

господина своего великого князя Александра и от тех, кто участвовал в то время в этой битве», — уточняет автор, чтобы не было сомнений в истинности повествуемого. И сам Александр, возглавляющий такое войско, был героем выше рядовых, получил ранение, оставшееся затем шрамом на лице.

Эпизод о Невской битве обрамляется описанием событий, говорящих о помощи Божьей войску Александру. Перед битвой князь получает благословение от архиепископа Спиридона, с жаром молится в храме Святой Софии, на ходу припоминая слова из Псалтыри: *«Суди, Господи, обидящих меня и огради от борющихся со мною, возьми оружие и щит и встань на помощь мне»*. Утерев слёзы после молитвы, вышел князь к дружине и, ободряя её, произнес лаконичную речь, начинающуюся со знаменитых слов *«Не в силе Бог, но в правде»* и утверждающую мысль о том, что превосходство в силе ничто без помощи Божьей. С этим и выступил в поход против «римлян».

А помощь Божья Александру Невскому была дарована. В стране Ижорской был старейшина Пелгусий, муж праведный, совершавший ночной дозор на море в день выступления войска Александра в поход. Пелгусий сподобился увидеть видение: по морю, стоя в ладье, держа руки на плечах друг друга, плыли первые святые князья-страстотерпцы, Борис и Глеб. И сказал Борис: *«Брат Глеб, вели грести, да поможем сроднику своему князю Александру»*. Об этом чуде Пелгусий поведал князю, как только тот пришёл на землю Ижорскую. И понял Александр, что с ним Бог, и повелел Пелгусию не рассказывать никому о видении. А выступил

Александр в поход 15 июля, в день памяти святых Бориса и Глеба. Всё промыслительно в великом деле, когда решается судьба народа.

Было ещё нечто необычайное. После Невской битвы оказалось, что на той стороне реки Ижоры, куда воины Александра даже не доходили, осталось множество врагов поверженных. И поняли все, что враги были перебиты ангелом Господним, как это уже бывало в ветхозаветные времена с защитой святого города Иерусалима при Езекии-царе. Небесное воинство помогло Александру и в битве на Чудском озере. Так в повествование о воинском подвиге Александра постоянно вплетается агиографический контекст, и все деяния князя становятся вписанными в общую священную историю человечества.

В житии читаются ещё два важнейших постоянных места воинской древнерусской повести.

Первый топос условно именуется «страхом перед именем». Это описание того, как имя непобедимого героя становится известным далеко за пределами его земли и используется как устрашение возможных врагов. Так и имя Александра Невского *«прославилось... во всех странах, от моря Хонужского и до гор Араратских, и по ту сторону моря Ваяжского и до великого Рима», а «жены моавитские начали страшать детей своих, говоря: "Александр едет!"*». Это один из наиболее ярких примеров превращения имени собственного в нарицательное, синонимами к которому являются неустранимость, непобедимость, храбрость, ставшая легендарной.

Ещё один топос характерен для древнерусской воинской повести. Самая

высокая похвала герою звучит не из уст автора произведения и подданных князя, а в речах его врагов. В очень небольшом житии Александра Первоначальной редакции таких эпизодов два, и это очень значимые характеристики в образе князя. Некий «именитый муж» одной «западной страны» по имени Андреаш, «повидав князя Александра, вернулся к своим и сказал: "Прошел я страны, народы и не видел такого ни царя среди царей, ни князя среди князей"». Почти то же самое говорил своим приближенным хан Батый, к которому в Орду ездил князь Александр по благословению епископа Кирилла: «Истину мне сказали, что нет князя, подобного ему». Если такие слова говорит враг, реальный или потенциальный, — значит, величие героя никем не подвергается сомнению и не является преувеличением его сторонников.

Житие Александра Невского приводит очень важный эпизод из биографии князя. Однажды к нему были посланы два умнейших кардинала папы римского, чтобы рассказать русским о Законе Божьем. Ответ Александра папе Римскому, который не преминул расточить похвалы русскому князю, был достоин великого правителя великой страны. Посовещавшись со своими мудрецами, Александр кратко (и не без иронии) изложил всё, что знают русские о священной истории, о распространении Закона Божьего «от Адама до потопа» и до первого и седьмого Вселенских соборов. «Обо всем этом хорошо знаем», — заключает Александр, — «а от вас учения не примем». Князь был защитником своей страны не только от вражеской силы, но и от враждебных учений.

Иронии не лишены и некоторые другие эпизоды жития, повествующие о врагах. После битвы на Чудском озере «возвратился князь Александр с победою славною, и было много пленных в войске его, и вели босыми подле коней тех, кто называет себя "Божьими рыцарями"». Одна деталь в тексте — босоногие рыцари, бредущие возле своих коней — передает снисходительное, но благородное отношение автора к поверженным врагам.

Автор жития являет себя мастером художественных деталей изображаемого. В таком небольшом тексте сказано так много, в том числе в передаче эмоционального состояния свидетелей славного пути Александра. Этот путь не завершился с окончанием жизни князя, а слава его лишь начала возрастать. Уже Первоначальная редакция жития отразила первое посмертное чудо святого. Оно произошло сразу после смерти Александра Невского. «Когда было положено святое тело его в гробницу, тогда Севастьян-эконом и Кирилл-митрополит хотели разжать его руку, чтобы вложить грамоту духовную. Он же, будто живой, простер руку свою и взял грамоту из руки митрополита. И смятение охватило их, и слегка отступили они от гробницы его». Так тонко, двумя штрихами, передает автор благоговение свидетелей первого чуда перед только что почившим великим князем, являющим свое величие и после телесной смерти. Словно «дал знать» Александр Невский, что не оставляет он народ свой, что он жив, согласно глубокой вере христиан, вечной жизнью, придя ко Христу. Неслучайно князь был удостоен не просто монашеского пострига, а великой схимы с именем Алексей, в конце

жизненного пути посвятив себя Господу, так много помогавшему ему.

Высшего накала чувств полон плач по князю Александру. Это не риторические выражения, приличествующие случаю, а по-настоящему скорбный возглас мужа из круга Александра, потерявшего своего наставника, покровителя, старшего друга, великого воина: *«О горе тебе, бедный человек! Как можешь описать кончину господина своего! Как не выпадут зеницы твои вместе со слезами! Как не вырвется сердце твое с корнем! Ибо отца оставить человек может, но доброго господина нельзя оставить; если бы можно было, то в гроб бы сошел с ним!»*. Примечательно, что зафиксированные в Петровское время солдатские плачи о Петре Первом после смерти первого русского императора, почитавшего Александра Невского как своего небесного покровителя, развивают те же мотивы воинской поэтической речи. В одном солдатском плаче

стоящий в карауле у царской гробницы солдат просит сырую землю расступиться, гробовую доску раскрыться, чтобы вернулся военачальник к своей армии, пребывающей в сиротской скорби.

Как известно, ещё раз к образу Александра Невского русские с благоговением обратятся в годы Великой Отечественной войны. Русский народ, во все времена в величайших испытаниях отстаивавший родную землю, хранил память о князе Александре Невском, само существование которого в истории Руси давало надежду на преодоление испытаний и победу.

А образ Александра Невского сохранила не только народная память, но и литература, оставившая в веках лик великого князя, в котором храбрость и силу неизменно сопровождало упование на милость и помощь Божью.

Князя, непобедимого воина, утирающего слёзы в молитве.

1. Еремин И.П. Житие Александра Невского // Художественная проза Киевской Руси XI—XIII вв. / Сост. пер. и примеч. И.П. Еремина и Д.С. Лихачёва. М., 1957. С. 354–356.

2. Дмитриев Л.А. Повесть о житии Александра Невского // История русской литературы X—XVII вв. М., 1980. С. 173–177.

3. Охотникова В.И. Повесть о Довмонте и княжеские жизнеописания XI—XIV вв. // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 115–128.

Людмила Секретарь

ВСПОМИНАЯ НАШИ ВСТРЕЧИ С ДМИТРИЕМ СЕРГЕЕВИЧЕМ ЛИХАЧЁВЫМ...

Мой жизненный путь, начиная с 1960 года, связан с Новгородом. Он стал для меня родным и притягательным во всех отношениях. Из Новгородской области происходили мои родители. Оба родились в деревне Михеево Мошенского района, учились в Боровичах: мама — в педагогическом училище, отец — в медицинском. После демобилизации отца-офицера пограничных войск — в 1960 году семья переехала с Дальнего Востока, где служил отец, на родину — в г. Боровичи. Я перевелась из Хабаровского педагогического института в Новгородский.

После окончания института в 1964 году я пришла работать в музей, случайно, не задумываясь о будущем и совсем не зная, что я буду там делать. Но оказалось, что музейная работа стала моим призванием на многие годы.

Первый период моего пребывания в музее, с 1964 по 1972 год, оказался очень счастливым. Я познакомилась со многими замечательными людьми, которые оставили неизгладимый след в моей жизни. Особая благодарность судьбе за то, что она подарила встречи с человеком, который остаётся, и не только для меня, примером настоящего русского интеллигента, выдающегося учёного, человека высочайшей культуры и нравственности, патриота своей страны, борца за сохра-

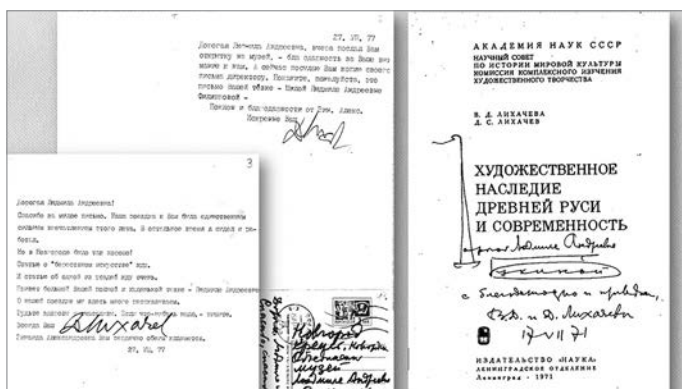
нение её культурного наследия. Основным направлением научной деятельности Д.С. Лихачёва была древнерусская литература, забытая в советское время и высоко поднятая его стараниями в иерархии гуманитарных наук. В 1967 году за книгу «Поэтика древнерусской литературы» учёного удостоили Государственной премии. В сфере его научных интересов была и хронологически близкая к данной проблематике история древнерусского искусства. Но и этим не ограничивался круг его научных исследований. Он глубоко и всесторонне изучал историю русской литературы и искусства XVIII — начала XX века. Волновали его и проблемы морально-нравственной ответственности человека перед обществом. Большую известность Дмитрий Сергеевич получил как общественный деятель. При его непосредственном участии основано Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры, а также Российский фонд культуры.

Впервые я увидела Дмитрия Сергеевича в 1965 году на юбилейных торжествах в честь 100-летия музея. Для Новгорода это было грандиозное событие, отмеченное с небывалым размахом. Среди приглашённых гостей — представители музейных сообществ, видные учёные (историки, археологи, искусствоведы, филологи), реставраторы. На научной конференции

представилась редкая возможность послушать доклады выдающихся исследователей истории и культуры Новгорода. Спустя несколько лет произошло и личное знакомство с Дмитрием Сергеевичем. Это случилось в 1971 году во время очередного приезда его в Новгород. Директор музея Т.А. Смирнова попросила меня (тогда я работала в архитектурном отделе) сопроводить гостя по памятникам архитектуры. Как драгоценную реликвию я храню подаренную им тогда только что вышедшую из печати книгу, написанную совместно с дочерью — Верой Дмитриевной Лихачёвой — «Художественное наследие Древней Руси и современность». Книга подписана: «Дорогой Людмиле Андреевне Букиной с благодарностью и приветом. В.Д. и Д. Лихачевы. 17 VII 71» (Букина — моя фамилия после первого замужества — Л. С.). Первые буквы имени, отчества и фамилии красиво выделены красными чернилами. С Верой Дмитриевной я познакомилась ранее, в 1960-е. Она преподавала в Институте им. И.Е. Репина (Академии художеств) в Ленинграде и регулярно привозила в Новгород своих студентов, с которыми обычно работали либо я, либо заведующая архитектурным отделом В.М. Ковалёва, которая заочно окончила этот институт и была хорошо знакома с Верой Дмитриевной. Сохранилась и оставленная тогда Дмитрием Сергеевичем визитная карточка.

Прошло несколько лет. В 1976 году после окончания аспирантуры на кафедре

русского языка в Новгородском государственном педагогическом институте я ненадолго, до сентября 1977 года, вернулась в архитектурный отдел музея, и именно в этот период произошла вторая встреча с Д.С. Лихачёвым. В июле этого же года он выбрался на несколько дней из Ленинграда, чтобы вновь увидеть любимый им Новгород. Сопровождала его жена — Зинаида Александровна. В тот период Д.С. Лихачёв был знаменит и почитаем в учёных кругах, но при этом его не жаловали партийные чиновники. За ним

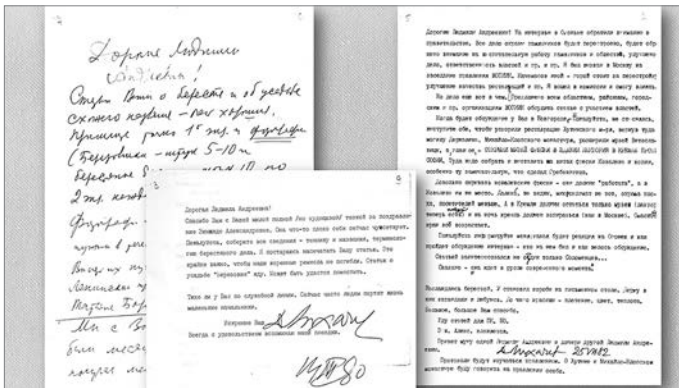

долго тянулся «шлейф неблагоприятности» и вели надзор «компетентные» органы. Бывший узник Соловецкого лагеря для заключённых продолжал вести себя независимо: общался с А.И. Солженицыным, не подписал обращение с обвинениями, направленными против А.Д. Сахарова. Мне поручили сопровождать учёного в его путешествии по городу и окрестностям. Более всего Дмитрия Сергеевича интересовало состояние древних новгородских памятников архитектуры и монументальной живописи. Помню, как на лодке переправлялись от стен Юрьева монастыря на противоположный берег

к разрушенной в годы войны, но уже восстановленной, церкви Николы на Липне. Это плавание очень впечатлило Дмитрия Сергеевича и Зинаиду Александровну, с которой у нас сложились очень тёплые отношения. В один из дней была намечена поездка в Троицкий Клопский монастырь, состояние которого особенно беспокоило учёного. С его согласия я пригласила в эту поездку Людмилу Андреевну Филиппову, которая в то время возглавляла музей «Витославлицы». Выехали на чёрной «Волге», которая полагалась в советское

два года провёл в блокадном Ленинграде. Это вызвало у них удивление и особое чувство уважения: они хорошо понимали, что значило пережить блокаду. Мы благополучно достигли цели и приступили к осмотру монастырских построек. Троицкий собор в 1963—1965 годах был выведен из аварийного состояния новгородскими реставраторами под руководством Леонида Егоровича Красноречева: демонтирован сильно накренившийся центральный купол и на его месте сделано временное перекрытие, разобраны две

поздние главы, сделана временная кровля. Но собор не был закрыт, замки кто-то сбил, и туда могли проникнуть все желающие. Второй храм, колокольня, братские кельи находились в руинированном состоянии. Территория монастыря утопала в зарослях дикого кустарника. Удручающее впечатление от увиденного надолго

время академиком. Но не учли того, что асфальтированная дорога ещё не была проложена до Клопского монастыря. Машина застряла в непролазной грязи недалеко от монастыря. Делать было нечего, и мы с Людмилой Андреевной, привычные к подобным ситуациям, сняли босножки и отправились искать местных жителей, которые помогли бы вытолкнуть из грязи машину и добраться до нужного нам места. Нас выручили крепкие мужчины, которых мы застали в избе за столом. Они легко вытащили машину. Один из них спросил Дмитрия Сергеевича, был ли он на войне, на что получил ответ, что он

осталось в памяти Дмитрия Сергеевича, и позднее при любой возможности он ставил вопрос о реставрации этого уникального монастырского ансамбля с двумя храмами XVI века. Побывали мы также в Хутынском монастыре и в церкви Успения пресвятой Богородицы на Волоотове поле, которые были сильно разрушены в годы Великой Отечественной войны и ещё не восстановлены. Постройки Хутынского монастыря представляли в те годы сплошные развалины. Вспоминая состояние в тот период этого уникального архитектурного ансамбля, кажется невероятным, как новгородские реставрато-

ры смогли из таких развалин на основе глубоких научных исследований восстанавить и древние храмы, и колокольню XVIII века, и западный (береговой) корпус XVII века. А в 1977 году радовали глаз церкви Николая на Липне, Спаса на Нередице и многие другие реставрированные новгородскими архитекторами древние храмы. В письме от 27 августа 1977 года Дмитрий Сергеевич написал: «Наша поездка к Вам была единственным сильным впечатлением этого лета. В остальное время я сидел и работал. Но в Новгороде было так хорошо!». И далее: «О нашей поездке мы здесь много рассказываем». Вскоре он прислал пачку сделанных во время этого путешествия фотографий с подписями на оборотной стороне. Вспоминая это посещение Новгорода, в письме от 29 июля 1980 года Дмитрий Сергеевич заметил: «Поездка в Новгород, которая когда-то была (Липна, Михайло-Сковородский монастырь), — как золотой сон» (Д.С. Лихачев ошибся, назвав случайно Клопский монастырь «Михайло-Сковородским» — Л. С.).

Вскоре после отъезда из Новгорода я получила копию письма Дмитрия Сергеевича, адресованного директору музея — Л.И. Ярош, и открытку для меня, датированные 25 июля 1977 года. В открытке он благодарил меня за участие в значимых для него осмотрах памятников: «Дорогая Людмила Андреевна! Спасибо, спасибо Вам за наши поездки, за Вашу приветливость. Искренне любившие Вас Лихачевы». Учёный не смог встретиться с Людмилой Ивановной и поэтому обратился к ней с письмом. Он высказал ценные предложения, касающиеся сотрудничества Новгородского музея

с Пушкинским домом, в котором он работал: проведение совместных экспедиций по сбору этнографических и рукописных материалов, помощь в описании хранящихся в музее рукописных книг. Вот выдержка из его письма: «Мы очень заинтересованы в совместных экспедициях Вашего Музея деревянного зодчества с нашим Сектором древнерусской литературы. Мы бы собирали рукописи в старообрядческих (бывших старообрядческих, разумеется) районах, а Ваши сотрудники народные вещи, орудия народного труда (на них следует обратить особое внимание). Этот старый быт уходит и уйдет в ближайшие годы после укрупнения селений. Торопитесь посылать за сборами сотрудников. "Частники" разоряют и обирают деревни. Нам надо сейчас собирать и собирать. Кстати, будьте осторожны со списанием фондов. Я слежу за справочниками аукционов по искусству. Русские иконы XIX в. стоят несколько сот долларов». Не помню точно в каком году, в музее списали большое число собранных по области икон XVIII—XIX веков, а также книг из Научной библиотеки. По правилам, они уничтожались, нельзя было отдать их желающим. Это была непоправимая ошибка музейных сотрудников. В письме Дмитрий Сергеевич предложил музею участвовать в написании статей для созданного им ежегодника «Памятники культуры. Новые открытия». Вот как он определил цель его создания: «В этих ежегодниках мы хотим прежде всего печатать музейных работников со статьями об их открытиях. Статьи должны быть короткими, фактивными, содержать по преимуществу доказательства той или иной атрибуции (новой) или сообщения

о каких-либо открытиях. Я приглашаю Новгород и всех новгородских научных работников принять участие в наших ежегодниках». В своём письме Д.С. Лихачёв выразил особое беспокойство состоянием Клопского монастыря и его настенной росписи: «Фрески гибнут. Они XVII в. и очень интересны (подробное изображение монастыря, изображения новгородских святых в интересных одеждах, любопытная композиция Страшного суда, грандиозная Троица над алтарной частью и пр.)». И далее: «XVII век мы по старой плохой традиции не ценим, а это интереснейшая живопись, но в других традициях. Когда в Русском музее устроили выставку петровской иконы, — мы просто ахнули! Надо перестать пренебрегать XVII веком. Это все равно, что пренебрегать народным искусством». Дмитрий Сергеевич очень просил сделать подробную качественную фотофиксацию живописи и начать ремонт кровли на Троицком соборе. И ещё одно необычное предложение сделал он директрисе музея: наладить сувенирное производство древнейшей игры под названием «Мельница», обнаруженной археологами и экспонируемой в историческом отделе. Аналогичную игру, возрождённую в Англии, Дмитрий Сергеевич привёз с собой, хотел, но не смог показать её Л.И. Ярош. Тема игровой культуры Древней Руси интересовала учёного. Не получив ответа на своё предложение, в письме от 9 ноября 1977 года он с юмором заметил: «Мне не ответила Ваша директриса относительно игры "Мельница". Мы в неё (игру, а не директрису) сыграем». По мнению учёного, игры, в том числе и традиционные, народные, в которых занята семья,

детские или взрослые коллективы, имеют большое воспитательное значение. Вспоминаются сразу наши детские игры в лото, чижики-пыжика, лапту.

Учёного волновало всё, что касалось сохранения культурного наследия Новгорода. Не безразличен он был и к современной культурной жизни города. Заинтересовали Дмитрия Сергеевича наши с Людмилой Андреевной рассказы о музейных экспедициях по Новгородской области, любопытных находках, народных ремёслах. Он предложил нам написать статью о плетении из бересты — народном искусстве, которое ещё продолжало жить в новгородских сёлах и деревнях (мы встречались с такими мастерами) — в упомянутый ранее ежегодник «Памятники культуры. Новые открытия». Первый сборник научных статей под таким названием Научный совет по истории мировой культуры АН СССР выпустил в 1975 году, главным редактором и председателем редакционной коллегии которого долгое время был Д.С. Лихачёв.

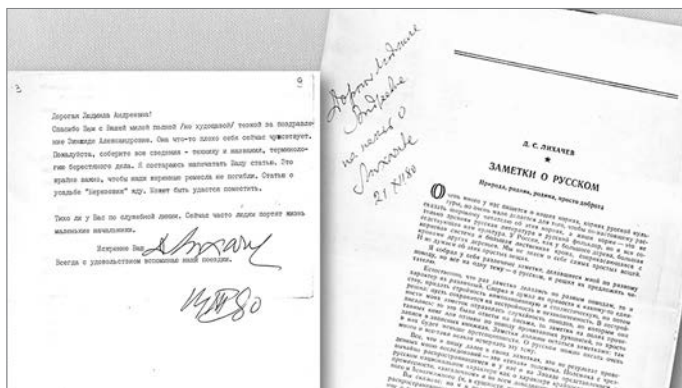
Дмитрий Сергеевич неоднократно подчёркивал, что в сборнике необходимо публиковать статьи не только известных столичных авторов, но и провинциальных исследователей, способных рассказать о новых страницах российской истории и культуры, основываясь на материалах, собранных в научных экспедициях, архивах, музейных хранилищах. Он предложил и нам, никому тогда не известным музейным сотрудникам, включиться в такую работу. Впоследствии в этом сборнике мы опубликовали отдельно и в соавторстве с другими исследователями ряд научных статей. Одновременно со статьёй о бересте я подготовила

статью об истории усадьбы «Березовик», построенной в начале XIX века в стиле деревянного классицизма недалеко от Окуловки на берегу озера. В письме от 29 июля 1980 года Дмитрий Сергеевич написал: «*Статьи Ваши о бересте и об усадьбе схожего названия — очень хорошие*», после чего они были опубликованы.

В 1980 году мы с Людмилой Андреевной, будучи в командировке в Ленинграде, получили приглашение от Дмитрия Сергеевича посетить Пушкинский дом. Мы познакомились с его сотрудниками, увидели кабинет учёного. А вечером по его приглашению оказались в уютной домашней обстановке, где нас угощала прекрасная добрая хозяйка Зинаида Александровна. Мы сидели за большим обеденным столом в гостиной и тихо разговаривали на разные темы. Навсегда запомнилась спокойная и добросердечная беседа в квартире на улице Шверника (бывшей 2-й Муринской).

Прощаясь, Дмитрий Сергеевич подарил нам на память только что изданные «Заметки о русском». Людмиле Андреевне в виде брошюры, а мне — типографского оттиска, предназначенного для какого-то сборника или журнала. Когда я, спустя годы, беру в руки эту статью, внутри меня звучит плавная, литературно совершенная речь автора, как будто не я, а он читает свой текст. «Заметки о русском» написаны просто, ясно, доступно для обычного грамотного человека. Учёный рассуждает о русской природе, особенностях сфор-

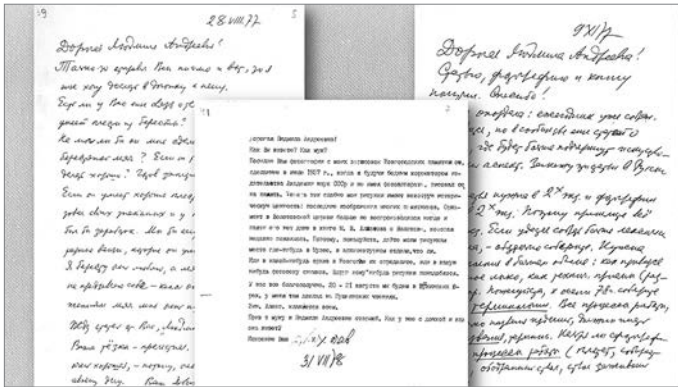
мировавшегося в этой уникальной природной среде национального русского характера, о природе и национальных характерах других народов, об их культурных традициях, о патриотизме и национализме — двух несовместимых понятиях. Затронутая в отдельной главе тема садов и парков как искусства, «наиболее захватывающего и наиболее воздействующего на человека», получила в дальнейшем развитие и вылилась замечательную монографию «Садово-парковое искусство».

Многие мысли учёного воспринимаются как удивительные открытия, а некоторые очень близки и созвучны собственным. Как верно, по-моему, выражено словесно понимание характера средневековых памятников Новгорода и Пскова: «*Мне не кажется правильными характеристики новгородских и псковских церквей как преисполненных только силы и мощи, как грубых и лаконичных в своей простоте. Для этого они слишком велики. Руки строителей как будто вылепили их, а не "вытягивали" кирпичом и не вытесывали их стены. Поставили их на пригорках — где виднее, позволили им заглядывать в глубину рек и озер, приветливо*

встречать "плавающих и путешествующих". Их строили в единении с природой, не чертили предварительно планы на пергамене или бумаге, а делали чертеж прямо на земле и потом уже вносили поправки и уточнения при самом строительстве, присматриваясь к окружающему пейзажу». Скульптурную пластичность новгородских средневековых храмов чувствовали и понимали выдающиеся специалисты нашей реставрационной мастерской. Когда разглядываешь сделанные рукой большого мастера Л.Е. Красноречева шаблоны (крупные чертежи на картоне) фрагмен-

собрать всю возможную информацию, связанную с этим видом народного творчества. В письме от 9 ноября 1977 года он написал: «Если удастся собрать больше лексического материала, — обязательно соберите. Нужна терминология в большом объеме... Нельзя ли сфотографировать процессы работы (плетет, собирает бересту, ободранный ствол, ствол заживший и пр.). Интересует меня — как делали туески без швов (вываривали обрубок березы, сдирали кору, а потом она высухала со вдавленным донцем и крышкой?), как вставляли ручку в крышку и пр.

Всю технологию опишите подробнее». В этом наставлении нам проявляются и пытливый ум учёного, и глубина и всесторонность его подхода к темам исследований, и неиссякаемый, несмотря на возраст, интерес к жизни. Ненавязчиво и по-доброму Дмитрий Сергеевич преподавал нам урок необходимого для исследователя как

тов фасадов церкви Спаса на Ковалёве, предназначенные для реконструкции полностью утраченной части здания, понимаешь, как архитектор, следуя за старыми мастерами, пытаюсь, как скульптор, «вылепить» поверхность стены, найти место каждому камню, каждому кирпичу, не выравнивая и не закрывая кладку толстым слоем штукатурки.

Когда готовилась статья о берестяных изделиях из коллекции Новгородского музея, Дмитрий Сергеевич, понимая нашу неопытность и желая помочь нам сделать её более научной, попросил

можно более глубокого проникновения в изучаемую тему. Его мечтой в то время было возрождение народных промыслов.

Когда мы рассказали Дмитрию Сергеевичу, что в коллекции музея есть мяч, сплетённый из бересты, он искренне заинтересовался этим предметом и обратился с просьбой заказать мастеру его изготовить: «Есть ли у Вас ещё связь с тем стариком, который умеет плести из бересты? Не мог бы он сделать за 10 рублей берестяной мяч? Если он только умеет делать хорошо? Готов заплатить и больше. Если он умеет хорошо плести, то

я бы мобилизовал своих знакомых и у Вашего старика был бы заработок. Мы бы ему заказывали разные вещи, которые он умеет делать. Я бересту очень люблю, а мяча никогда не видел и не представляю себе — какой он. По разным соображениям мяч мне очень нужен» (письмо от 28 августа 1977 года). Мяч он от нас получил.

Зная, что Дмитрий Сергеевич любит бересту, мы с Людмилой Андреевной подарили ему в 1982 году несколько берестяных изделий, исполненных знакомым мастером А.Н. Алексеевым из Новгородского района, после чего в письме от 25 июля этого же года он написал: *«Наслаждаюсь берестой. Установил коробки на письменном столе. Держу в них карандаши и люблюсь. До чего красивы — плетение, цвет, теплота. Большое, большое Вам спасибо»*.

Самое пристальное внимание Д.С. Лихачёв уделял важнейшим проблемам сохранения природной и культурной среды, стараясь быть в курсе всех происходивших в этой сфере событий. Он делал всё от него зависящее ради спасения памятников истории и культуры, разрушаемых временем и страдающих от невежества и безразличия. В борьбу за спасение культурного наследия он пытался включить своих единомышленников и людей, не безразличных к истории своей Родины.

В 1982 году в популярном и читаемом в тот период журнале «Огонёк» (№ 29) было опубликовано большое интервью с учёным, касающееся проблем сохранения культурного наследия. Этому интервью Дмитрий Сергеевич придавал большое значение, в нём он поставил актуальные, требующие вмешательства государства и общества

проблемы. Из 180 тысяч поставленных на охрану в Российской Федерации памятников истории и культуры большая часть продолжала разрушаться в ожидании ремонтов и реставрации. Отвечая на один из поставленных корреспондентом вопросов, Дмитрий Сергеевич заметил: *«Ведь памятник в запущенном состоянии, полуразрушенный, брошенный, захлаленный, на котором «красуется» вывеска с еле различимыми словами: "Охраняется государством", — такой памятник тоже работает с большой силой убеждения, внушения. Со знаком минус. Такой памятник работает в полную силу против памяти народной. Против уважения к чести и достоинству Родины»*.

Обращаясь к государственной власти и обществу, с болью в сердце учёный отметил: *«Давно пора понять, что такие наши города-памятники, как Новгород, Суздаль, Ростов Великий, Устюг Великий, по своей культурной ценности для людей всего мира ни в какой мере не уступают Венеции, Флоренции, Вероне...»*.

Сразу после выхода «Огонька» Дмитрий Сергеевич обратился к нам с Людмилой Андреевной с просьбой поддержать его предложения по Новгороду при обсуждении интервью и держать в курсе событий: *«На интервью в Огоньке обратили внимание в правительстве. Все дело охраны памятников будет перестроено, будет обращено внимание на воспитательную работу памятников, улучшено дело, ответственность властей и пр. и пр. Я был вызван в Москву на заседание ВООПИиК. Кочемасов (Кочемасов Вячеслав Иванович — государственный и партийный деятель, дипломат, с 1962 по 1983 гг. Заместитель Председателя Совета*

Министров РСФСР — Л. С.) иной — горой стоит за перестройку, улучшение качества реставраций и пр. Я вошел в комиссии и смогу влиять. Но дело ещё вот в чем. Предложено всем областным, районным, городским и пр. организациям ВООПИиК обсудить статью с участием властей. Когда будет обсуждение у вас в Новгороде, пожалуйста, не стеснясь, выступите обе, чтобы ускорили реставрацию Хутынского монастыря, вернув туда могилу Державина, Михайло-Клопского монастыря, расширили музей "Витославицы", а, главное, — открыли музей фрески в здании лектория в Кремле против Софии. Туда надо собрать и выставить на щитах фрески Ковалева и копии, особенно ту замечательную, что сделал Гребенников».

И действительно в те годы многое удалось сделать. Новгород вошёл в число приоритетных городов с первоочередным государственным финансированием на реставрационные работы. Большие средства ежегодно выделял ВООПИиК на реставрацию Хутынского монастыря, который архитекторы-реставраторы Новгородской мастерской возродили из руин. Много средств было потрачено на реставрацию настенной живописи в Троицком соборе Клопского монастыря. И в этом, конечно, огромная заслуга Д.С. Лихачёва.

Дмитрий Сергеевич категорично выступал против современного строительства близ церкви Спаса на Нередице. Вопрос о сохранении культурного наследия Новгорода продолжает быть актуальным и в настоящее время. Неизменно поддерживал учёный и создателя Центра музыкальных древностей Владимира Ивановича Поветкина.

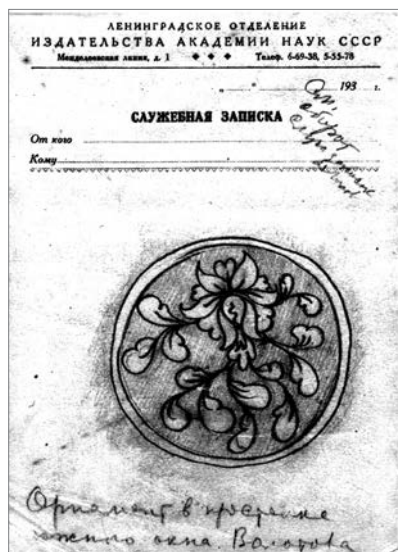
Особенная глубинная связь с Новгородом, в которой переплелись и личные впечатления, и научные интересы, зародилась у Дмитрия Сергеевича уже в начальный период его творческой деятельности. После возвращения из соловецкой ссылки в 1932 году ему с трудом удалось устроиться учёным корректором в издательство АН СССР. В 1938 году его приняли на временную работу в Пушкинский дом, и этому месту он остался верен всю свою жизнь. Годом ранее, в 1937-м Дмитрий Сергеевич приехал в Новгород вместе с женой Зинаидой Александровной, и они провели здесь счастливые дни летнего отпуска. Поселились «на Славне» в доме баронессы Тизенгаузен по мужу, и поповны — по происхождению. Днём гуляли по городу, рассматривали древние памятники, вечером в подзорную трубу в лучах заходящего солнца из окон дома любовались церковью Спаса на Нередице. С наслаждением ели мороженое и любили вечерами посидеть у памятника «Тысячелетие России». Эти впечатления о пребывании в Новгороде Дмитрий Сергеевич записал в своём дневнике, который он вёл, адресуя его своим близким. Дневник под названием «Заметки к воспоминаниям о Вере» — дочери, трагически погибшей в 1982 году, опубликовала её дочь Зинаида Курбатова, которая сейчас работает на центральном телевидении и ведёт репортажи о культурной жизни в России и за рубежом. «Заметки» можно прочесть в журнале «Наше наследие» за 2006 год (№ 78—80), посвящённом 100-летию со дня рождения учёного. Кстати, этот журнал также учредили по его инициативе.

Во время поездки в Новгород в 1937 году у Дмитрия Сергеевича не было

фотоаппарата, и он делал для себя зарисовки древних памятников. «Новгородский альбом» с этими зарисовками вышел из печати через неделю после смерти учёного в 1999 году. А в 1978-м Дмитрий Сергеевич прислал мне фотографии рисунков, сопроводив их письмом с такими строками: *«Посылаю Вам фотографии с моих зарисовок новгородских памятников, сделанных в июле 1937 г., когда я, будучи бедным корректором издательства Академии наук СССР и не имея фотоаппарата, рисовал себе на память. Теперь эти слабые рисунки имеют некоторую ценность: последние изображения многих памятников. Орнамент в Волоатовской церкви больше не воспроизводится нигде, и по памяти его даже нет в книге М.В. Алпатова, которая недавно появилась. Поэтому, пожалуйста, дайте моим рисункам где-нибудь место в Музее, в архитектурном отделе что ли. Или в какой-нибудь архив в Новгороде определите, или какую-нибудь фототеку снимков. Вдруг кому-нибудь рисунки понадобятся»*. Я определила их в архив реставрационной мастерской.

Вскоре после возвращения из Новгорода в Ленинград на свет появились замечательные двойняшки: Вера, названная так в честь матери Дмитрия Сергеевича, и Людмила.

Накануне войны в июне 1941 года Д.С. Лихачёв защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Новгородские летописные своды XII века». Оставшись с семьёй в блокадном Ленинграде, он написал книгу «Новгород Великий. Очерки истории и культуры Новгорода XI—XVII веков», впервые изданную в 1945-м. Через два года, в 1947 году, была опубликована монография «Русские летописи

и их культурно-историческое значение», в которой большое внимание уделено новгородским летописям. Это тема докторской диссертации учёного. Новгородская книжность занимает важное место в таких фундаментальных трудах Отдела древнерусской литературы, которым руководил Дмитрий Сергеевич, как «Словарь книжников и книжности Древней Руси», «Памятники литературы Древней Руси». Он был инициатором и главным редактором этих энциклопедических научных изданий.

Глубокий интерес учёного к новгородской истории и культуре, его любовь к Новгороду, наверное, и были причиной его отеческой заботы и поддержки, которые ощущали мы с Людмилой Андреевной и наши новгородские друзья — Семён Иванович Пустовойтов и Владимир Иванович Поветкин. О них мы много рассказывали Дмитрию Сергеевичу. После того, как он получил от нас в подарок замечательную акварель Семёна Ивановича

с видом церкви Иоанна Богослова на Витке, началась их переписка. Вот как он оценил эту работу в письме от 2 мая 1979 года: *«Какую чудесную акварель Вы нам прислали. И церквушка — моя любимая. Особенно она была хороша до застройки чудовищными домами набережной»*. В этом же письме он написал: *«По Новгороду снова соскучился»*. В июне он собирался привезти в Новгород армянских учёных, приглашенных в Пушкинский дом на научную конференцию.

В моём архиве сохранились два отзыва Дмитрия Сергеевича на статьи, которые мне переслала редактор сборника «Памятники культуры. Новые открытия» Т.Б. Князевская.

На нашу совместную с Л.Е. Красно-речьевым статью «Троицкая церковь из Реконского монастыря — памятник народного деревянного зодчества XVII века» отзыв был такой: *«Очень интересная и важная статья. Непременно взять для X тома, тогда будем иметь из Новгорода и другие статьи. "Лирическое" вступление оставить. Оно создает атмосферу, в какой находился памятник»*. Моя статья, посвящённая творчеству губернского архитектора В.С. Поливанова, получила такую оценку: *«Л.А. Секретарь — хороший знаток архитектуры Новгорода. Статья тоже хорошая, главное написана по архивным данным, т.е. абсолютно свежая. Её (автора и статью) следует поддержать»*. Статья на самом деле обычная, и в этой оценке я вновь вижу желание помочь провинциальным авторам в их важной исследовательской деятельности.

В последнем письме от 22 января 1996 года Дмитрий Сергеевич благословил меня на написание книги «Дома, со-

бытия, люди (Новгород. XVIII — начало XX вв.)» таким строками: *«Блестящая идея. Желаю Вам успеха. Даже дворники станут работать лучше... А руководителям города как это нужно. Ведь многие не понимают, что Новгород надо любить не только "Великим", но и провинциальным. Как я жалею, что у меня нет сил сейчас чаще бывать в Новгороде и ходить по его улицам»*. Письмо написано после нашей последней встречи в Пушкинском доме слабеющей рукой, но мысли, вложенные в эти строки, остаются актуальными и сейчас. В тот же приезд в 1996 году я побывала второй раз в гостях у Лихачёвых. Кроме меня за обеденным столом сидели муж трагически погибшей дочери Дмитрия Сергеевича и Зинаиды Александровны Веры Юрий Иванович Курбатов — известный петербургский архитектор, член-корреспондент Академии архитектуры и строительства, и их дочь Людмила Дмитриевна — сотрудница Русского музея. В этом гостеприимном доме бывали многие люди. Зинаида Александровна готовила сама и умела сделать свой дом комфортным и уютным. Для меня семейная пара Лихачёвых остаётся примером настоящей человеческой привязанности, понимания и теплоты, которые они пронесли через всю свою долгую совместную жизнь. Спустя годы я благодарю судьбу, что эти люди были в моей жизни.

Последняя поездка в Новгород у Дмитрия Сергеевича состоялась в 1995 году. Он участвовал в «Чтениях по древнерусской литературе», организованных в НовГУ им. Ярослава Мудрого. Во время экскурсии он поднялся на вал, попросил оставить его одного и попрощался с любимым и таким близким ему городом.

Александр Кириллов

ШАХМАТНЫЙ ДЕБЮТ

Древний Новгород называют одним из крупнейших «центров шахматной игры» в средневековой Руси. При раскопках на его территории, на усадьбах в разных концах города найдено немало шахматных фигурок, сделанных из разного материала (дерева, кости, камня и пр.), что свидетельствует о широком развитии этой игры среди разных слоёв населения. Попробуем заглянуть не столь глубоко в историю и осветить весьма скудные страницы «шахматной» жизни города на рубеже XIX—XX веков.

Отправной точкой для небольшого экскурса возьмём 1885 год, когда в новгородской типографии Н.И. Богдановского было издано в виде брошюры «Руководство для изучения шахматной игры и ее теории», составленное штабс-капитаном Николаем Александровичем Рыбалтовским, служившим на тот момент командиром 2-й полубатареи 22-й артиллерийской бригады,

квартировавшей в Новгороде. По всей видимости, это было первое специальное местное издание, целиком посвящённое шахматной игре.

Немного об авторе книги. Н.А. Рыбалтовский, родившийся в 1852 (1853?) году, происходил из старинного дворянского польского рода, представители которого с XVII века верно служили российскому

престолу на военной службе. Его мать, Юлия (Серафима) Семёновна, была из известного княжеского рода Урусовых. Юный выпускник Павловского военного училища в августе 1873 года был зачислен прапорщиком в 22-ю артиллерийскую бригаду, где прослужил почти 30 лет. В конце 1880-х он в чине капитана занимал должность заведующего хозяйством 3-й батареи 22-й артиллерийской бригады, в середине 1890-х годов заведовал там же бригадной учебной командой. В 1898—1900 годах подполковник Рыбалтовский на рубеже веков

Титульный лист
 к «Руководству для шахматной игры
 и ея теории»
 Н.А. Рыбалтовского, 1885 г.

состоял командиром 7-й батареи 37-й артиллерийской бригады, расквартированной в Селищенских казармах, в 1901 году он уже возглавлял 2-ю батарею 22-й артиллерийской бригады.

Автор-составитель написал к руководству прекрасное, умное предисловие. Свой труд, где, по его же словам, нет ничего «новоизобретенного», Рыбалтовский оценивал весьма скромно, как первый опыт «в составлении почерпаемых из многих источников сведений, относящихся до правил, способа изучения и истории шахматной игры», им были сделаны «выборки» из целого ряда источников, основным из которых он называл немецкое издание А. Гебелера (в переводе А.И. Куколевского). При

работе над книгой он также использовал руководства, изданные на иностранных языках, в частности французском и польском. Свою главную задачу автор видел в составлении краткого руководства, как для начинающих заниматься шахматами, так и для лиц, умеющих играть, но не знающих шахматной теории. Заодно Рыбалтовский надеялся пробудить у читателей интерес к древней игре. Не последним побудительным мотивом к написанию руководства послужил очевидный факт, что в России того времени почти нельзя было найти дешёвых шахматных изданий, а среди имеющихся дорогих — очень многие были написаны на русском языке.

По мнению Рыбалтовского, его руководство могло «служить верным справочным указателем во всех спорных вопросах между игроками-любителями, особенно в тех случаях, когда импровизация в ходах и положениях фигур касается извращения этой игры». Ему не раз приходилось сталкиваться с любителями игры, которые упорно отрицали пользу и даже само существование шахматной теории. Согласно убеждению составителя, хулители шахматной теории не знали, что та «вовсе не давала правил играть так, а не иначе, но, создавая правила ходов для начала и развития партий и приводя игры замечательных игроков, она создает науку игры, со всею математической последовательностью и логикой. В этом случае

она тождественна с математикой, результатом изучения которой является точность или правильность соображения мыслей, доставляющая нашим суждениям логическую последовательность». «Незнание шахматной игры умаляет значение и силу этой игры, низводит ее с пьедестала умной и серьезной на более низкую ступень», — подчеркивал Рыбалтовский. Тем же, кому его доводы и примеры могли показаться неубедительными и недостаточными для привлечения их к изучению шахматной теории, автор брошюры предлагал на первый раз, хотя бы «по принуждению», разыграть несколько партий «славнейших игроков» и самим

Герб рода Рыбалтовских

почувствовать «прелесть этой царственной игры».

Наряду с партиями известных зарубежных шахматистов в руководстве Рыбалтовским приводились любопытные партии отечественных мастеров этой игры, в частности князей Сергея и Дмитрия Семёновичей Урусовых — родных братьев своей матери. С.С. Урусов, имевший в армии звание генерал-майора, считался одним из лучших шахматистов своего времени в России и являлся автором работ по теории шахмат. Он, к примеру, написал «Руководство к изучению шахматной игры», публиковавшееся частями в 1859—1861 годы в «Шахматном листке». Действительный статский советник Д.С. Урусов входил в число учредителей Петербургского общества

любителей шахматной игры, основанного в 1853 году, и состоял членом комиссии по выработке уставов шахматной игры 1854 и 1857 годов. Вполне вероятно, что именно Урусовы привили юному Николаю любовь и интерес к древней игре.

Любопытно привести названия шахматных фигур («шашек») и их вариации, использующиеся в руководстве: королева (ферзь, дама), офицер (лауфер, слон), тура (ладья, тур-пушка — «изображенная башней пушка»). Имеется там и пояснение

такого рода: «...все фигуры, кроме пешек, часто называются вообще офицерами».

Одна из глав в руководстве была посвящена «недавно изобретенному» варианту древней игры — «шахматной игре вчетвером», придуманной в основном для

любителей картёжной игры в вист. К обыкновенной шахматной доске прибавлялось с каждой стороны по три ряда клеток, всего по 24, так что игра происходила на 160 клетках. При таком варианте игры два игрока-«союзника», сидящие напротив друг друга, играли белыми фигурами разной величины, а двое других — чёрными. «Шашки» (так автор называет все шахматные фигуры) устанавливались в последних двух рядах. «Союзникам» разрешалось советовать между собой только в случае, если одному из них грозил мат или

шах. Рассказывая об «игре вчетвером», Рыбалтовский отмечал, что сделанные в ней отклонения от традиционной игры с двумя участниками никак нельзя считать усовершенствованием классической шахматной игры.

В последней части брошюры среди прочего материала, главным образом исторического характера, Рыбалтовским были помещены три шахматные задачи, почерпнутые им «из рукописей древних времен».

Сергей Семёнович Урусов.
Литография 1857—1860 гг.
из альбома П.Ф. Рерберга
«Севастопольцы»

Рыбалтовский за долгие годы своей службы в составе 22-й артиллерийской бригады сумел завоевать искреннюю любовь и уважение среди сослуживцев. Офицеры за глаза называли его «папочкой», а нижние чины буквально «обожали» своего командира, за всю свою службу не отдавшего под суд ни одного солдата. *«Надо в солдатике смотреть человека, а не машину, строгостью только его озлобишь»*, — обычно говаривал он.

В 1904 году Рыбалтовскому было присвоено звание полковника. 26 июля 1905-го 2-я батарея 22-й артиллерийской бригады сердечно и трогательно простилась со своим «горячо любимым» командиром, получившим назначение возглавить вновь сформированную в Гродно 10-ю Восточно-Сибирскую стрелковую парковую артиллерийскую бригаду, отбывавшую на театр военных действий на Дальнем Востоке.

Известно, что к концу 1900-х годов полковник Рыбалтовский командовал 2-м дивизионом 6-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады.

В сентябре 1905 года в Новгороде появился ещё один страстный поклонник и пропагандист шахмат — Адольф Адольфович Граф. Выходец из лифляндских мещан, бывший студент Юрьевского университета, выдержавший в 1904 году испытания на звание преподавателя

в Петербурге, был принят учителем немецкого языка в Новгородское реальное училище. Прекрасно образованный молодой человек, серьёзно занимавшийся лингвистическими исследованиями древнегерманского эпоса, заявивший о себе

как о разностороннем спортсмене и неплохом музыканте, вдобавок ко всем своим вышеперечисленным достоинствам, был хорошим шахматистом. Но, очевидно, главной заслугой А.А. Графа за время его пребывания в Новгороде стало то, что он показал себя весьма усердным и настойчивым популяризатором физической культуры, в том числе и шахматной игры.

В ноябре 1905 года в «Волховском листке»

от имени А.А. Графа, проживавшего тогда в доме Данилевича на Нутной улице, было дано следующее объявление, адресованное «господам шахматистам»: *«С согласия образующегося шахматного кружка, прошу желающих принять участие в шахматном турнире и заявить об этом мне. В турнире будут участвовать 10—12 игроков»*. Примечательно, что здесь же прилагалась одноходовая шахматная задача «№ 1», «сообщенная» неким господином Б., что стало, по-видимому, первым опытом подобной публикации в истории местной периодики.

Официального признания первый шахматный кружок тогда не получил. Наступивший вслед за революционными

Дмитрий Семёнович Урусов.
Фото последней четверти XIX в.

событиями 1905 года реакционный период во внутренней политике государства был совсем неподходящим временем для проявления какой-либо общественной самостоятельности и любых гражданских инициатив. В губернском центре, наряду со многими другими явлениями общественной жизни, на какое-то время прекратилась, по сути, так и не успев начаться, всякая публичная шахматная деятельность.

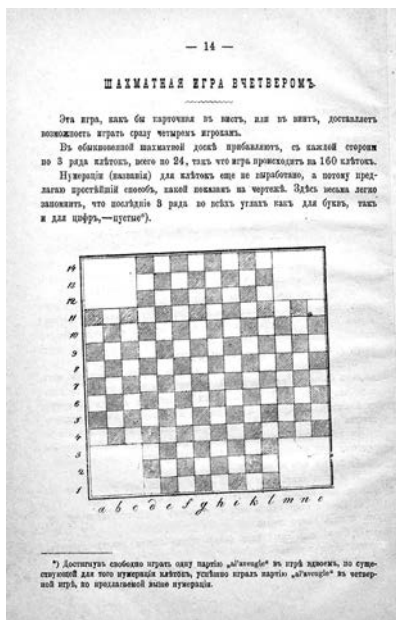
Впрочем, в Новгороде в начале XX века существовали определённые места, где желающие могли всегда сыграть партию-другую в шахматы. В первой половине 1900-х часть территории усадьбы М.В. Шульгина в конце Мало-Михайловской улицы арендовало Новгородское общество велосипедистов-любителей, устроившее там своеобразный сад для спортивных игр. Публике в саду, наряду с разными спортивными играми и другими развлечениями, предлагали сразиться в настольные игры, такие, например, как шахматы и лото. Примечательно, что в те годы скоротать время за шахматной доской можно было даже в некоторых значимых местах. Так, в ресторане городского головы А.А. Соловьёва в Летнем саду желающие под закуску и бокал вина могли посидеть

за шахматами и шашками. В 1910 году Новгородский губернатор разрешил вести игру в шахматы и шашки в «Русском трактире», расположенном на Большой Московской улице и тоже принадлежавшем А.А. Соловьёву. Несмотря на то, что этот вид досуга пользовался гораздо меньшей популярностью у публики, чем азартные игры на бильярде и в карты, определённая категория посетителей предпочитала именно его.

В начале августа 1909 года в местной газете появилось сообщение, что в Новгороде, благодаря инициативе всё того же А.А. Графа, начался шахматный турнир с участием десяти любителей. Его организаторы через газету выразили пожелание, чтобы число участников турнира пополнилось ещё хотя бы двумя шахматистами. Игры предполагалось проводить

как в Клубе соединённого общества, так и на частных квартирах участников. Все сведения и правила проведения соревнований можно было узнать у А.А. Графа, к тому времени проживавшего в доме Масловского на Большой Московской улице.

Заметный всплеск интереса к шахматной игре в Новгороде произошёл в начале 1910-х. Главным образом благодаря

Вид шахматной доски для игры вчетвером.
Из «Руководства для шахматной игры и её теории»
Н.А. Рыбалтовского, 1885 г.

энергии и организаторским способностям А.А. Графа шахматы, особенно среди учащихся средних учебных заведений, получили небывалую популярность, стали чаще проводиться турниры. В апреле 1911 года закончился шахматный турнир в Общественном клубе, размещавшемся в двухэтажном здании на Козьмодемьянской улице на территории усадьбы Стальных. В отсутствие нескольких сильных местных шахматистов в соревновании приняло участие только девять человек. Победителем турнира стал «студент» Лукирский, следом за ним шёл А.А. Граф, а третье место занял один из братьев Чупятовых. Кроме них, в соревновании участвовали Завилович, Данюшевский, Канин, Верхопятницкий, Гайсинский и Рубинштейн.

Небольшая справка об участниках турнира, которая, за отсутствием имён (инициалов) указанных шахматистов, носит в известной степени гипотетический характер. Триумфатором турнира, по-видимому, был сын надворного советника, служившего землемером, Пётр Иванович Лукирский, бывший на тот момент учеником 7-го класса мужской гимназии (в те годы учащихся старших классов гимназии в обиходе иногда именовали студентами). Впоследствии П.И. Лукирский станет известным учёным-физиком, получит

звание академика. Между тем совершенно нельзя исключить, что звание лучшего новгородского шахматиста мог завоевать старший брат будущего учёного. Кто именно из Чупятовых (а всего в семье было пять братьев) участвовал в турнире, точно сказать трудно. Вероятнее всего, это мог быть Галактион Терентьевич Чупятов, который считался одним из самых сильных и универсальных спортсменов Новгорода той поры, а также был одним из учредителей местного спортивного кружка и входил в состав его комитета. Николай Чупятов тоже принимал участие в основании и работе спортивного кружка. Ещё один из братьев, Леонид, ставший учеником К.С. Петрова-Водкина, позже вырос в крупного художника и теоретика

Объявление из «Волховского листка», 1903 г.

авангарда. Его художественная манера и взгляд на искусство позволяют думать, что его творческой натуре должны были быть близки дух и философия шахмат. Дмитрий Васильевич Верхопятницкий, выпускник учительской мужской семинарии, состоял сотрудником статистического бюро в Новгородском губернском земстве. Перед революцией он активно включился в общественно-политическую деятельность. На выборах в Учредительное собрание в 1917 года статистик проходил в списках выборщиков от Партии

народной свободы (Конституционно-демократической партии). Тогда же он состоял в редакционном бюро «Новгородской жизни». В разные годы Верхоятницкий был автором ряда статей и трудов по статистике Новгородской губернии. В советское время он работал научным сотрудником в нескольких институтах и учреждениях Москвы и Ленинграда, имел степень кандидата экономических наук. Василий Петрович Гайсинский служил вольнонаёмным капельмейстером в 87-м пехотном Нейшлотском полку, квартировавшем в Аракчеевских казармах. Иногда он писал театральные и музыкальные рецензии в «Волховском листке». Арон Михайлович Завилов по профессии был дантистом. Что касается двух последних, то вполне возможно, что непосредственно участвовали в турнире не они, а кто-либо из их сыновей. Насчёт оставшихся участников турнира, лишь можно предположить, что это были молодые люди из семей местных торговцев, среди которых мельком приходилось встречать упоминание указанных фамилий.

Сразу после окончания турнира его организаторы через газету объявили о том, что ими в скором времени будет организован «уравнительный (Handicap)» турнир, для участия в котором призывали записываться всех любителей шахмат. Вероятно, для привлечения к шахматной игре как можно большего количества заинтересованных лиц организаторы делали заявление, что в новом турнире со стороны сильных и опытных игроков новичкам будет даваться фора (гандикап) для выравнивания возможностей. Одновременно сообщалось, что все лица, инте-

ресующиеся шахматами, могут всегда по вечерам найти себе в клубе подходящих по уровню подготовки партнёров.

Шахматный матч между Лукирским и А.А. Графом состоялся в мае 1911 года. В очном поединке лавры победителя достались А.А. Графу, опередившему на одно очко соперника в матче из шести игр.

В том же месяце в реальном училище прошёл внутренний шахматный турнир среди шести учеников 5-го класса. На этот раз выявить лучшего не удалось, так как сразу трое юношей — Гусаковский, Виноградский и Болонин — набрали равное количество очков.

Именно сильнейшие участники последнего турнира, к тому времени перешедшие в следующий (шестой) класс, к которым присоединился Коваленков, занявший в том турнире четвёртое место, составили команду своего учебного заведения в матче с гимназистами. Неоднократно выраженное желание учащихся реального училища сразиться, по примеру столичных средних учебных заведений, в шахматном поединке с воспитанниками гимназии наконец-то получило своё воплощение в жизнь в начале ноября 1911 года. Открытие турнира, организатором и руководителем которого был А. А. Граф, состоялось в здании реального училища в присутствии училищного начальства. Каждое учебное заведение выставило команду из четырёх человек. За команду мужской гимназии выступали ученики разных классов: Воинов, Израильтан (Израельтан), Соловьев и Котов.

Гусаковский уже имел среди сверстников авторитет сильного игрока, неслучайно за ним закрепилось прозвище

«Пилсбери» — по имени американского шахматиста, большого мастера комбинационной игры. В турнире он сумел продемонстрировать способность к проведению быстрых комбинаций, однако ему часто не доставало выдержки и внимания для оценки позиции на шахматной доске в завершающей стадии партий. Реалист Николай Болонин, получивший среди юных шахматистов прозвище «Чигорин», провёл весь турнир «со спокойствием старых мастеров». Он родился в семье учителя рисования реального училища Ф.Ф. Болонина. Его отец, окончивший Императорскую Академию художеств со званием неклассного художника, умер в 1910 году в чине статского советника. Леонид Коваленков приходился сыном другому весьма уважаемому в городе учителю начальной школы И.Т. Коваленкову. Юноша неплохо рисовал, его работы были представлены на первой художественной выставке в Новгороде в марте—апреле 1911 года. Осенью 1918 года Л.И. Коваленков был избран секретарём первого в городе Общества художников и вскоре даже стал его председателем. Котов, которого в гимназии окрестили «Ласкером» (в честь немецкого шахматиста чемпиона мира Э. Ласкера), вероятно, происходил из семьи инспектора по сельскому хозяйству Управления земледелия и государственных имуществ, статского советника Н.И. Котова, а Воинов был сыном секретаря уголовного отдела Окружного суда, надворного советника Н. К. Воинова.

Реалисты очень сильно начали принципиальный для обеих команд матч. В первом туре они всухую разгромили гимназистов — 4 : 0. Однако в последующих турах сильнее оказались воспитан-

ники гимназии. В шахматных поединках они показали больше выдержки и уверенности. Матч завершился с общим счётом 9 : 7 в их пользу. Команда победителей получила специально учреждённый переходящий кубок. Решающее очко в копилку гимназистов принёс Котов, обыгравший Гусаковского. Чтобы вернуть себе утраченное реноме одного из сильнейших молодых игроков, Гусаковский после турнира вызвал Котова на индивидуальный поединок из трёх партий. Матч между амбициозными юношами не выявил победителя, завершившись ничьей.

Запись ходов финальной части партии, сыгранной в первом туре «ученического» шахматного турнира, партия между Котовым и Коваленковым была приведена в «Новгородской жизни». Более того, в газетной заметке даже был сделан аналитический разбор ходов. Есть основание полагать, что подобная запись партии между местными игроками впервые появилась на страницах новгородского издания.

Несмотря на то, что «шахматная муза» играла весьма скромную роль в школьной жизни тех лет, находилось немало подростков, которые охотно поменяли физические занятия на умственные. А в младших классах реального училища началась настоящая «шахматная лихорадка». Между разными классами стали устраиваться «побочные» турниры, в которых нередко младшие ученики брали верх над своими более взрослыми товарищами.

В декабре 1912 года начался второй шахматный матч между командами мужской гимназии и реального училища. Гимназисты выставили следующий состав: Израельтан (Израильтан) (8-й класс),

Созин, Кольцов, Соловьев (7-й класс), Котов (6-й класс), Покровский (запасной). Реалистов представляли: Болонин (7-й класс), Фридман, Нейманд, Евстигнеев (6-й класс), Федоров (4-й класс). С самого начала матча завязалась упорная борьба, первый тур закончился вничью — 2,5 : 2,5, а вот итоги турнира остались неизвестны.

Как видно из составов команд, представлявших учебные заведения, те значительно обновились. Кое-что о новичках. Нейманд приходился сыном бывшему директору и инспектору реального училища К.К. Нейманду, умершему в 1910 году. Отцом Кольцова, по всей видимости, был член Окружного суда, статский советник (с 1914 г. — действительный статский советник) М.Д. Кольцов, гласный городской думы и преподаватель права и в гимназии, и в реальном училище. Чиновник пользовался в Новгороде заслуженным уважением за свою многолетнюю и многостороннюю общественную деятельность. Впервые среди участников шахматных баталий встречается имя Созина. Речь идет о Вениамине Иннокентьевиче Созине, который впоследствии стал, пожалуй, самой интересной и яркой фигурой в истории новгородских шахмат, по крайней мере, первой половины XX века. Он был сыном священника Софийского

Вениамин Иннокентьевич
Созин

собора, с 1912 года занявшего место протоиерея Никольского собора. Вениамин Созин окончил полный курс 8 классов Александровской мужской гимназии в 1914 году с золотой медалью. Последний экзамен в их классе состоялся 31 мая

1914 года. В газетной заметке, посвященной этому событию, говорилось: *«На другой день в ресторане Малаховича состоялась традиционный товарищеский обед, после которого зрелые юнцы в новых студенческих фуражках и куртках весело разгуливали по саду»*. Любопытная и довольно странная традиция бытовала в те годы среди выпускников гимназии. Они выбрасывали в Волхов надоевшие им учебники. По этому поводу в местном издании писали: *«Многими*

учебниками, как непригодным балластом в жизни, уважено дно Волхова».

После окончания гимназии В.И. Созин поступил на физико-математический факультет Петроградского университета. Но Первая мировая война заставила его прервать обучение, в 1916 году он был мобилизован в армию. В декабре того года окончил школу прапорщиков в Киеве. Позднее Созин какое-то время проходил службу в 177-м пехотном запасном полку, расквартированном в Новгороде. Летом 1917 года в составе 29-го стрелкового полка он находился в рядах

действующей армии на Румынском фронте. В Новгороде Созин снова оказался в 1918 году, где устроился на работу бухгалтером. Все часы своего досуга он посвящал шахматам. Здесь он стоял у основания Новгородского шахматного клуба. Впоследствии Вениамин Иннокентьевич стал известным мастером шахматной игры, но более всего он преуспел в развитии шахматной теории. На протяжении

нескольких лет он — редактор теоретического отдела журнала «Шахматный листок». Также Созин автор двух книг и массы статей по шахматной тематике. Его именем назван вариант сицилианской защиты «Атака Созина» (после развития варианта Р. Фишером — «Атака Созина — Фишера»).

Таким выдался шахматный дебют в истории дореволюционного Новгорода.

Предлагаем вниманию читателей цикл публикаций из записок о посещении Новгорода и его древностях, сохранившихся в дневниках путешественников и исследователей новгородской старины XVIII—XX веков. Первыми в этом ряду будут «Несколько дней в Новгороде Великом» П.П. Свинына, увидевшие свет на страницах журнала «Отечественные записки» в №№ 15 и 17 за 1821 год.

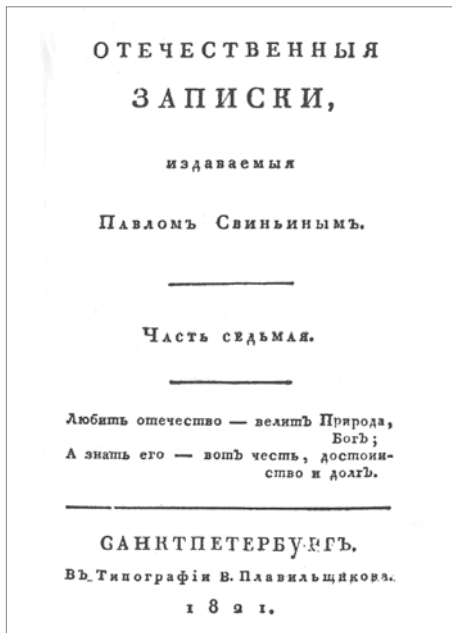
Нина Жервэ

**НОВГОРОДСКИЕ ДРЕВНОСТИ ГЛАЗАМИ
ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ И ПАЛОМНИКОВ
(ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)**

*Гейман. Портрет П. П. Свинына.
Собр. Ивл. Эрмитажа.*

*Нойман. Портрет П. П. Свинына.
Собр. де l'Ermitage Imperial.*

Популярный литературный жанр «путешествий», начало которому в России было положено в XVIII веке появлением «Писем русского путешественника» Н.М. Карамзина, является одним из значимых источников для изучения древних памятников. По его следам стали появляться и описания путешествий по русским землям. В путевых дневниках, записках, очерках российских авторов — путешественников и паломников, учёных и литераторов — были отражены не только их личные впечатления о поездках, но, что очень важно, описания российских древностей. В поле зрения авторов попадали и новгородские древности, и святыни.

На волне патриотического подъёма, охватившего Россию после Отечественной войны 1812 года, пробуждается и особый интерес к познанию собственной истории и собственных святынь. А появление «Истории Российской» Н.М. Карамзина направило внимание русского общества к прошлому своей земли.

Русские журналы публикуют письма, заметки, впечатления путешественников по святыням русской земли. В этих записках отсутствовали глубина и серьёзность, присущие «Путешествиям» А.Н. Радищева и Н.М. Карамзина, но зато в полной мере отразилось национальное чувство гордости русского человека своим прошлым. Новгород стал одним из важнейших объектов подобных путешествий.

Свои записки и впечатления о Новгороде начала XIX века оставили известные исследователи новгородской старины Н.Я. Озерецковский, епископ Евгений (Болховитинов), П.П. Свиныин, А.Н. Муравьёв и другие авторы. В этих сочинениях сохранились описания новгородских святынь, храмов и монастырей, архитектурных памятников и исторических строений, этнографические особенности Новгородской земли.

В 1821 году в нескольких номерах журнала «Отечественные записки», издаваемого с 1818 года Павлом Петровичем Свиныиным, были помещены заметки под названием «Несколько дней в Новгороде Великом». Автор, подписавшийся инициалами «П. С.», угадывается довольно легко — это сам Павел Петрович — один из активных участников Общества истории и древностей Российских. Через 5 лет в трудах этого общества были напечатаны его же «Извлечения из археологического путешествия по России». В «Отечественных записках» он предполагал публиковать, прежде всего, свои путевые заметки, записки, наблюдения и исследования. Первые номера журнала почти целиком состояли из материалов авторства самого Свиныина, включая иллюстрации. Кроме собственных статей, он помещал здесь материалы на темы истории, географии, быта и нравов России и населяющих её народов.

В очерке «Несколько дней в Новгороде Великом», говоря об «ужасе и сожалении», которые он испытывал при виде развалин Новгорода, Павел Петрович всё же очень детально описывает местные святыни: Софийский собор, «*противостоявший 7 веков ужасным поворотам — физическим и моральным, вокруг его свирепствовавшим*». Пользуясь сведениями, почерпнутыми из известных в то время трудов, он приводил наиболее интересные легенды и предания о прошлом Новгорода. Перечислены

и описаны важнейшие древности, находящиеся в самом соборе (захоронения, врата, иконостас), в его ризнице и библиотеке. На территории Новгородского кремля внимание путешественника привлекли его стены и башни, здание Присутственных мест, Архиерейский дом, барка, на которой путешествовала императрица Екатерина II. На Торговой стороне — Вечевая башня, Ярославов дворец, дом Марфы Посадницы — личности, которая занимала умы современников Пушкина и декабристов. Не утруждая себя осмотром храмов, путешественник замечал: *«Весь берег Волхова усеян церквами, стоящими как бы в линию. Я насчитал их 16, а говорят, большая половина сломана».*

При объезде окрестностей его внимание привлекли именно те объекты, которые тоже были окружены романтической дымкой преданий: городище Рюрика, Перынский скит, Волоотово поле. Среди новгородских монастырей Павел Свиньин отметил Хутынский, Антониев, Десятинный и Духов. Удивительно, что ни слова не сказано о самом древнем монастыре Новгорода — Юрьевом, основанном в 1030 году, хотя в 1818 году в «Вестнике Европы» был опубликован текст древнейшей княжеской грамоты Юрьеву монастырю, обнаруженной в Новгороде Евгением (Болховитиновым). Зато последние строки заметок автор посвятил восторженному отзыву о красоте новгородок, *«веселый нрав которых не мало увеличивает их прелести».*

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

№ 15. Июль, 1821.

НѢСКОЛЬКО ДНЕЙ

ВЪ

НОВѢГОРОДѢ ВЕЛИКОМЪ.

Павел Свиньин

Нигде и никогда не бываю я столь грустен и уныл — без всякой причины, как проезжая Новгород. Не знаю, почему я смотрю на развалины сего города совсем другими глазами, чем глядел на все другие; они поселяют во мне ужас и некоторое родственное сожаление,

между тем как созерцание Римских, Генуэзских, Мавританских — рождало единственно приятную меланхолию, перенося воображение мое за множество веков назад, представляя мне борение Природы с человеческим искусством, повергая меня, так сказать, в бесконечность...

Первой достопамятностью великого Новгорода есть, конечно, древний Софийский собор; на него и обратил я первое внимание, приуготовив предварительно память свою изучением исторических изысканий Преосвященного Евгения 1), М.Т. Каченовского, 2), Павла Ив[ановича] Сумарокова 3), и многих других источников и преданий*.

Стены Собора необычайной толщины и состоят из кирпича и дикой плиты; сверх того для прочности, с полуденной и северной стороны подведены к ним пять каменных быков (**) (контрфорсов). Верх его украшается шестью главами: 5 над серединою и одна над ризницею. Все они ярко позолочены. Вышина церкви 18, ширина 17, а длина 15 сажень. Внутренность утверждена на 10 столпах, поддерживающих тяжесть купола, который в вышину имеет 5½ сажень.

Кроме главного храма во имя Успения Божией Матери, в нем находятся четыре придела:

1) Во имя св. Богоотцев Иоакима и Анны.

2) Подле него — во имя Рождества Богородицы.

3) С левой стороны собора — во имя св. апостола и евангелиста Иоанна Божьего слова.

4) С северо-западной стороны — во имя усекновения честной главы св. пророка и предтечи Иоанна.

В сем положении более семи с половиною веков Софийский собор проти-

востоят ужасным переворотам — физическим и моральным, вокруг его свирепствовавшим, быв даже четыре раза жертвою пламени. Первоначальное место его было на берегу Волхова, за присутственными местами, на улице известной в древности под именем Епископля, где построен был храм сей в 992 году епископом Иоакимом о 13 главах, (коиими, вероятно, подразумевал святитель Иисуса Христа с 12-ю апостолами). Он сделан был из дубового леса, и, по неосторожности, сгорел в 1049 году. На другой год, на том же самом месте, воздвиг каменную церковь богатый новгородский гражданин Сотко, во имя св. благоверных князей Бориса и Глеба, которая разрушена была до основания немцами в 1167 году, и развалины ее доселе еще видны. После сего уже выстроен Владимиром Софиевский собор в нынешнем его виде.

Иконостас здешний о четырех ярусах и имеет большое сходство с Успенским московским. Святые врата глухие, обложены серебряными полосами, ярко вызолоченными. Семь нижних икон древнейшего греческого письма. Из числа оных местные образа: св. Премудрости Божия и св. апостолов Петра и Павла, присланные сюда Владимиром Великим по взятии Корсуни, увезены были в числе трофеев Иоанном Васильевичем в Москву и возвращены сюда уже в 1572 году. От царских дверей по правую сторону

* 1) Исторические разговоры о древностях Великого Новгорода; 2) О медных дверях Софийского собора в Новгороде. В. Е. 1811 года. № 8; 3) Новгородская История, находящаяся еще в рукописи.

** Собор сей воздвигнут в 1045 году св. Благоверным Князем Владимиром Ярославичем Новгородским и строился 7 лет.

образ Всемилоственного Спаса, сидящего на престоле, прислан в дар новгородцам из Царя-Града от императора Еммануила. На образе сем Иисус изображен держащим в левой руке книгу Св. Евангелия, с греческими словами из зачала II от Иоанна, а правую указующим долу.

Во втором ярусе помещены образа 12 апостолов; в третьем — двенадцати Господних праздников, а в 4-м — образа св. пророков. Все они покрыты серебряными позлащенными ризами или обложены басменным серебром.

Пред иконостасом повешены 4 серебряных паникадила: среднее, крупнейшее из них, сделано в царствование Бориса Годунова.

При первых двух столпах, против иконостаса, устроены два места: Царское и Святительское. Они украшены богатою резьбою и прорезными крестами наверху — с полулунием. Сие последнее кажется чрезвычайно странным: желатель но бы изыскать время и причину, когда вкрался сюда сей признак татарского владычества, тем более, что царское место в соборе сем учреждено впервые в 1572 году по приказанию царя Иоанна Васильевича — и по верху оно, сказано в Киев[ской] истор[ии], сделан был голубь — в символ окончания бедствий Новгорода.

В куполе замечателен образ Спасителя со сжатой десницей. Предание толкует сие следующим образом: живописцу, писавшему его, слышался трижды свыше глас, который провозвестил, чтоб он написал Спасителя со сжатой рукой вместо благословляющей: «Аз бо, вещал

оний глас, в сей руце моей великий Новгород держу, когда же сия моя рука распространится, тогда будет и граду сему окончание». Многие наблюдатели находят горсть Иисуса более и более разжимающейся и трепещут о конце вселенной, а неверные — утверждают, что это есть действие оптики, которое можно заметить, рассмотрев сие изображение с разных сторон.

Любопытнейшей достопамятностью могут похвастаться здешние медные литые врата, находящиеся на западной стороне. Видимые на них вместе славянские и латинские надписи, изображения и одежды, приличные греческой и латинской церкви — запутывают, теряют в догадках самых глубокомысленных антиквариев, на счет их работы и происхождения: одни утверждают, что они Корсунские, присланные сюда Владимиром ('), другие же полагают их привезенными из какого-нибудь Ганзеатического города. — Сие последнее гораздо вероятнее, ибо по самой художественной части они далеко отстают от того совершенства, коим ознаменованы греческие произведения сего рода; напротив, рисунок их и сочинение напоминают возрождение изящных искусств в Германии: в сем можно убедиться, рассмотрев некоторые изображения происшествий ветхого завета, на них представленные, как то: создание Евы из ребра Адамова и проч. Отливка металла довольно чиста. Весьма легко можно заметить также, что двери сии убавлены из больших: несколько закрытых надписей поперечными досками утверждают в сей догадке. Говорят, что гр. Н.П. Румянцев

* Основываясь на сказании Нестора, стр. 82 по Кенигсбергскому списку: «Взяже два капища медяны и четыре кони медяны».

прислал сюда нарочного художника еще в 1817 году для снятия верной модели с сего любопытного памятника отдаленной древности, а потому должно ожидать верного его объяснения.

В Софийском соборе опочивают многие святые мощи:

1) Святителя Никиты, Печерского затворника. Он родом из Киева и поставлен был в новгородские архиереи в 1096 году. Мощи его обретенны в царствование Иоанна Васильевича, в 1558 году.

2) Архиепископа Иоанна, уроженца Новгорода, где сперва был он священником при Власиевской церкви, а потом посвящен в архиепископы в 1165 году. Кроме святого жития — он прославился сочинением Новгородского летописца. Мощи его опочивают сверх земли и обретенны в 1439 году октября 4 дня.

3) Святителя Григория — родного брата Иоанна.

4) Мощи св. благоверного князя Владимира Ярославича, строителя Софийского собора. Он — первый сын Ярослава, княжил в Новгороде 18 лет и преставился в 1058 году. Мощи его почивают поверх земли.

5) Св. благоверной княгини Анны, матери св. князя Владимира Ярославича. Она была невестой Олава, короля Норвежского и называлась тогда Ингердой. Преставилась в 1050 году.

6) Мощи св. блг. князя Федора Ярославича. Князь сей, старший брат Александра Невского, преставился в день своего бракосочетания в 1233 году июня 5-го и положен был в Юрьеве монастыре; но, по разорении оного шведами, мощи его перенесены сюда по повелению царя Михаила Феодоровича.

7) Св. князя Мстислава Ростиславича — внука Мономаха. Он княжил в Новгороде 20 лет и преставился в 1180 году. Положен в приделе Рождества Пресвятой Богородицы.

В обеих папертях, находящихся при здешнем соборе, погребены многие новгородские архиереи и митрополиты. В числе первых замечательны Иоаким, неумоимо трудившийся 38 лет в обращении новгородцев в христианскую веру; Феофил, ревностно защищавший соотечей своих в несчастные времена и пострадавший вместе с Пименом; Феофан Прокопович, знаменитый богослов, ритор и политик, гремевший на кафедре пылким красноречием в царствование Петра Великого; Иов, восстановитель просвещения в Новгородской епархии; митрополиты: Дмитрий Сеченов, Гавриил Петров, пользовавшиеся особенным уважением Екатерины II, и наконец Амвросий Подобенный, основатель Семинарии Новгородской. Память сего последнего еще очень жива здесь, и приближение его к смертному часу весьма примечательно. Говорят, что когда по получении увольнения своего на покой в Новгород, приехал он сюда и прикладывался к местному образу в сем соборе, то задел клубком за лампаду и несколько капель масла брызнуло ему на лицо. Он перекрестился, утерся и сказал: «Слава Богу, Пресвятая Богородица сама соборуеть меня!» Вскоре заболел преосвященный, и лекарь советовал ему лечь в постель: «Я лягу, сказал он, но уже не встану более». Рано поутру служка услышал, что в комнате у митрополита читают отходную, он заглянул и увидев, что сам преосвященный творил ее, побежал к наместнику, но уже его не стало...

Амвросий во время своего председательствования в Синоде сделал много добра духовному сословию. По его докладу духовные имеют казенные квартиры в городе, что отвратив их от нужд, поправило их самую нравственность. Вдовам священников, сиротам их и церковнослужителям выдается некоторая часть из церковной суммы; в сем преосвященный основывался, как я сам от него слышал, на изречении Соборного положения, где сказано, что казна церковная — есть собственность бедных. Какие же бедные ближе своих и более имеют права на ее вспоможение?

На верху собора устроены хоры, по бокам коих две продолговатые палаты. В сих последних помещаются библиотека и ризницы, соборная и архиерейская. Идя по лестнице, отец Анастасий показал нам глубокое отверстие, сделанное в широкой стене, в коем сохранялись церковные сокровища во время шведских грабительств и в которое намерены были положить их в случае внезапного нашествия Наполеоновых войск в 1812 году на Новгород. Но в сем последнем случае, заметил я, тайница сия, непроницаемая для древних грабителей, не укрылась бы от новых. Они нашли бы ключ к ней, ибо искусство грабительства доведено было ими до утонченного совершенства!

Ризница богата редкостями во всех отношениях.

Нельзя без особенного удивления и благоговения взирать на облачение епископа Никиты. Быв около 500 лет в земле на святителе и около 150 сохраняясь в ризнице, где нередко любопытными передается из рук в руки, одежда

сия не только непричастна тлению, но и самые краски материй нисколько не изменились в своей свежести. Облачение состоит из осьми предметов: 1) штофного фелона или ризы коричневого цвета; 2) амофора, 3) палицы, 4) епитрахили, 5) поручей, 6) пояса и 7) шапочки. Сверх того к вещам святителя Никиты принадлежат: посох, сделанный из трех жимолостных тросточек с костяными яблоками и рогулей, на коей вырезаны изображения святых; вериги железные, весом 14 фунтов, снятые с нетленного его тела; и железная лампада, на коей вокруг следующая надпись из сквозных букв: «свечка великаго Новграда всех православных крестьян, поставлена новому Чудотворцу Никите в лето 7066, Апреля в 30 день при Архиепископе Пимене».

Второй редкостью показывается здесь келейная мантия Моисея, архиепископа новгородского, которой со дня погребения его в 1352 году считается теперь 468 лет. Его же амофор с вышитыми начальными словами его имени; вериги, кои носил святитель во всю тружническую жизнь свою, и Евангелие, им самим писанное на пергамене.

Белый клубок, присланный в 1352 году новгородскому архиепископу Василию от Патриарха Филофея с тем, чтоб он и будущие по нем новгородские архиереи носили его на главах своих — весьма любопытен по многим отношениям. Покрывало сие пожаловано было первоначально в IV веке Константином Великим папе Сильвестру в знак признательности за то, что от руки его он принял Святое крещение. Из Рима перенесено оно в половине XIV столетия

в Константинополь. (*) Верх его или туля вышита из горного льна (амианта), а отвесы осыпаны крупным жемчугом и драгоценными камнями.

За сим следуют ризы крещатые; на них в кружках выткана буква Ф, означающая имя патриарха Филофея. Они присланы в 1355 году от императора Иоанна Кантакузина в дар Моисею, архиепископу новгородскому. При них стихарь с изображением вокруг крестов имени Иисуса Христа.

Мантя св. Иоанна, архиепископа Новгородского не менее примечательна своею древностью — ей более 630 лет.

Два древних, серебряных вызолоченных сиона. Они греческой работы и выносились при больших выходах, а ныне заменяются митрой.

Три креста: в одном из них часть животворного древа.

Два знамени стрелецких и значок с вензелем царя Алексея Михайловича. Они прикреплены к длинным шестам, имеющим на верху пики.

Два знамени новгородских. На одном из них с правой стороны изображен Нерукотворный образ Спасителя со следующей греческой надписью: Το ατιον μακλυιοη (т. е. Святой образ). Под образом начертано: «По указу Великих Государей и Великих Князей Иоанна Алексеевича и Петра Алексеевича всея великия, и малыя и белыя России Самодержцев, а по приказу ближняго Боярина и Воеводы Новгородскаго и Наместника Тверскаго Князя Бориса Ивановича

Прозоровскаго, да усердным тщанием гостя Ивана Семенова, построено бысть сие знамя ко украшению полковаго строения Рогатицы и Иворовы улицы жителей, радетельным же промыслом над теми вышеупомянутых улиц жителями и совершился в лето 7203(1695.)» С правой стороны надписи изображен красками св. Антоний Римлянин, с левой Варлаам Хутынский, по краям же восемь звезд и обруч из черной краски.

Левая сторона знамени рознится от правой единственно изображением Климента и Ипатия.

Средина знамени сделана из тафты голубой, стороны из желтой, а углы из розовой.

На другом знамени изображены с одной стороны св. князя Владимир и Борис на конях, а с другой — Александр Невский и Глеб.

Здесь сохраняется также шапка князей новгородских и несколько редких монет, как то: Иоанна Даниловича Московского 1328 г., Иоанна Васильевича III, 1462 г., Иоанна В[асильевича] Грозного, Бориса Годунова, Шуйского, Владислава, польского королевича, с надписью: «Царь и Великий Князь Владислав Жигимонтовичь всея России и проч.» Особенно же примечательны две новгородские монеты величиною с полушку. На одной изображен князь с венцом на главе и держащий палицу и скипетр на правом плече. Он стоит, а пред ним ратник с крестом в руке преклоняет колена. На обороте князь изображен сидящим в креслах, а ратник

* В здешней библиотеке (см. 2-й разговор о Нов. древностях) есть особенная рукописная повесть о сем клобуке, которая староверами напечатана в 1786 году в Стрельской их типографии. Но повесть сия на Московском Соборе, бывшем в 1667 году и потом в духовном регламенте, объявлена ложной.

на коленях, простирающим к нему свои руки. Другая монета с небольшою переменой, позолочена и с ушком. Замечательна здесь еще монета с государственным орлом и с надписью: 10 денег. Она также с ушком и вызолочена.

В числе редкостей — по ценности и по богатству первое место занимают ризы Патриарха Никона. Жемчуга, коими они унизаны, необычайной величины и красоты.

Из панагий богатейшие и замечательнейшие суть следующие: 1) с портретом императрицы Екатерины II, осыпанным вокруг крупными солитерами — жалована преосвященному Димитрию в 1762 году. 2) Золотая, с огромным яхонтом в середине, на коем с отличным искусством вырезано распятие Христа Спасителя. 3) Панагия преосвященного Пимена — золотая. В середине на кипарисе вырезана София, а сверху оной яхонт с изображением Иисуса. 4) Крест золотой с тремя продолговатыми сквозными яхонтами, на коих вырезаны: Распятие, Божия Матерь и Иоанн Богослов. Крест сей принадлежал папе Урбану IX и подарен Екатериною II митрополиту Гавриилу.

Здесь хранится также Евангелие, писанное собственной рукой св. Пимена. В нем инде вместо Иисус написано Исус, что дало повод суеверам утверждать, что по сему должно так и писать сие слово; но в любопытном извлечении, сделанном митрополитом Гавриилом из сего Евангелия, явствует, что сие есть ни что иное как орфографическая ошибка, ибо чаще написано здесь же Иисус.

Из дворца, в коем останавливался Петр Великий, перенесены сюда некоторые употребляемые им вещи, как то: трость с набалдашником, в коем были

часы, табакерка, им самим выточенная, и паникадило.

Заметишь ли дубинку, коими вооружены были опричные, разъезжавшие по Волхову в лодках, когда разгневанный царь Иоанн приказал мятежных новгородцев кидать с моста в Волхов?

Библиотека здешняя особенно любопытна: она восприяла свое начало с построением Софийского собора, ибо по введении христианства в Новгороде, соборная церковь сия должна была снабжать служебниками другие церкви, а потому она была богата всеми церковными книгами, употреблявшимися в первых и средних веках христианства в России, но они утрачены при разных разорениях Новгорода. Третьей эпохой составления Софийского книгохранилища может почесться заведение духовного училища при доме Архиерейском под руководством ученых братьев Лихудов, коих манускрипты на русском и греческом языках донныне сохранились здесь в большом количестве. 4-й эпохой умножения библиотеки — есть введение книгопечатания в России в 1644 году. С того времени предписано было отправлять божественное служение повсюду по печатным книгам, а рукописные книги собираемы были отовсюду для хранения в Софийской библиотеке. 5) Наконец присланы были сюда в 1785 году древние рукописи, взятые из Кириллова Белозерского монастыря. Теперь книгохранилище сие, заключающее не с большим 3000 книг, может почесться по всей справедливости драгоценнейшим во всей России по редкости рукописей, из коих многими пользовался знаменитый историограф наш Н. М. Карамзин.

Под ризницей находится темная кладовая, в коей свезено, по повелению Петра Великого изо всей России великое множество разной величины резных образов, коих изображения не могут быть терпимы по установлениям греческой церкви. В том числе находится огромная Халдейская печь, в коей праздновалось здесь ежегодно сие происшествие пред Рождеством с величайшей церемонией. Печь ярко освещалась снутри, куда также становились три мальчика из певчих, кои пели различные кантаты. Петр запретил как здесь, так и в Москве сие торжество.

Штат Софийского собора состоит ныне из 12 человек, в древности же был из 40.

Вторым предметом моего любопытства был самый Кремль. Это есть один из уцелевших остатков величия Новгорода. Но неумолимое время грозило и ему совершенным уничтожением: уже многие башни рассыпались, стены готовы были упасть, как государь император Александр Павлович пожаловал в прошедшем 1818 году 50 000 рублей на поправку и поддержание Кремля. И так вскорости мы увидим его в прежней красе и твердости. Хвала, благодарение Монарху, уважающему памятники древности своего отечества! Из высоких башен, коими украшался некогда великолепный Кремль, осталась только одна к Софийской стороне. В ней видны комнаты, а потому можно поверить преданию, повествующему, что сюда приходили владетельные князья, а более их княгини и княжны (*) любоваться на Новгород, цветущий богатством, блестящий бесчисленными золотыми куполами церквей и ко-

локолен. Какой вид должен был представляться отсюда, когда и теперь он есть один из прекраснейших и богатейших!

Питейный дом, находящийся у Софийского моста, называется Поднабатным, а сие напоминает, что на том месте, где приметна ныне пустота в стене, служащая воротами, стояла высокая башня, на коей висел набатный колокол, не менее вехового известный в истории новгородской. Колокол сей перенесен на колокольню Знаменской церкви. При Архарове, говорят, продолжали еще звонить в него во время пожара, и он издает особенно унылый гул.

Против Софийского собора выстроенно при Екатерине II огромное здание для присутственных мест. К сожалению, оно постигнуто было пожаром в 80-х годах, и с тех пор стоит неоконченным, а присутственные места переведены на торговую сторону в бывший Императорский дворец, где и теперь они помещаются. Государь же и царская фамилия в проезд свой через сей город останавливаются в Архиерейском доме, находящемся в самом Кремле подле собора.

Здесь любопытны также два озера, полные всегда водой, хотя они более 40 футов над поверхностью Волхова. Вероятно, что они выкопаны для того, чтоб в случае обложения крепости не иметь осажденным нужды в воде. Из озер сих струится небольшой исток в одну из боковых башен. Так как на ней с внешней стороны написан был на стене образ Спасителя, то и учреждена здесь часовня и неугасаемая лампада. За сей последней блюдет старушка, которую теплая вера и усердие согревают в самые морозы!

* Кои, по старинному обычаю, редко прогуливались и ездили по городу.

Отсюда по узенькой лестнице и разнообразным деревянным переходам сошел я в бастион, на коем поставлена барка, служившая Великой Екатерине для достопамятного путешествия по Волге. Новгородское дворянство испросило дозволение у покойной императрицы сохранишь сию барку в позднейшие времена — памятником благодетелей, изливаемых государыней повсюду, где она ни являлась на ней! Чем приятнее были для меня сии благородные чувства знаменитого сословия, чем уважительнее представлялась мне сия похвальная признательность новгородцев к благодетельной монархине, тем непонятнее было как бы забвение, в коем барка сия ныне находится. Сарай, в котором она поставлена, валится и являет жалкий вид разрушения; пышные убранства внутренних стен ее обветшали! Нет, сказал я себе в утешение: нет! сие минутное нерадение не есть еще знак забвения или неблагодарности, нет! Российское дворянство всегда будет пламенеть живейшей признательностью к своей благодетельнице, предаст в вечное обожание — из потомства в потомство — милости великой царицы. Нет! всякий русский дорожит наималейшею вещью, собственно принадлежавшей Екатерине II, так как она дорожила достоянием последнего из своих подданных; тем паче драгоценен должен быть для него предмет, свидетельствующий о попечении ее к своему народу, о постоянном стремлении ее узнать короче свою нацию — дабы излить на все состояния права и льготы им сродные, приближающие их к истинному счастью и предопределению... В Петров день

Н.П. Архаров, бывший новгородский генерал-губернатор, давал ежегодно в барке сей великолепный обед и бал для дворянства и купечества, а ликующий народ веселился вокруг на бастионе. Говорят, что и после Архарова некоторые из губернаторов повторяли сие торжество...

Дабы узнать историю Кремлевских стен, заглянем в любопытные «Разговоры о древностях Новгорода великого». Мы найдем там, что первый город или Кремль на сем месте основал князь Ярослав I, окопав его валом. После того в Софийской летописи упоминается под годом 1302, что новгородцы опять заложили тогда сей город или Кремль, названный Детинцем, вероятно потому, что во время войны сводили туда детей для сохранения. Сию новозаложенную стену начал однако строить в 1331 году и кончил ее Василий, архиепископ новгородский. Потом поновлена стена сия на церковную Софийскую казну — 1384 году. Но стена опять развалилась, и архиепископ Иоанн 2-й вновь ее заложил всю в 1400 году. Через 90 лет она паки развалилась, и в 1490 г. Великий князь Иоанн Васильевич повелел Амуролу Аристотелю две части оной достроить своей собственной казной, а третью часть на иждивение новгородского архиепископа Геннадия. Наконец стена сия починена при Петре Великом и с тех лор существует донныне.

Население Кремля можно полагать в древности было весьма значительно, основываясь на описи, сделанной по Новгороду в 1623 году, из коей видно, что во внутренности стен его находилось 152 двора, 26 церквей и 36 лавок.

(Продолженіе впрѣдъ.)

В публикации сохранена орфография и пунктуация автора

Жанна Дроздова

МАТЕРИАЛЫ О ДОСТОЕВСКОМ В «НОВГОРОДСКИХ ЕПАРХИАЛЬНЫХ ВЕДОМОСТЯХ»

Журнал «Новгородские епархиальные ведомости» издавался в Новгороде в период с 1875 по 1919 год при Духовной семинарии, выходил в свет два раза в месяц и имел широкий круг читателей в губернии. Это местное официальное церковное периодическое издание. Подобные журналы существовали почти во всех епархиях Русской православной церкви. После Февральской революции 1917 года многие из них прекратили существование. В 1917 году официальные издания выходили в 61 епархии, в 1919 — в 15 епархиях, из них лишь три в губерниях, занятых большевиками, в том числе и Новгородской. Издания 1917—1922 годов в комплексе не собраны нигде, многие номера невозможно найти ни в одном хранилище. После Великой Отечественной войны издавались лишь в Рижской епархии (1948—1950). Возобновление издания журнала во многих епархиях произошло в конце 1980-х годов.

Нами были исследованы полные комплекты «Новгородских епархиальных ведомостей» до 1917 года и издания 1917—1919 годов, которые имеются в Научной библиотеке Новгородского музея-заповедника.

Журналы, как правило, состояли из двух частей (или отделов): официальной и неофициальной, последняя иногда называлась «Прибавление» к «Епархиальным ведомостям». В период с 1875 по 1893 год «Новгородские епархиальные ведомости» выходили без неофициальной части.

В официальной части печатались все важнейшие и относящиеся к данной епархии манифесты, указы, повеления и рескрипты императоров, указы, распоряжения, определения, отношения Сената, Государственного совета, Кабинета министров и других государственных учреждений, Синода и его обер-прокурора, а также распоряжения епархиального начальства, различные годовые отчёты.

В неофициальной части содержались сведения по епархиальной статистике, материалы по церковной истории и археологии, заметки о религиозном и нравственном состоянии народа, хроника епархиальной жизни, жизнеописание, материалы, посвящённые местным праздникам, месточтимым иконам, храмам, периодически публиковались заметки о пастырской практике, образцовые проповеди, внебогослужебные беседы.

Впервые неофициальная часть появилась в третьем номере «Новгородских епархиальных ведомостей» за 1894 год, в первую очередь богата статьями по истории местной епархии. Редакторы стремились сделать содержание журнала полезным и интересным для всех категорий читателей: помещались статьи исторического характера, сообщения о важнейших событиях в жизни государства, проповеди, речи, поучения, апологетические и катехизические тексты. Имели место статьи по богословию, литургике, церковной истории, педагогике, о миссионерстве, старообрядчестве, сектантстве, об иноверии. Печатались назидательные рассказы и стихи, обзоры духовной и светской литературы, а также юбилейные статьи о русских писателях, например об А.С. Пушкине, Л.Н. Толстом, Ф.М. Достоевском.

Материалы, касающиеся Ф.М. Достоевского, которые удалось выявить в журнале, можно разделить на несколько групп: 1. Церковно-приходская школа имени Ф.М. Достоевского в Старой Руссе; 2. Братство святого великомученика Фёдора Тирона в Старой Руссе; 3. Жизнь и творчество писателя.

Церковно-приходская школа имени Ф.М. Достоевского в Старой Руссе

В неофициальной части регулярно публиковались отчёты о деятельности церковно-приходских школ епархии, в число которых входила школа имени Ф.М. Достоевского, открытая в Старой Руссе в 1883 году Анной Григорьевной Достоевской, вдовой писателя. Она считалась образцовой среди всех учреждений, самой крупной по количеству учащихся. Первая отдельная статья, посвящённая школе Достоевского, вышла в № 23 за 1896 год. Автор, священник Иоанн Смелков, сообщал о преобразовании смешанной одноклассной школы в женскую двухклассную, предназначенную для обучения девочек из бедных семей: *«Эта школа с самого основания располагает достаточными средствами, которые доставлены были разными лицами и учреждениями в уважение к памяти Ф.М. Достоевского, помещается в прекрасном двухэтажном здании и по своей материальной обеспеченности и постановке учебного дела всегда была лучшей не только в Старорусском уезде, но даже и во всей Новгородской Епархии... Новооткрытая школа уже на первых порах пользуется симпатией общества...»* В ходе торжества была *«пропета вечная память боярину Федору, обнаружившему в своих бессмертных трудах любовь к меньшей братии нашей и указавшему человеческое достоинство во всяком униженном и оскорбленном».*

В № 23 за 1898 год в заметке «Празднование в Старой Руссе 15-летнего существования школы имени Ф.М. Достоевского» рассказывается о торжестве, в ходе которого вспоминали о Достоевском.

Так, директор школы священник Иоанн Румянцев выступил с речью о страшном убийстве царя Александра II, после чего совершился «поворот в сознании» и начали открываться новые школы, в том числе и школа Достоевского. Смотритель Духовного училища В. Смирнов в своём обращении отметил, что «росту» школы, кроме благодати и помощи Божией, служило и имя Достоевского, которое, «как магнит, привлекло и привлекает к ней симпатии» многих людей. Он называет писателя христианским учителем и проповедником любви христианской ко всем и говорит, что Достоевский указывал на то, что русское духовенство призвано и только одно оно может соединить веру с просвещением народа в школах.

Ещё через десять лет священник Дмитрий Горский, который являлся в тот момент директором школы, публикует статьи: «Историческая заметка о состоянии Старорусской церковно-приходской школы имени Фёдора Михайловича Достоевского при Благовещенской церкви за 25 лет её существования от 1883—1908 гг.» и «Описание торжества 25-летнего юбилея Старорусской церковно-приходской школы имени Ф.М. Достоевского». Материалы были разбиты на части и опубликованы в «Новгородских епархиальных ведомостях» за 1908—1909 годы в 8 номерах.

В первой статье подробно рассказана история школы: как она возникла, какие известные личности содействовали её существованию, как решались финансовые вопросы, как строился педагогический процесс. Во второй описано юбилейное торжество, в ходе которого часто звучало имя Достоевского. Так, священник

Александр Пылаев говорил: «...понятно и то, почему почитатели приснопамятного Фёдора Михайловича Достоевского остановились на мысли почтить память его устройством церковной школы. Он, покойный, в жизни своей и в своих бессмертных произведениях стремился осуществить идеал христианина, безропотно несущего крест свой до конца. И школа, посвященная его имени, преследует именно эти же задачи...». Владыка Гурий, опираясь на биографию писателя, сказал: «Там, в далекой Сибири, он [Достоевский] близко сошелся с Русским народом и глубоко познал его верующую и богопреданную душу. А это познание привело его к духовному возрождению, о котором... он и проповедует во всех своих бессмертных произведениях... В них он раскрывает истинный смысл жизни и необходимость духовного возрождения каждого человека».

Архиепископ Новгородский и Старорусский Гурий, а затем и его правопреемник, владыка Арсений, бывая в Старой Руссе, часто посещали школу имени Достоевского. В № 41 «Новгородских епархиальных ведомостей» за 1913 год отмечено: «Владыка [Арсений] выразил удовольствие, что посетил школу, которая носит имя великого писателя и христианина, на сочинениях которого он воспитывался».

Начиная с 1900 года упоминания о школе мы встречаем и в отчётах о праздновании Дня святых Кирилла и Мефодия в Старой Руссе, когда подводились итоги учебного года, так называемые «акты», устраиваемые в помещениях школы Достоевского. В России такие торжества проходили по указу Святейшего Синода с 1863 года. Традиция возоб-

новились в 1986 году, когда 24 мая было объявлено «Днём славянской письменности и культуры».

Дом-музей Ф.М. Достоевского ежегодно принимает участие в праздновании. В настоящее время акции проводятся у памятника писателю, открытом в 2001 году. В 1990 г. в Старой Руссе была создана Воскресная школа при Георгиевской церкви, в память о церковно-приходской школе имени Ф.М. Достоевского.

Братство во имя святого великомученика Фёдора Тирона в Старой Руссе

В память о Ф.М. Достоевском при Благовещенской церкви Старой Руссы в 1885 году было учреждено Братство во имя святого великомученика Фёдора Тирона. Материалы о деятельности этого общества встречаются в «Новгородских епархиальных ведомостях» за 1895, 1901, 1903 и 1908 годы.

В № 8 за 1895 год помещена статья, посвящённая 10-летию со дня основания Братства. В ней идёт речь об учредителях объединения, среди которых значится вдова писателя Анна Григорьевна Достоевская, об уставе и задачах Братства: *«...распространение грамотности и религиозно-нравственного просвещения и развития церковного пения. Выполнение первой задачи — развития грамотности — братством предположено достигнуть посредством школы Достоевского... Средствами ...служат чтения и братская библиотека, доступная для всех».*

В воскресные дни, начиная с октября месяца и до Вербного воскресенья, по вечерам в школе Достоевского проходили

религиозно-нравственные беседы и лекции на исторические темы, именуемые «Народные чтения». Особенной торжественностью и многочисленностью отличались Чтения в день памяти святого Фёдора Тирона 17 февраля [ст. ст.], когда непременно поминали и Фёдора Михайловича Достоевского. Вели их священники и учителя, которые преподавали в школе и в Старорусском духовном училище. В 1902 году представители этого училища обратились к архиепископу Гурию с предложением о переносе «Народных чтений» из школы Достоевского, поскольку *«...школа стоит на окраине, в грязную, осеннюю пору в ней собирается мало народа».* С 1907 года, по постановлению Братства, беседы зимой перемещались в зал Городской думы, расположенный в центре города и более удобный для посещения.

Жизнь и творчество писателя

В 1896 году, когда исполнилось 15 лет со дня смерти писателя и 50 лет со времени выхода в свет первого произведения Ф.М. Достоевского повести «Бедные люди», в № 6 «Новгородских епархиальных ведомостей» опубликована статья «Из Старой Руссы». Сообщалось, что в церкви святого великомученика Георгия 24 января была совершена литургия и заупокойная панихида по Ф.М. Достоевскому. Перед литургией в школе Достоевского выступил обозреватель и епархиальный наблюдатель П.Н. Спасский, который рассказал присутствующим о значимости событий. По окончании литургии слушали священника Иоанна Румянцева, который был первым директором школы Достоевского, лично хорошо

знал писателя и был его старорусским другом. Фёдор Михайлович жил в доме этого священника летом 1872 года, когда впервые приехал в Старую Руссу. Священник отметил, что *«в произведениях Федора Михайловича находятся прекрасно выраженные руководящие мысли о просвещении народа в духе церкви православной, единственно пригодном для русского народа, которого Федор Михайлович знал как никто более, ибо он жил с ним много лет, работал с ним, и народ перед ним не таился, ибо он был ему равен во всем... Все сочинения писаны Федором Михайловичем с благословения Божия, перед многими из них эпиграф из Евангелия. Поэтому-то церковно-приходская школа лучший и вполне пригодный памятник ему»*. В статье рассказывается, как появился памятник Достоевскому в Петербурге и была построена школа в Старой Руссе.

Следующая статья под названием «Достоевский о вере и неверии» вышла в № 1 за 1903 год, со ссылкой на журнал «Исторический вестник», в котором был напечатан отрывок из воспоминаний студента Петербургской духовной академии Александра Алексеевича Зеленецкого, ставшего впоследствии церковным историком. Студент сообщает Достоевскому о своём неверии, на что писатель обрушивает тираду слов, которые произвели такое сильное впечатление на Зеленецкого, что он «с этого момента стал глубоковерующим человеком»: *«...Но прежде всего нужно уверовать в Бога, в русского Христа, который, "удрученный ношей крестной, нашу Русь исходил, благословляя", нужно полюбить народ и святую правду его»*. Воспоминания Зеленецкого интересны

с познавательной стороны, поскольку знакомят читателей с чисто человеческими качествами писателя.

В неофициальной части первого номера журнала за 1905 год опубликована статья «Истинная любовь и сила её влияния», в которой неизвестный автор ссылается на слова старца Зосимы из романа «Братья Карамазовы»: *«Братья! Не бойтесь греха, любите человека и во грехе его...»*, выступающие главным заветом писателя любить всех и всея Божией любовью. Автор, анализируя образ Алёши Карамазова как живой пример святой любви у Достоевского, приводит цитаты из романа, характеризующие героя, и делает вывод: *«Так велика сила любви! Под её лучами тают ледяные покровы холодного сердца, и в нем пробуждается новая жизнь, зарождаются новые чувства»*.

Указом Священного Синода от 18 июня 1903 г. редактором неофициальной части «Новгородских епархиальных ведомостей» был назначен преподаватель семинарии, церковный публицист и краевед В.Н. Фиников. Эту должность он исполнял до сентября 1920 года. С приходом нового редактора стали заметны изменения: он стремился к популяризации издания, по его инициативе был разрешён с 1 января 1906 года выпуск издания не два раза в месяц, а четыре. По мнению автора статьи по истории «Новгородских епархиальных ведомостей» С.В. Моисеева: *«Множество неподписанных статей, без сомнения, принадлежит самому Владимиру Николаевичу и порою носит биографический характер»*. «При детальном просмотре "Новгородских епархиальных ведомостей" выявляется большая редакторская работа В.Н. Фи-

никова по подготовке материалов к печати, составлению комментариев, библиографических справок и т. п. Он обладал глубокими знаниями в области современной ему отечественной и зарубежной литературы, что сказалось на подборках перепечаток из прессы, обобщающих и аналитических статьях, помещаемых в неофициальной части». Можно предположить, что и статья «Истинная любовь и сила её влияния» редакторская.

Фёдор Михайлович Достоевский — носитель подлинно христиан-

ских заветов, глубоко верующий человек, писатель-пророк. В настоящее время это общепризнано в мире. Анализ «Новгородских епархиальных ведомостей», сугубо церковного ведомственного издания, показывает, что на мнение Ф.М. Достоевского многие ссылались, прислушивались к его религиозным убеждениям, обращались к творчеству, построенному на жизненном опыте и выражающему глубину и богатейшую духовность. Имя писателя было значимо для Православия. И остаётся таковым по сей день.

1. Смелков И.М. Двухклассная церковно-приходская школа имени Ф.М. Достоевского в г. Старой Руссе / Уездный наблюдатель // Новгородские епархиальные ведомости. 1896. № 23. С. 1746–1748.

2. Празднование пятнадцатилетнего существования школы имени Ф.М. Достоевского в г. Старой Руссе // Новгородские епархиальные ведомости. 1898. № 23. С. 1566–1567.

3. Горский Д. Историческая заметка о состоянии Старорусской церковно-приходской школы имени Фёдора Михайловича Достоевского при Благовещенской церкви за 25 лет её существования от 1883—1908 гг. // Новгородские епархиальные ведомости. 1908. № 40, 41, 42.

4. Горский Д. Описание торжества 25-летнего юбилея Старорусской церковно-приходской школы имени Ф.М. Достоевского. 1909. № 5, 7, 8, 9.

5. Из Старой Руссы (Новг. губ.). (Празднование дня свв. Кирилла и Мефодия и акт церковных школ) // Новгородские епархиальные ведомости. 1900. № 11. С. 710–716; 1901. № 11. С. 704; 1902. № 11. С. 614; 1903. № 11. С. 616.

6. Братство св. Великомученика Феодора Тирона в Старой Руссе // Новгородские епархиальные ведомости. 1895. № 8. С. 480–482.

7. Из Старой Руссы // Новгородские епархиальные ведомости. 1896. № 6. С. 367–371.

8. Достоевский о вере и неверии // Новгородские епархиальные ведомости. 1903. № 1. С. 48.

9. Истинная любовь и сила её влияния // Новгородские епархиальные ведомости. 1905. № 1. С. 54–55.

10. Достоевский Ф.М. ПСС. В 30 т. Т. 14. Братья Карамазовы. Кн. I–X. Л., 1976. С. 289.

11. Моисеев С.В. Из истории «Новгородских Епархиальных ведомостей» // Новгородские епархиальные ведомости. 1995. № 9 (октябрь). С. 3.

12. Кавецкая О. «Новгородские епархиальные ведомости» (1875—1920). Основные этапы истории // История новгородских газет и журналов: взгляд из XXI века : сб. статей. Вып. 1 / сост. А.Л. Семёнова. Великий Новгород, 2012. С. 18–35.

Татьяна Володина
ДОСТОЕВСКИЙ

В ГРАФИКЕ БОРИСА НЕПОМНЯЩЕГО

Дом-музей Ф.М. Достоевского в Старой Руссе — филиал Новгородского государственного объединённого музея-заповедника — уделяет большое внимание комплектованию материалов, связанных с жизнью и творчеством писателя. Пополняется коллекция книжной и станковой графики, в которую входят рисунки, акварели, гравюры, с большей или меньшей степенью полноты иллюстрирующие восемнадцать произведений Достоевского, включая «великое пятикнижие» — романы «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы». Среди авторов — известные российские художники Н.В. Алексеев, В.М. Басов, Ф.Д. Константинов, Т.А. Лебедева, О.Г. Манюков, Ю.Ю. Перевезенцев, Т.В. Прибыловская, М.Г. Ройтер, Ю.И. Селиверстов, В.А. Сулимо-Самуйлло, А.А. Ушин, М.А. Чуракова. Самым значительным и по количеству, и по репертуару является фонд произведений Бориса Львовича Непомнящего.

Борис Непомнящий родился в 1945 году в Киеве. Он блестяще закончил сначала Одесское художественное училище им. М.Б. Грекова, а затем — знаменитую «муху». Огромную роль в формировании личности будущего мастера, в выборе стилевых и художественных приоритетов, в накопывании общекультурного багажа сыграл Ленинград: его архитектура и музеи, традиции Серебряного века и первых послереволюционных лет, которые сохранились и развились в художественной практике 1960-х годов вопреки глубоко проникшему «официозу».

Борис Непомнящий с 1971 года живет и работает в Новгороде — городе с богатейшим историко-культурным наследием. В 1975 он был принят в Союз художников РСФСР. После этого прошли десятилетия неустанный творческий труд.

Художник Борис Непомнящий разнообразен и вместе с тем абсолютно узнаваем. Метафоричность — свойство,

органично присущее его графическому языку. Уже в ранних линогравюрах к поэме П. Неруды «Четыре времени сердца», в экслибрисах и замечательных по степени завершённости и смысловой точности иллюстрациях к гоголевским «Запискам сумасшедшего» эта черта обращала на себя внимание. С годами она приобрела ещё большую определённую: метафора стала сложнее, глубже и свободней [2, с. 11–15].

Способность к философским обобщениям позволила художнику вступить в диалог с Достоевским — одним из самых сложных писателей мировой литературы. В 1978 году он создал небольшой цикл станковых листов по мотивам романа «Братья Карамазовы». Многие главы романа были написаны Достоевским в Старой Руссе. Сам город стал прообразом Скотопригоньевска, в котором и происходят главные события романа. Топография романа почти точно совпадает с реалиями Старой Руссы. В семидесятых-восьмидесятых годах XX века известный московский график М.Г. Ройтер выполнил серию акварелей, на которых изображены уголки города, интерьеры Дома-музея, ассоциирующиеся с великим романом. Лучшие из них удивительным образом передают тревожность и драматизм, характерные

Рис. 1. Дмитрий Карамазов.
Иллюстрация к роману «Братья Карамазовы».
1978 г. Бумага, офорт. НГМ КП 28724.

для атмосферы романа, сохраняя вполне реалистический даже пленэрный характер письма.

Борис Непомнящий отталкивается не от сохранившихся реалий среды, в которой разворачивается действие романа. Его привлекает пространство мыслей и страстей — символическое, очищенное от бытовизма. Он стремится выразить страсть и страдание, боль, разрывающую душу, и холод отчаяния, веру и безверие.

В одном из листов художник изображает Дмитрия Карамазова бегущим по пустынным улицам города (Рис. 1). Эта пустынность — метафизическая, абсолютная. Персонаж — не в среде, а вне её, над ней. Он обособлен. Обособление достигается игрой масштабов и ритмов: город мал и статичен, а фигура Дмитрия огромна, занимает почти весь лист, сильно наклонена и выглядит неустойчивой. Это почти полёт, оторванность от реальности, пребывание в ином пространстве — жестоком пространстве страсти. Фигура почти бесплотна, бестелесна. Она, скорее, призрак, фантом, воспоминание; но лицо, руки, одежда вполне конкретны, тщательно проработаны. Однако все эти отсылки к жизненным, материальным реалиям в пейзаже и чертах героя — лишь оттеняют главное: перед нами не место действия и персонаж, визуализированные художником, а символический образ.

В цветных офортах по мотивам романа «Братья Карамазовы» художник создал сложную метафорическую ткань, передав языком гравюры важные болевые мотивы романа: рассказ Ивана о помещике, затравившем ребенка собаками; размышления героев о страда-

ниях детей («слеза ребёнка»), поэму о Великом инквизиторе. Первая серия — поиск графического языка для воплощения сложных философских идей писателя. Найти нужное решение помогли более ранние опыты работы с великими произведениями русской классики. И прежде всего с «Записками сумасшедшего» Н.В. Гоголя.

Карандашные рисунки 1983 года демонстрируют интерес художника к иному пласту безмерного по глубине последнего романа Достоевского. Он ставит перед собой задачу изобразить главных героев — Карамазовых. Рисунки Непомнящего вполне реалистичны. В них есть узнаваемость, близость к авторской характеристике. Но прямой рассказ-показ и в этом случае кажется художнику недостаточным. Он находит выразительный образ-символ — паутина (Рис. 2). Рисунки-паутины «проявляют» лица персонажей, выявляя их антагонизм и родство. Каждый из Карамазовых — неволь-

ник страсти. У Федора Павловича — это страсть плотская, у Ивана — интеллектуально-горячая, у Алёши — мятущаяся страсть-вера. Поразительна простота художественного языка и ясность мысли художника. Рисунки выполнены на цвет-

Рис. 2. Фёдор Карамазов. 1983 г. Бумага, карандаш. НГМ КП33104

ном фоне графитным карандашом. Листы сильно вытянуты по вертикали. Этот, казалось бы, незначительный штрих приносит в триптих едва уловимую нотку тревожности, внутренней неустойчивости.

Многие тексты Достоевского наполнены библейскими мотивами и ассоциациями, обращены к душе человека, ищущего Бога или восстающего против него, а значит, против Бога в себе.

В 1990-е годы Бориса Непомнящего особенно привлекает Библия как универсальная модель человеческих отношений, которая помогала ему преодолевать хаос современного мира, житейские трудности, сохранять ясность ума, волю к жизни, творческий потенциал. Философия бытия, образы, которые являют собой квинтэссенцию подвигов и грехов человеческих, воплощают духовные искания, прозрения, поражения и победы личности, устремлённой к познанию Бога, служению ему как истинному смыслу жизни, — вот что интересно мастеру. Бесконечность и над-мирность, все-временность пространства Библии подчеркнуты использованием в офортах золота в моделировании складок одежд и в изображении неба, а также тем, что могучие фигуры библейских героев, занимающие весь лист, очень легки, почти невесомы. При всей точности и тщательности проработки лиц, фигур, драпировок они лишены материальности, осязаемости. Они были всегда, они и есть вечность. Здесь художник развил тот художественный подход, который явно просматривался в офортах по мотивам романа «Братья Карамазовы», когда реальное приобретает символическое звучание. Полная техническая свобода, совершенство ма-

стерства в сочетании с глубиной проникновения в текст Библии позволили Борису Непомнящему выразить графическими средствами сложнейшие философские и религиозные понятия, передать грандиозность ветхозаветных персонажей.

В 2000-х годах художник вновь возвращается к творчеству Ф.М. Достоевского. Он показывает на выставке в Доме-музее Ф.М. Достоевского в Старой Руссе около 30 рисунков к «Запискам из Мертвого дома». Сюжеты и образы «Записок» привлекали внимание в XIX веке Н.Н. Каразина и Е.П. Самокиш-Судковской, в XX — В.В. Домогацкого, Л.П. Дурасова, И.С. Глазунова, В.Н. Белана и В.М. Бескаравайного, в наше время книга вышла с иллюстрациями А.И. и К.А. Кретовых-Даждь [4, с. 102–103].

Рисунки Бориса Непомнящего произвели огромное впечатление на участников Международной конференции «Достоевский и современность», ежегодно проходящей в музее. Их увидел и главный редактор издательства «Вита Нова», который сразу предложил художнику выпустить книгу с этими иллюстрациями [1].

В повести Ф.М. Достоевский передал свои впечатления от каторги — Мёртвого дома, как назвал её герой «Записок» Александр Петрович Горянчиков, которого писатель, следуя традиции своего времени, делает автором текста, объявляя себя лишь его публикатором. Трагический в своей безысходности этот мир, собравший зло наказанное и зло самодовольно-властвующее, воспроизводится Достоевским с точностью и беспощадностью. Он вышел оттуда живым, но навсегда обожжённым, получившим не только

рану сердца, но вечную муку знания того, что такой мир есть. Он рядом, но в другом измерении. Непомнящий точно следует за автором в передаче характеров, отношений, ситуаций и жизненных реалий. Его потрясла фантазмагорическая «перевернутость» жизни и её ценностей, пограничное состояние психики человека в «Записках из Мёртвого дома» и какая-то тоскливая обыденность всего этого. Поразило и то, с какой глубиной и точностью писатель создаёт, по сути

ка, каждая чёрточка лица. Изображения порой пугающе откровенны. В иллюстрациях «А-в — подлец!» и «Плац-майор» художник ярко передаёт два вида душевной недостаточности — безоглядное предательство, подлость и бесчеловечная, тупая, неуправляемая ярость. Они выделяют «героев» этих листов даже среди видавших виды других каторжан.

Художник рисует разнонаправленными, динамичными, пересекающимися друг друга линиями. Они материализуют

предметы, лица, фигуры, почти фантазмагорические сцены («Театр на каторге»), вдыхают в них жизнь. В то же время их «избыточность» создаёт подобие завесы, отделяющей нас от мира Мёртвого дома.

Многие рисунки в книге, выпущенной издательством «Вита Нова» в 2010 году, дополнены каллиграфически выполненным текстом — цитатой. Этот приём не только уточняет смысл изображённого, но создаёт отчётливый контраст между идеальной красотой ровных строчек, изысканным

Рис. 3. Исай Ильич.

Иллюстрация к «Запискам из Мертвого дома». 2007—2009 г.
Бумага, карандаш. НГМ КП46796

дела, не только анамнез болезни каждого персонажа, но и мира, в котором замкнут человек. В период с 2007 по 2009 год художник выполнил более 50 большеформатных композиций, 51 рисунок вошёл в издание. Большая часть цикла — это портреты (Рис. 3). Персонажи приближены к нам так, что видна каждая морщин-

написанием букв и безысходной реальностью, открываемой самим текстом.

Помимо карандашных рисунков, вошедших в книгу, в 2010 году Борис Непомнящий награвировал в технике офорта почти исчерпывающую галерею портретов героев «Записок» (Рис. 4). Эффект монотонности, однообра-

зия и безысходности, отчуждённости от живой реальности возникает благодаря повторяющимся композиционным приёмам в изображении героев, в одинаковом официально-жёстком оформлении листа. Художник изображает «героев» в среде, за каким-то делом («За шитьём») или погружёнными в себя, размышляющими («Читая Библию», «Размышление о вере»). Используя в офорте приёмы «старых мастеров», добиваясь осязаемости каждой детали, точности в передаче фактуры материала, он придаёт некую фундаментальность образам. Лишь три офорта выводят нас под открытое небо. Остальные — это замкнутое пространство арестантского барака с зарешённым окошком. Стена приближена к зрителю, она будто выталкивает к нему «портретируемого». Галерея каторжан уникальна. Отсутствует надрыв, какие-то нарочитые позы (исключение — лист «Наливай»). Художника вслед за Ф.М. Достоевским интересует человеческое начало в отверженных преступниках. Тончайшие нюансы характеров выявляются не только благодаря глубокому постижению текста, но и техническому совершенству работ.

В это же время ещё одно произведение Ф.М. Достоевского захватило воображение художника. Это — повесть «Село Степанчиково и его обитатели». Иллюстрации «пролежали достаточно долго, — писал Борис Непомнящий, — и я понял, что если не решусь на хоть какое-нибудь графическое решение, то не смогу вернуться к ним в ближайшее время. Главное, что мне хотелось больше всего — хоть чуть-чуть не быть похожим на себя предыдущего, работать

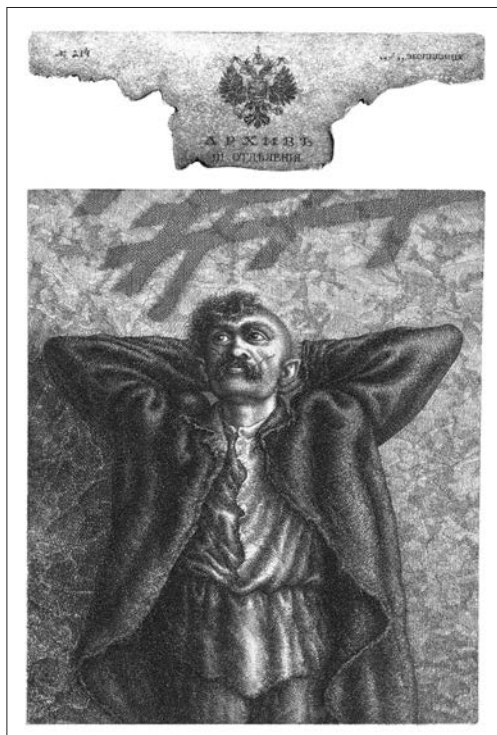

Рис. 4. Иллюстрация
к «Запискам из Мертвого дома». 2011—2012 г.
Бумага, офорт. НГМ КП 47093/1

чуть-чуть по-другому. И тут я подумал, что обучаю студентов каллиграфии, я сам научился писать сносно и красиво. Так и появилась идея, не новая, конечно, — соединить рисунок со словом. Иллюстрировать было сложно. Ф.М. Достоевский очень скудно описывает место действия, а по сути, все происходит в почти замкнутом пространстве. Произведение мне показалось мало похожим на другие, а это, возможно, и стало побудителем в том, что я решился на иллюстрирование...» [1, с. 89].

На страницах повести «Село Степанчиково и его обитатели» перед читателем

разворачивается другой, но не менее болезненный и гнетущий мир. И здесь реальность искажена до неузнаваемости. Красота, доброта и правдивость оболганы и уничтожены пошлой беспринципностью и провинциальным актёрством центрального персонажа — Фомы Опискина. Но накопившиеся тяжесть и духота — не

редаче черт лица, мимики, жестов, а акварельные прозрачные заливки кажутся случайными, но оживляют композицию, делают её более лёгкой. Образы повести переданы в гротескной манере. Эксцентричность поз, театральность мизансцен сочетается с этнографической точностью костюма и деталей. В рисунках нет

Рис. 5. Иллюстрация к повести «Село Степанчиково и его обитатели». 2017 г. Бумага, смешанная техника. Собственность автора

могут быть бесконечны. Ситуация должна разрешиться взрывом. И здесь у художника были интересные предшественники, среди которых можно выделить В.А. Милашевского, проиллюстрировавшего книгу в 1930-е годы, и Ю.С. Гершковича, предложившего яркое решение цикла в 1980-е. Борис Непомнящий нашёл свой способ выразить сложные перипетии сюжета пластически. Он использовал приём состаренной бумаги, на которой рисунок отчётливо виден, особенно в пе-

конкретного бытового пространства, но есть выразительная деталь, притягивающая внимание, добавляя новый оттенок в общую фантазмагорическую картину. В этой серии иллюстраций Борис Непомнящий также вводит в композицию листа авторский текст. Изящно, с росчерками написанный, свободно размещённый на странице, он абсолютно равноправен в создании зрительного образа (Рис. 5).

В 2014 году Борис Непомнящий начал работать над художественным решением

«Музея романа Ф.М. Достоевского "Братья Карамазовы"» в Старой Руссе. *«Я с удовольствием перечитываю роман, — замечает художник, — и каждый раз нахожу что-то новое, что не замечал или не понимал почти сорок лет назад»* [1, с. 109]. Параллельно с художественным проектом он создаёт серию рисунков, большая часть которых вошла в структуру экспозиции, расставляя в ней необходимые смысловые акценты. Художник просто знакомит нас с героями, не погружая

Рис. 6. Штабс-капитан Снегирёв.
Станковая серия по мотивам романа «Братья Карамазовы».
2014 г. Бумага, карандаш. НГМ КН 48193/5

в событийную среду романа, не изображая «надрывы». Из кажущегося хаоса серебристых линий возникают глубокие психологические портреты героев — как главных, так и второстепенных (Рис. 6). Несколько отвлечённое философствование ранних офортов, ярких и выразительных, здесь сменило глубокое проникновение во внутренний мир героев Достоевского, основанное на знании текста, понимании его умом и сердцем. В рисунках нет ни тревожащего контраста света и тени, ни излома форм. Есть лёгкий, беглый, разнонаправленный штрих, высвобождающий из небытия и телесную оболочку, и душевный мир персонажей. Возникает ощущение вибрации материи, её неустойчивости, а в конечном итоге — предчувствие трагедии. Большое внимание уделил художник поэме Ивана Карамазова «Великий инквизитор». Трагический смысл её захватывал вооб-

ражение многих художников. Наиболее последовательно безысходность жизни и неотвратимость зла в восьмидесятые годы XX века выразил в триптихе по мотивам поэмы Ю.Ю. Селивёрстов. Отсылка к образам и метафорам средневековой живописи помогала ему наполнить офорты новыми сложными ассоциациями. У Бориса Непомнящего всё иначе (Рис. 7, 8). В его полиптихе, состоящем из пяти листов, всё до предела реально и оттого ещё более страшно. Персонажи даны укрупнённо, максимально приближены к зрителю. В их лицах, взглядах, позах и жестах — выражена сложная гамма чувств и мыслей. Они притягивают мощным полифоническим звучанием.

Каждая эпоха ищет и находит в большом писателе своё второе «я».

Рис. 7. Великий инквизитор. Портрет.
Станковая серия по мотивам романа
«Братья Карамазовы».
2015 г. Бумага, карандаш. НГМ КП 48193/27

Рис. 8. Великий инквизитор.
Правая часть полиптиха. Станковая серия
по мотивам романа «Братья Карамазовы».
2015 г. Бумага, карандаш. НГМ КП 48193/25

Это естественно. Ф.М. Достоевский не исключение из правил. Он современен, а потому привлекателен и для читателей, и для исследователей, и для художников. Борис Непомнящий уже сорок лет находится почти в непрерывном диалоге

с Достоевским. Но и сегодня мир образов гениального русского писателя по-прежнему кажется ему неразгаданным и властно влечёт к себе, притягивая своей необычностью, сложностью, человечностью.

1. Борис Непомнящий. Графика. Избранное. Великий Новгород, 2016.
2. Володина Т.В. Мир образов Бориса Непомнящего : Вступит. ст. // Борис Непомнящий. Графика. Избранное. Великий Новгород, 2016.
3. Достоевский Ф.М. Записки из Мертвого дома / Послесл., примеч. Б.Н. Тихомирова; ил. Б.Л. Непомнящего. СПб., 2010.
4. Образы Достоевского в книжной иллюстрации и станковой графике: Из коллекции петербургского музея. СПб., 2011.

Ирина Васильева

«МОЯ ВСЕЛЕННАЯ — ДРЕВНИЙ НОВГОРОД»

9 мая 2021 года исполнилось 100 лет со дня рождения Почётного гражданина Великого Новгорода, художника Семёна Ивановича Пустовойтова (1921, Одесса — 1995, Новгород), соприкосновение с личностью и творчеством которого оставили неизгладимый след в душе каждого человека.

В собрании Новгородского музея-заповедника находится самая обширная коллекция произведений, документальных материалов и рабочего инструментария художника, насчитывающая около 3000 единиц хранения. К юбилею С.И. Пустовойтова в Музее изобразительных искусств был приурочен масштабный ретроспективный показ живописи и графики, начиная от наиболее ранних работ до произведений, выполненных в последние годы жизни, дополненный фотографиями, личными предметами, письмами, книгами отзывов о выставках прошлых лет.

Название выставки «Моя Вселенная — Древний Новгород» — слова самого Семёна Ивановича, записанные им на странице одной из книг отзывов в 1972 году.

Шесть объёмных книг отзывов о персональных выставках художника в Одессе и Новгороде с любительскими чёрно-белыми фотографиями экспозиций и отдельных работ (увы, но следы некоторых затерялись во времени), пометками самого художника и многочисленными автографами самых разных людей — уникальный историко-культурный материал конца 1960 — середины 1970-х годов. Все книги, безусловно, заслуживают отдельного внимания и дальнейшего изучения. А сегодня, перелистывая эти страницы, необходимо сказать «СПАСИБО!!!» дорогому Семёну Ивановичу Пустовойтову за то, что он не только щедро дарил своё искусство всем людям, но и за то, что сберёг их бесценные душевные порывы и восторги, искренние эмоции и ощущения, и объединил всех нас — почитателей его таланта — прошлых, настоящих и будущих.

Листая книги отзывов

С.И. Пустовойтову

Великих храмов простота
 Стекает с кисти беспокойной,
 Ложится на бумагу стройно —
 Так создаётся красота.
 Через какую боль прошли

Те рукотворные созданья?!

Какая сила пониманья

Их оторвала от земли?!

Без глины, кирпичей и смазки

Взросли могучие творенья

Как творческой души прозренья,

Как воплощенье мудрой сказки.

Бабанина Л. Одесса, 1972 г.

Грандиозен! Не только Новгород, но и талант художника С. Пустовойтова. Это первое и окончательное впечатление.
Одесса, июнь 1980 г.

Акварели с настроением: грустные, светлые, в ожидании изменений своей судьбы и природы. Как путешествие в Новгород старый, свобододобивый, отважный, суровый и добродушный.

Т. Мостова Одесса, июнь 1980 г.

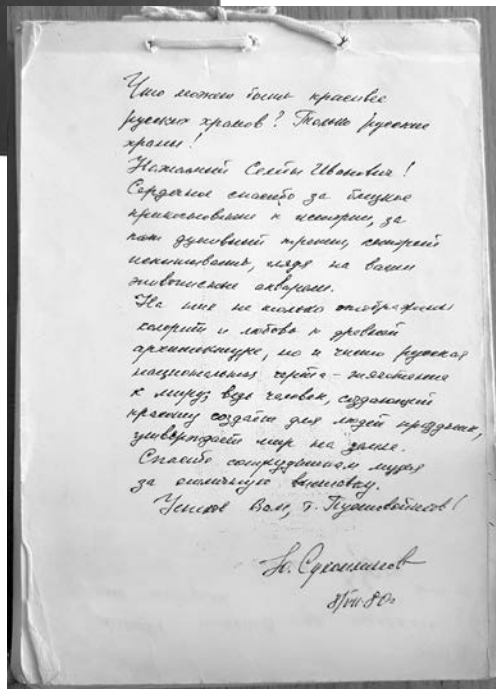
Вряд ли кто может сказать, что же такое живопись. Иной раз взглянешь на холст, постоишь, а отошёл — и забыл. То, что показал Пустовойтов, — изумляет, удивляет, заставляет протестовать, не соглашаться и... в конце концов понять, и оставляет в душе самое неизгладимое впечатление.

Не знаю, что скажут об этой выставке художники-профессионалы, но я мечтаю теперь только об одном — встречаться много раз с творчеством этого необыкновенного художника. Его искусство — яркое проявление патриотических чувств, какими охватывает сердце каждого истинно русского, советского человека.

Спасибо Семёну Ивановичу, крепкого ему здоровья, больших успехов, нового творческого взлета. Спасибо администрации музея (и без лишней скромности — Олегу Арк. Соколову, отдельно) за такую интенсивную, динамичную пропаганду творчества лучших представителей советской художественной школы.

Одесса. 12.7.1980

Н. Устинов,
журналист

Книга отзывов о персональной выставке художника Пустовойтова С.И., проходившей в 1980 г. в г. Одесса
НГМ КП 48905-786

Большое спасибо автору работ и организаторам выставки за огромное наслаждение. Хочется в Новгород!

Одесса, 13.07.80. (подпись неразборчива)

Все работы на «Тёмном» фоне поразительны, они удивляют, поражают, подавляют и делают человека — богом.

Я мир люблю не тихий, не слепой —
а кроткий мир, с безбожною толпою,
с мазками красок, с буйными стихами,
со звездочётами, с еретиками.

Мир, где ни царь, ни бог и ни герой, —
где всё своею собственной рукой.

Слава Вам ув. С.И. Пустовойтов. Вы честны в искусстве, а это сегодня так редко...

Р. S. Кто идёт за другими никогда их не обгонит (Микеланджело). Вы идёте своим путём. Дерзайте.

Одесса, 13.07.80. (подпись неразборчива)

Выставка пробуждает чувство гордости за русскую древнюю культуру. Можно несколько раз посетить Новгород и не увидеть непреходящей его красоты. Семён Пустовойтов помогает своим искусством проникнуть в неповторимую красоту древнерусского зодчества. Акварель! Какие у неё, оказывается, неисчерпаемые возможности, если она в руках мастера, влюблённого в свой край! Спасибо Вам, дорогой художник, за высокое эстетическое наслаждение, которое мы получили, осмотрев Ваши работы.

Члены Союза писателей СССР

И. Неверов, И. Гордон.

Одесса 15 июля 1980 г.

Это прекрасно! Это Русь! Каждый храм — лебедь белый в камне.

Желудкова, Одесса, 1980 г.

Глубокоуважаемый Семён Иванович!

Не хочется говорить Вам банальное спасибо, хочется по-русски поклониться Вам в пояс. Все впечатления на выставке перекрывает мощный аккорд серии об архитектурных памятниках Новгорода. Как здесь оправдан тёмный фон. Эти прекрасные соборы как бы выплывают из тьмы веков. София написана не как здание, а как величайшая святыня многих поколений новгородцев. Спас на Ковалёве «звучит» как органый хорал. А когда смотришь на церковь Рождества на Красном поле, в ушах звучит «Сказание о невидимом граде Китеже» Римско-Корсакова. В каждом листе раздумье художника, у каждого своё настроение.

Хороши портреты. Многие из них портреты-биографии. Таков портрет женщины в центре экспозиции (кто на нём не подписано), портрет Азария Петрова, Виктора Егорова. А Саша Трофимов шагнул к нам со страниц Достоевского.

«Мост Сабанеева», «Дворик на улице Маяковского», «Домик Андерсена» — как верно передан здесь неповторимый «дух Одессы», как всё любимо и прочувствовано.

И рядом рассказ о Валдае совсем в другой манере, ещё несколько ступеней вверх по лестнице мастерства. Здесь Вы поэт-лирик. И городок, и природа у Вас живут, дышат, движутся. Мне в этой серии больше всего понравились «Арль», «Озеро» (над ним).

19.12.85. Учительница-пенсионерка

(подпись неразборчива)

Дорогой Семён Иванович!

Благодарю от всей души за позволение войти в мир Ваших переживаний, мыслей,

настроений, заставивших и нас сопереживать и мыслить.

Я убеждена в том, что обществу необходима высокая культура, только в этом случае мы осуществим грандиозные задачи, которые поставлены перед нами.

Изобразительное искусство всегда было и будет великой силой, несущей нам не только положительные эмоции, но и свет высокого просвещения.

Спасибо Вам за участие в этом благородном деле! Спасибо, что Вы, будучи высоким мастером, так просто, без всякого высокомерия, входите в наши души.

Понравились все разделы Вашей выставки: Древний Новгород, «Георгий» что в центре! Это же «Богатырская симфония», гимн непобедимости сильного духа! «София» — «мудрая», своим светом способная всколыхнуть любую тьму! Изящный с тонким римским профилем «Антоний Римлянин», а «Церковь Благовещения на Аркажах» — любимый старинный романс, наводящий на грусть. «Одесские дворики» — вам повезло, что вами восторгается ваш истинный поклонник. Искренняя душа!

Как совершенно новая грань творчества, мастерства смотрят на нас «Валдайские пейзажи», восхищают, живут, успокаивают.

Не могу не восхититься портретами, особенно «Азарий», «Странник Василий», «О.С. Шеин» и др. Убеждена, что, занимаясь портретом как жанром, мы имели бы в Вашем лице большого мастера психологического портрета.

Желаю здоровья, здоровья и ещё раз здоровья, чтобы и в дальнейшем не иссякло Ваше творческое, полыхающее, мудрое горение, которое так талантливо

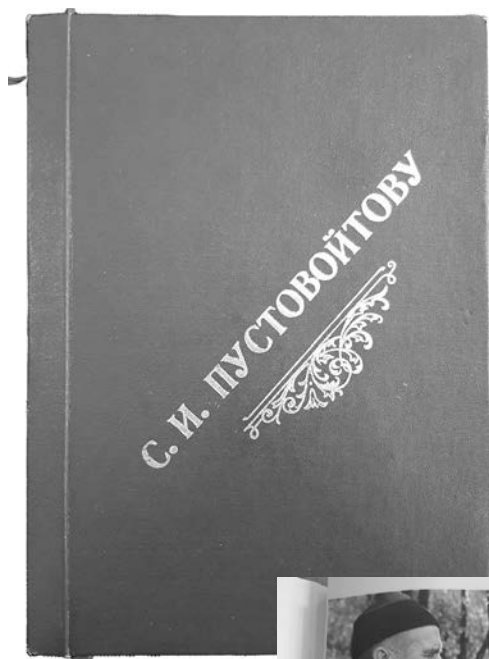
проносится сквозь прозаические будни.

Л. Шалина. 19.12.85 г.

Когда смотришь на картину «Иоанн Богослов» — забываешь об окружающем мире, о времени — настолько близка, очень близка эта картина. В ней покой, забвение, грустное одиночество — но и в ней великая вечность, вечность, дарящая нам красоту далёкого прошлого. И во всех картинах, связанных по теме с древним Новгородом, чувствуется глубоко личная любовь автора к этим дорогим сердцу каждого новгородца церквям, ко всему городу. Спасибо Вам, что Вы дарите эту любовь людям.

*Инженер Шев...
(далее неразборчиво)*

Выставка Семёна Ивановича впечатляет. Грустно, когда речь идёт об искусстве, употребляют термин «провинция». Искусство Пустовойтова — не «провинция». Видел я иные выставки (Москва, Манеж) — вот где часто можно увидеть провинцию: даже у маститых «столичных» художников. Что приятно — у Семёна Ивановича, как правило, нет слащавости, сентиментальности, что губит творчество многих художников. Это не иллюстрации и не копии жизни, а исследование, познание. Претензия к устроителям — почему не полно представлено его творчество. Надо — шире. Мы имеем право на знание всего творчества С.И. Пустовойтова — он заслуживает этого. С чем-то — речь о картинах его — можно спорить, не соглашаться. На то оно и искусство. Надо шире знакомить с его творчеством не только новгородцев, но и за пределами Новгорода.

Спасибо, Семён
Иванович!

*Доцент НГПИ
Тюрин В.В.*

С огромным удовольствием посмотрел выставку работ Семёна Ивановича Пустовойтова. Его работы произвели на меня огромное впечатление. Очень чудесные работы о наших днях, портреты. Особое впечатление я получил от работ, изображающих историю нашего Новгорода

Великого. Когда смотришь на эти картины о Древней Руси, то поражаешься тем, что они написаны в наши дни, в конце 20 века. Я впервые встречаю советского художника, который изобразил историю прошлого нашего прекрасного города, и мне очень приятно, что это наш земляк новгородец Семён Иванович Пустовойтов.

Больших Вам успехов в Вашем творческом огромном труде.

Ледовое побоище очень понравилось.

Строитель Павлов А.В.

Голова «Тевтонского рыцаря» — голова «Азара» 1968 г., «Церковь Петра и Павла в Кожевниках». Частично — Рублев Васнецов и Грек — СТИЛЬ ЕСТЬ!

*Рабочий-заточник
Алексеев*

Книга отзывов о персональной выставке художника Пустовойтова С.И., проходившей в 1985 г. в Новгородском комплексном отделе Института азотной промышленности. НГМ КП 48905-784

Мы, юные краеведы школы № 4 г. Новгорода, дважды побывали на выставке картин С.И. Пустовойтова. Жалко, что выставка закрывается, и мы не смогли ещё раз встретиться с суровыми богатырями севера — ушкуйниками, мудрым летописцем, могучей душой Марфы Посадницы, порадоваться

(тревожные чёрно-фиолетовые краски). Иоанн Богослов — весенняя песня, журчание ручейка. В картине «Молотково» щедрой рукой разбросан рыхлый талый снег, хочется хлюпать по нему ногами. На Синичьей горе мягкой, но сдержанной кистью передаётся ощущение грусти, даже неудобства, но смягчённого надеждой.

Суровые, строгие, но справедливые новгородские ушкуйники стоят на страже своей земли. Портрет студентки дышит и был бы воздушен, но тяжесть и отрешённость во взгляде придают картине вес, а образу значимость.

Дорогой Семён Иванович! От души желаю Вам дальнейших творческих успехов.

*Студентка НФ ЛЭТИ.
(подпись неразборчива)*

В наш XX век, когда архитектура городов (особенно новых районов) подверглась такой нивелировке, что трудно отличить лицо города, его своеобразие от других городов, обращение т. Пустовойтова С.И. к архитектурным памятникам старины в своем творчестве, подтверждает и развивает историческую связь времён, историческую связь поколений, заставляет почувствовать глубже и лучше понять величие наших предков, пробудить интерес к далёкому прошлому, понять и осмыслить наследие наших далёких, зачастую неизвестных мастеров, создавших непревзойдённую красоту. Древние монастыри, церкви — это симфония в камне, реквием нашему славному прошлому. Кажущаяся и действительная простота творений древних зодчих — и в то же время какая мощь, величие и одухотворённость, и в то же

время это не мёртвый камень, от них веет чем-то таким мягким, задушевым, тёплым. Кажется, древние камни церковью излучают тепло наших далёких предков, чистоту их помыслов, благородство души, и вот уже нет камня — есть что-то гораздо большее. Древние говорят с нами! Перекинут мост в далёкую эпоху, мы — честица этого, причастны к нему! И нет равнодушного зрителя. Нас что-то волнует, увлекает, тревожит, мы там — в этом тревожном далёком прошлом. И обращение т. Пустовойтова в своём творчестве к искусству древнего Новгорода и других городов — это благодатная тема, несущая в себе заряд большой эмоциональной силы, обогащающая наше искусство, так и самого художника, способствующая дальнейшему творческому росту мастера художника. И хочется пожелать большого успеха выставке.

*Латковский Г.И.,
инженер-проектировщик
ПКБ Облмэстрома 29 /XI-72 года*

Нам, родившимся и проживающим в Новгороде долгую жизнь, где каждый уголок дорог сердцу, где с каждым зданием связано много воспоминаний, очень приятно видеть вышедшие из-под кисти художника замечательные памятники архитектуры древнего Новгорода. Большое желание, чтобы и молодёжь относилась с уважением и бережливостью к тому, что оставили нам предки. Сердечное Вам спасибо, Семён Иванович!

*Пенсионеры
О. Швабович, А. Швабович. 1972 г.*

Семён Иванович сказал, что изображает Русь уходящую, но мы с ним не

согласны. Его картины — это современность. Глядя на них, чувствуешь себя по-настоящему русским человеком, величие и мощь Русского государства.

Студентки Новгородского музыкального училища. 6/XII-72 г.

Уважаемый Семён Иванович!

Вы открыли всем новгородцам мир древнего Новгорода, величие его памятников архитектуры, новгородскую мглу, сырость и новгородские ясные солнечные дни!

От всей души и сердца спасибо Вам!

Поражён титаническим трудом Вашим. Желаю Вам и впредь работать также плодотворно. Особенно хочу отметить картины «Ушкуйники», «Летописец», «Утро Новгорода», «Из варяг в греки», «Послы новгородские» и «Ледовое побоище».

Моё мнение:

Художнику необходимы условия для работы.

- 1) Материальная помощь
- 2) Мастерская

Если эти два условия ему дать художник одарит общественность новыми прекрасными работами.

Художник Сивицкий К.В. 7/XII-72 г.

Мы благодарны Семёну Ивановичу за прекрасную выставку картин и признательны ему за то, что поселившись в г. Новгороде двадцать лет назад он отдал душу, талант и время художника истории г. Новгорода.

Радуется, что эти работы созданы не холодной рукой фиксатора событий, а кистью пламенного патриота новгородской земли и нашей Родины.

Желаем Семёну Ивановичу творческих удач и успехов в осуществлении всех творческих замыслов.

7 декабря 1972 г.

сотрудники Государственного архива Новгородской области (шесть подписей)

На этой выставке удивляешься, радуешься творчеству настоящего и прекрасного художника, человека прекрасной, чистейшей души, в его картинах только правда и поэтому это и есть настоящее искусство.

Эта выставка — беззаветный труд человека, прошедшего через все невзгоды, безденежье, непонимание. Если внимательно посмотреть — в этих картинах, в этих разрушенных церквях, среди бесконечного неба — увидишь душу художника.

С.И. Пустовойтов — гордость Новгорода, пусть пока это понимают немногие. В истории таких примеров много, но всё настоящее пробивает дорогу и остаётся жить.

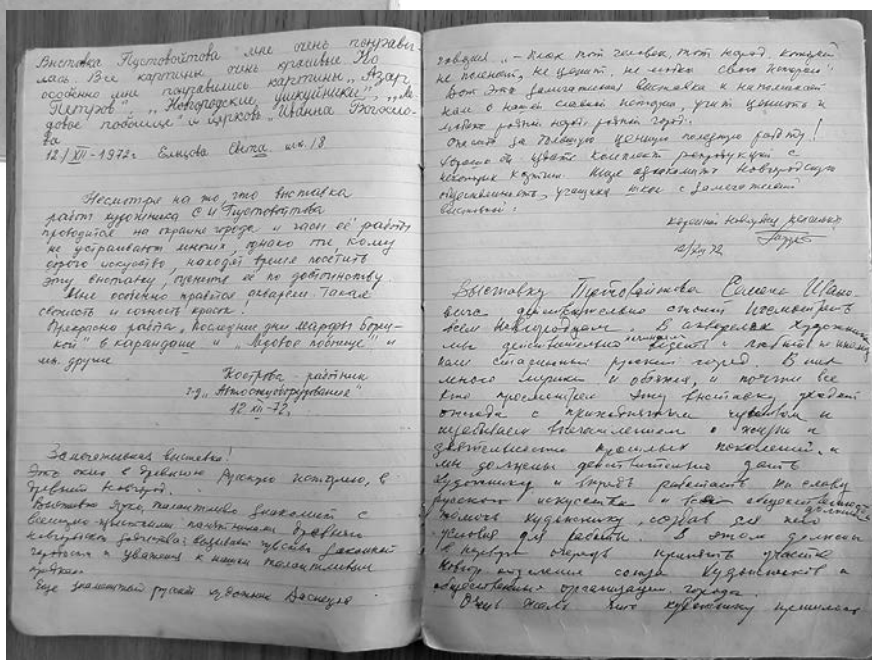
С уважением,

Кемлина. Ленинград, 8.12.72 г.

15 декабря 1972 г.

Я очень рада, что у нас есть такие художники, как Пустовойтов.

Наконец увидела то, чего я так долго ждала. Была на многих выставках, но такого ещё не видела. Его работы очень хорошие: в них чувствуется большая любовь к природе, к городу. Как талантливо переданы художником все состояния природы. Снег у художника не просто белое пятно, а снег, поглощающий в себе и состояние воздуха, и окружающие предметы. Как хорошо построен сам ри-

Книга отзывов о выставке художника Пустовойтова С.И.

«Древний Новгород. Живопись, графика», проходившей в 1972 г. в лекционном зале Новгородского областного управления книготорговли. НГМ КП 48905-782

сунок, в нём чувствуется большое знание и в композиции, и в перспективе. Но как чудесно подобраны краски; смотрю на

его работы и радуюсь. Очень хотелось бы, чтобы такие выставки были чаще.

Большое спасибо Вам, Семён Иванович, — Ваши работы очень прекрасны, искренни.

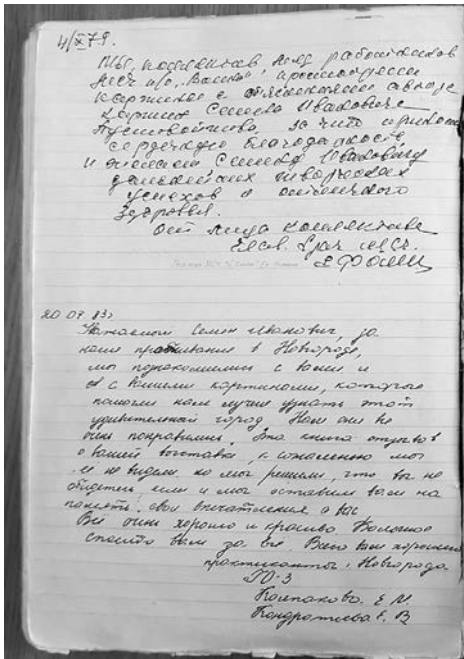
Желаю Вам больших творческих успехов в этой благородной, трудной работе.

Н. Малькова,
завод имени Ленинского Комсомола

15/XII -72 г.

Наверное, у каждого художника есть СВОЙ город. Как было бы хорошо, если

бы у каждого города был СВОЙ художник. Чтобы уезжая из нового города можно было бы увезти с собой не только

циями, который можно было бы увезти с собой вместе с незабываемыми впечатлениями.

П. Волков, врач,
г. Ленинград

«Родной край становится ещё ближе и роднее, если узнаешь его историю», — так сказал в свое время всеоюзный староста М.И. Калинин.

Семён Иванович Пустовойтов силой своего самобытного таланта заставил ожить очень многие страницы истории Господина Великого Новгорода, и тем самым сделал его ещё ближе и роднее, любимее для всех тех, кто побывал на этой великолепной выставке. Нам понравилось всё. Каждая картина хороша по своему, волнует и создаёт то настроение мягких лирических красок непреходящей

воспоминания, но и немного атмосферы, и кусочек души этого города. Конечно, можно сделать фотографии, можно даже цветные, но всё равно это будет не то. Это будет без души. А с душой — только у художника, который очень любит свой город, любит и чувствует весь, в целом, в прошлом и в настоящем одновременно, живой, дышащий с золотыми куполами древней Софии, с предельно простыми и скромными, но такими прекрасными церквушками и... с бельём на веревках в таких старых и таких сегодняшних дворах. Как хорошо, что у г. Новгорода есть свой художник. Жаль только, что нет Новгородского альбома с его репродук-

красоты древнего зодчества, то тревожное ожидание трудных дальних путей, то высокий подъём высоких патриотических чувств за великий ратный подвиг наших далёких предков. Всё здесь живёт полнокровной жизнью. И каждое полотно

понятно каждому и доходит до самого сердца. Мы удивляемся, почему в художественном отделе областного музея не нашлось места для полотен С.И. Пустовойтова.

Кому, кроме самих авторов нужны модернистские выкрутасы и ядовито-малярные краски, ничего общего не имеющие с реальной жизнью. Во всяком случае, мы не раз наблюдали, как быстро и без всякого интереса проходят мимо некоторых картин новгородских художников посетители музея.

Большое спасибо, дорогой Семён Иванович за то, что научили нас ещё крепче любить родной Новгород.

Юные краеведы 4-ой средней школы:

Карандашева Л, Уткина Л.,

Васильев Л., Ягупова Н., Трифонов А.,

Попова С., Власова М., Новаковская Л.,

Ларина М., Савосина Р., Фёдорова Т.,

Тулов И., Раскатов А.

С чувством глубокой благодарности покидал я выставку художника С. Пустовойтова. Эти акварели звучат музыкой, каким-то сказочным калейдоскопом. Поистине «красоты русской старины»! Всё это богатство нужно впитать в себя так, чтобы потом с ещё большей силой отдать людям... Пожелать от всей души хочется автору здоровья и больших творческих свершений. Пусть пополняется его «Новгородская сюита»

Фотограф Авра (далее неразборчиво)

из г. Запорожья 19.12.72

20.12.72

Я рад, что познакомился с работами человека одержимого, требовательного к себе до беспощадности. И мне кажется,

что он почувствовал своеобразие Новгорода, что он умеет видеть в остатках древностей великолепие и мужественность Новгородской вольницы.

И ещё мне кажется, что этот человек имеет что сказать и что эта потребность высказаться приводит к искренним, своеобразным результатам.

Селиков. 3-д «Волна»

Необходимость подобной выставки очевидна. Многочисленные работы С.И. Пустовойтова имеют не только историческое, но и большое воспитательное значение. Это воспитание эстетического чувства, воспитание патриотизма, любви к нашей великой родине и Новгородскому краю.

Почаще бы такие выставки!

Доцент НГПИ В. Пименов,

Новгород, 1972 г.

За свою жизнь я знал многих художников, больших и малых, по разным причинам обращавшихся в своём творчестве к Новгороду.

С такой всецелой преданностью Новгороду встречаюсь впервые.

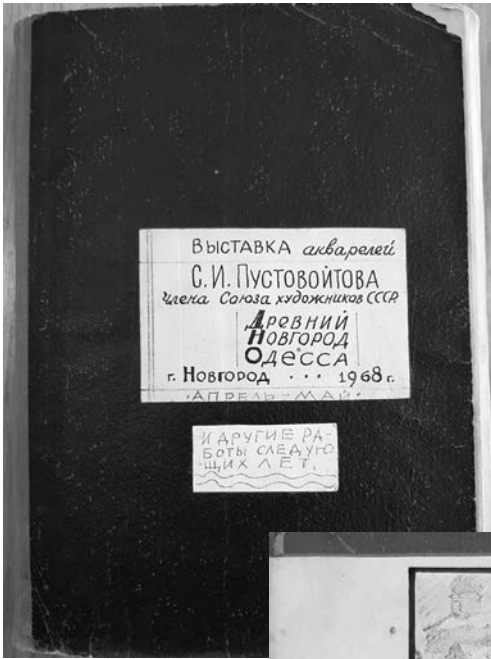
Н.Г. Порфиридов.

22.1.1973 г. Ленинград

Искусство Семёна Ивановича Пустовойтова — это воплощенная в красках душа чистого правдивого человека, искренне любящего свою землю, её прошлое и настоящее. Наше счастье, что нам довелось видеть его картины, общаться с художником и обогащаться его видением прекрасного.

Сотрудник ин-та им. Филатова

Л. Ивченко

Сегодня я был счастлив, увидев, к сожалению, малую толлику того, что сделал за 20 лет своей творческой жизни Семён Иванович Пустовойтов. Поражаюсь его энергии, влюбленности в новгородскую древнюю историю. Его самоотверженность делает нас молодых более стойкими и яростными в своём любимом искусстве. Акварели «Новго-

родские церкви» с их настроением это не только отношение автора к старине, к прошлому России, но это подлинный портрет храмов, если так можно сказать. Историческое кредо Семёна Ивановича в картинах «Ушкуйники» и «Ледовое побоище». Бесспорно, хороши и его портреты. Желаю ему здоровья и плодотворных успехов.

*Искренне от боровичан
А. Константинов 16/III-73*

Спасибо большое, Семён Иванович! Мы считаем, что нам просто здорово повезло. Особенно тронул «Древний Новгород». Может быть потому, что мы не «одесситы» и север нам гораздо ближе. Без Ваших акварелей, честное слово, остался бы у нас не тот Новгород, каким увозим мы сейчас его в Ленинград, глубже, поэтичнее, роднее.

Огромное Вам спасибо ещё раз и за Вашу беседу. Решили обязательно сбежать в Русский музей.

4/V-68 г.
(две подписи)

С большим удовольствием и восхищением

Книга отзывов о выставке художника Пустовойтова С.И. «Древний Новгород и Старая Одесса», проходившей 28.04-02.06.1968 г. в г. Новгород (Кремль, Лихудов корпус). НГМ КП 48905-781

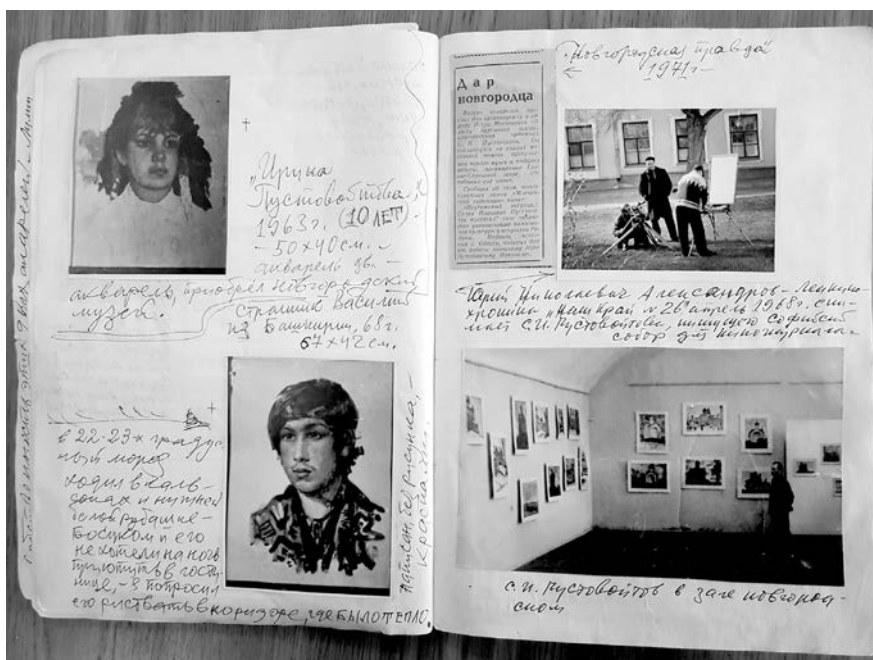
посмотрели выставку талантливого художника С.И. Пустовойтова. Особенно было приятно посмотреть талантливые акварели Новгорода, как изумительные иллюстрации к нашему путешествию по осмотру Новгорода, т. к. мы группа ту-

хоть мы и не знатоки искусства, а самые простые люди.

Спасибо за доставленную радость.

По поручению группы туристов

Т.В. Ячин 24/V-68 г.

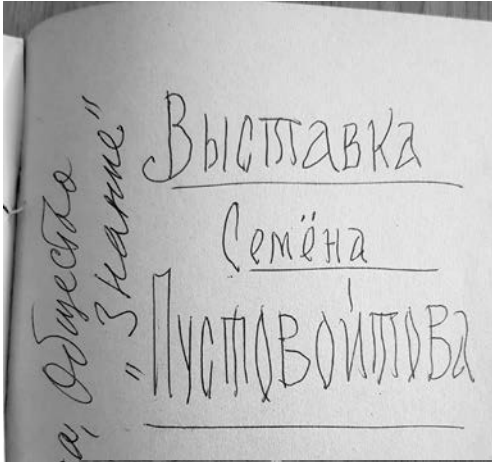
ристов маршрута № 260 всё время посвящали осмотру древних памятников архитектуры. Акварели Пустовойтова это в некотором роде шедевр, по яркости и силе производимого ими впечатления. Хочется смотреть долго, не хочется уходить, т. к. в каждой акварели сквозит талант, влюблённость автора в своё дело и в объекты изображения. Мастерски изображены, помимо памятников старины, воздух, вода, чудесно освещение в зависимости от времени дня и погоды. Вообще большое, большое впечатление осталось от выставки,

Уважаемый Семён Иванович!

Большое спасибо Вам за показ Ваших художественных произведений, много рассказывающих о красоте и величии нашего Великого Новгорода и города-героя Одесса.

Очень много интересных картин по Новгороду такие как Иоанн Богослов на Витке, Вяжицкий монастырь, Никола на Липне 1292 год.

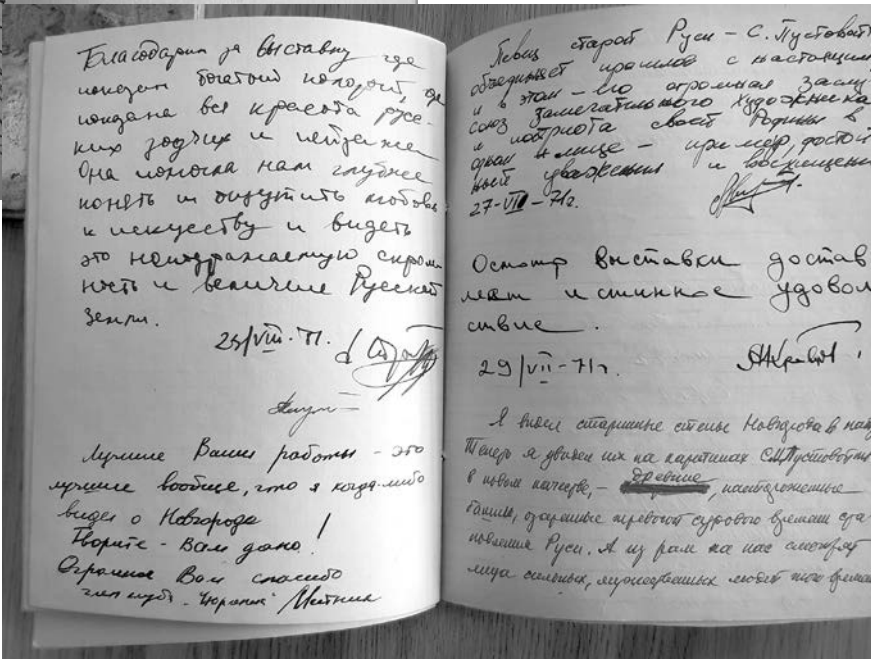
Неповторим был по красоте Хутынский монастырь 1147 г. Печально выглядит он в разрушенном виде, всё это навредили немецко-фашистские разбойники.

Я, как частное лицо, ходатайствую перед Вами, чтобы Вы поговорили с Новгородскими градостроителями о восстановлении Хутынского монастыря как памятника старины и большого исторического пошлого нашей Родины.

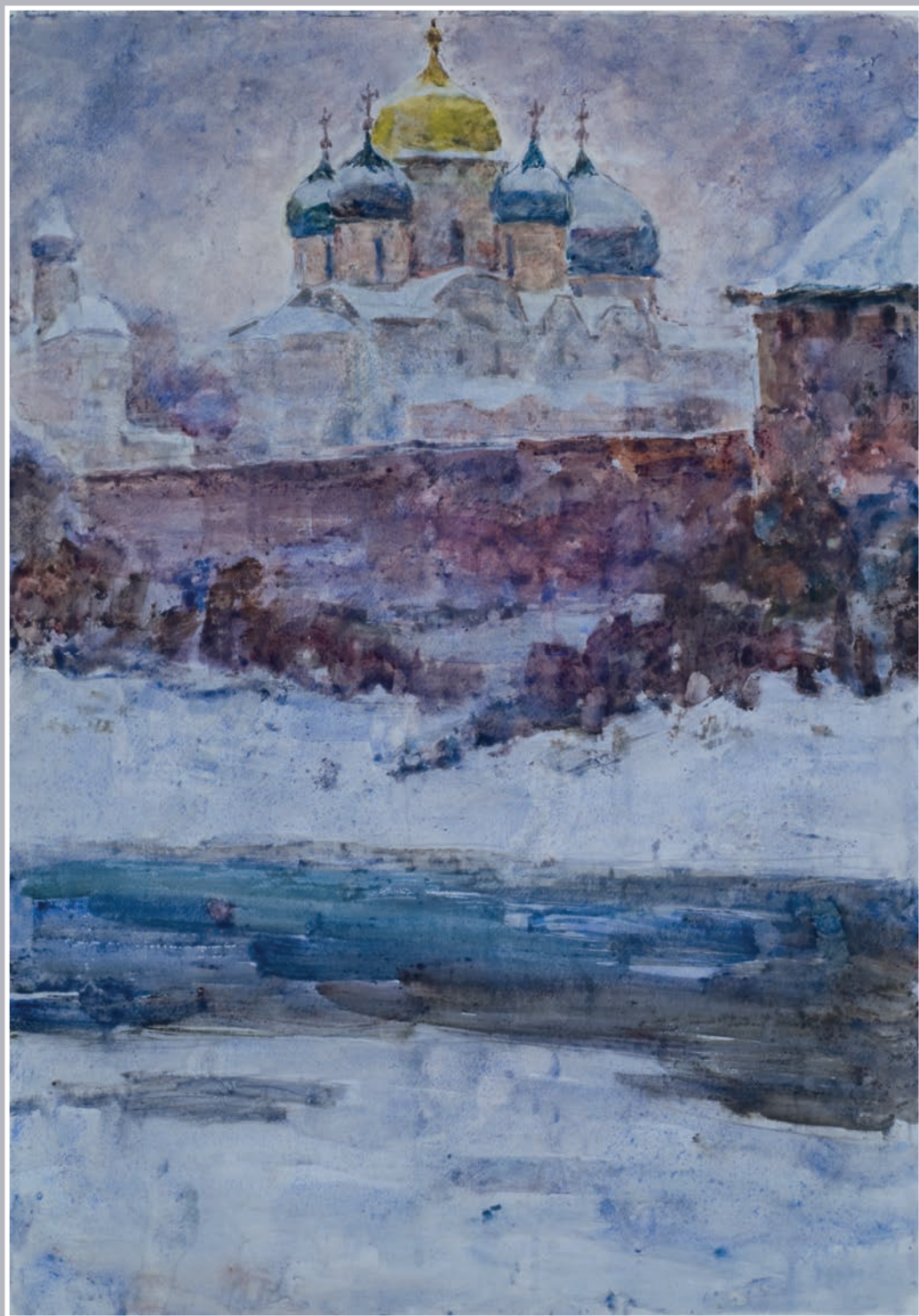
Много ещё исторических памятников Новгорода ждёт Ваших трудолюбивых рук и пронизательного взгляда одарённого художника.

Студент 4 курса исторического факультета НГПИ М. Решетов (?)

Книга отзывов о персональной выставке художника Пустовойтова С.И., проходившей в 1971 г. в г. Одесса в обществе «Знание». НГМ КП 48905-785

В публикации сохранена орфография и пунктуация авторов отзывов

С.И. Пустовойтов. НОВГОРОД. КРЕМЛЬ. СОФИЙСКИЙ СОБОР. 1970-е гг.
Бумага, акварель, 86,1 x 61,6 см. НГМ КП 28171

С.И. Пустовойтов. ЦЕРКОВЬ ФЕДОРА СТРАТИЛАТА. 1970-е гг.
Бумага, акварель, 86 х 61,5 см. НГМ КП 28172

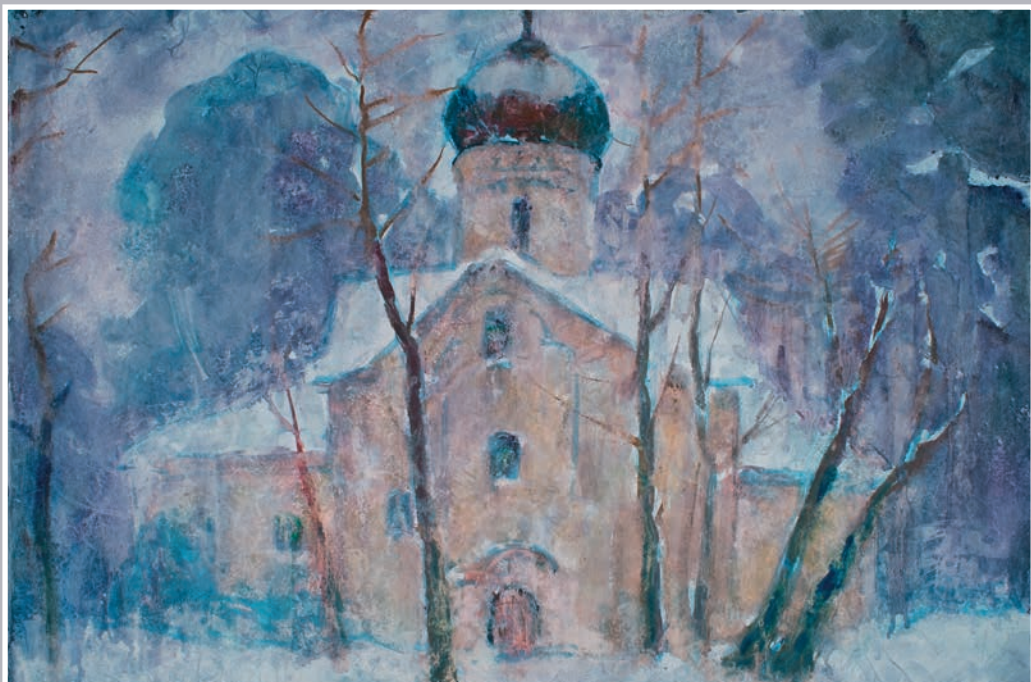
С.И. Пустовойтов. ВЕЛИКИЙ НОВГОРОД. ГЕОРГИЕВСКИЙ СОБОР. 1978 г.
Бумага, акварель, 86 х 61,5 см. НГМ КП 35461

**С.И. Пустовойтов. ВЯЖИЩИ. 1980 г.
Бумага, акварель, 62 x 86 см. НГМ КП 30856**

**С.И. Пустовойтов. МЯЧИНО. 1970-е гг.
Бумага, акварель, 61,5 x 86 см. НГМ КП 28547**

**С.И. Пустовойтов. ЦЕРКОВЬ РОЖДЕСТВА НА КРАСНОМ ПОЛЕ. 1979 г.
Бумага, акварель, 61,2 x 86 см. НГМ КП 34500**

**С.И. Пустовойтов. ВЯЖИЩИ. 1970-е гг.
Бумага, акварель, 61,7 x 85,7 см. НГМ КП 24788**

С.И. Пустовойтов. МОЛОТКОВО. ЗИМНИЙ ВЕЧЕР.
1975 г. Бумага, акварель, 61,5 x 85,9 см. НГМ КП 24542

С.И. Пустовойтов. КОВАЛЕВО. ОТРАЖЕНИЕ. 1977 г.
Бумага, акварель, 62 x 86 см. НГМ КП 26026

С.И. Пустовойтов. ЦЕРКОВЬ ИОАННА БОГОСЛОВА. 1970-е гг.
Бумага, акварель, 86 х 61,5 см. НГМ КП 28744

Сергей Брутман

НА ФОНЕ МИРОЗДАНИЯ

У Великого Новгорода был, есть и будет свой художник

В последние дни работы выставки «Акварельный Новгород», посвящённой 100-летию со дня рождения выдающегося художника С.И. Пустовойтова, в залах Музея изобразительных искусств состоялась презентация книги «Храм. Образ и судьба. Семён Иванович Пустовойтов. Избранное», изданной Новгородским музеем-заповедником.

«Чудак в тубетейке»

Многие новгородцы встречали когда-то Семёна Ивановича за этюдником, стояли за плечом художника в тубетейке, глядя, как под его кистью появляются на бумаге очертания знакомых памятников архитектуры. Некоторые, возможно, думали, подобно персонажу старого анекдота: «Смотри, как человек без "Поляроида" мучается...». Но вообще-то наши люди чаще искренне сопереживали живописцам, благо фигура художника на пленэре давно стала неотъемлемой частью новгородского ландшафта. Даже такого художника, как Пустовойтов, к которому

подчас относились, как к городскому чудаку. Благо Семён Иванович охотно вступал в разговоры с теми, кто был до них охоч. И беседы эти запоминались — речь мастера бывала причудливо-цветиста и всегда значительна, какого бы предмета ни касалась.

В слова его следовало вдуматься и вчувствоваться, как и в его работы, в которых то самое «знакомое» вдруг оказывалось каким-то иным. На акварелях Пустовойтова храмы переставали быть примелькавшейся горожанам деталью ландшафта — они казались не менее живыми, чем портреты людей, которые он писал тоже. Не случайно друзья вспоми-

нали однажды нечаянно увиденное — как художник, не зная о свидетелях, прильнул к стене церкви Иоанна Богослова, которую особенно любил изображать, и в порыве чувств поцеловал камни.

«Точно из тьмы вырывается, как из лап сволочизма, пепельно-белый, мраморный храм!»

Из письма С. Пустовойтова —
о ц. Иоанна Богослова.

Розовая тьма

В храмах и в пространстве вокруг них художник видел то, что дано было увидеть не каждому.

«Вчера я написал прекрасного Иоанна Богослова,... но и вчера же хотел разбить этюдник и планшет с акварелью, настолько пьяницы одолевали меня, требуя убрать мрачное небо, — дать его "розовым"... О, тьма, о, бескультурье, с детства не получившие человеческого начала...»

Из письма С. Пустовойтова

Елена РЫБИНА, археолог:

— Его часто не понимали, критиковали. Но он был абсолютно свободен от любых идеологических установок, мнений и замечаний. Это был совершенно свободный человек. Он жил, как дышал.

Татьяна ВОЛОДИНА, куратор выставки, автор-составитель альбома:

— Книга даёт представление о трагическом звучании работ Семёна Ивановича и трагичности его судьбы. И даже те его «мрачные» работы получились очень

живыми. И видно, что в них всегда есть надежда: среди тьмы всегда есть свет.

Тьма — она как раз застила глаза докучливых «пьяниц». «Мрачное небо», появлявшееся в акварелях в очередь с нарядным и прозрачным — это же был космос. Вселенная. Пустовойтов писал портреты великих строений — на фоне мироздания, которое находил единственно-равновеликим своим «героям». Храм и небо всегда были главными действующими лицами его пейзажей, а всё остальное — дерево, наши домишки — временным, переменным, бранным стаффажем*.

Понять написанные им храмы можно и так: слиток света противостоит хаосу... И люди, понимающие недоступное сентиментальным пьяницам, всегда находились.

Людмила СЕКРЕТАРЬ, историк архитектуры:

— Мы подарили академику Лихачёву одну из акварелей Пустовойтова с храмом Иоанна Богослова. Дмитрий Сергеевич был в таком восторге! У них с художником завязалась переписка. И Лихачёв при каждой встрече расспрашивал о судьбе Семёна Ивановича.

Глядя на это «эль-грековское», по выражению Пустовойтова, небо в сполохах, разрывающих тьму, поневоле вспоминаешь: Пустовойтов прошёл фронт. В боях под Старой Русой он, командир отделения пехоты (то есть «царицы войны», а на деле — самого жертвенного человеческого ресурса войны), получил страшную

контузию, которая заставляла врачей сомневаться, что раненый будет вести полноценную интеллектуальную жизнь... Вышло в точности наоборот. Близость смерти открыла ему, видимо, картину бесконечного боя высших сил во Вселенной. Может быть, он стал духовидцем, да таким, который ещё и может передать открывшееся ему — в образах, понятных нам. Что не каждому визионеру даётся.

Не оттуда ли и обострение чувства к людям, порой незнакомым, к жизни

* Стаффаж — второстепенные элементы композиции, создающие фон, окружение, среду для основных фигур и подчёркивающие их значение.

во всех её формах? В одном из писем Пустовойтов рассказывал, как увидел у погоста в Вяжищах женщину в трауре, плачущую и приговаривающую «Мой ласковый!»: *«Ни стихи Некрасова или ария юродивого... не потрясли меня так... Я был на многих похоронах и везде держался, а здесь разрыдался».*

Как он обрёл ещё и блистательную технику и стал не просто хорошим,

Людмила СЕКРЕТАРЬ:

— Материальная сторона жизни его мало интересовала. Главное для него было — открывать красоту. Открывать для себя — и дарить людям. Его чистая, светлая душа была настежь открыта людям.

Татьяна Зозуленко, журналист и член Союза художников, рассказывала в одной из публикаций, что Пустовойтов если

а выдающимся акварелистом, — это, наверное, уже дело не только вдохновения, но и трудолюбия.

Ген Пустовойтова

Владимир ГРЕБЕННИКОВ, художник:
— Он был готов дарить свои работы всякому, кто скажет слово о Древней Руси, о наших храмах.

и продавал «частным лицам» свои работы, то за 3—5 рублей, что превращало «делку» лишь в видимость продажи. И однажды, продав малознакомой новгородке свою большую, 86 х 62, акварель всё с тем же Иоанном Богословом аж за 50 рублей, вдруг узнал, что она — инвалид и, следовательно, совсем не богата, и назвал свой поступок «необъяснимой дуростью», и деньги решил вернуть, а акварель оставить ей как подарок.

Между прочим, я обнаружил, что на одной из интернет-площадок киевский владелец нескольких акварелей Пустовойтова выставил их десять лет назад на продажу за 350—400 долларов каждую. С тех пор, как водится, стоимость произведений могла только вырасти.

Свой и чужие

«Наверное, у каждого художника есть СВОЙ город. Как было бы хорошо, если бы у каждого города был СВОЙ художник... Как хорошо, что у Новгорода есть свой

При этом коллекцию акварелей Пустовойтова, которая стала ядром и юбилейной выставки, и нового издания, его наследники музею-заповеднику — подарили.

ИРИНА, дочь Семёна Ивановича:

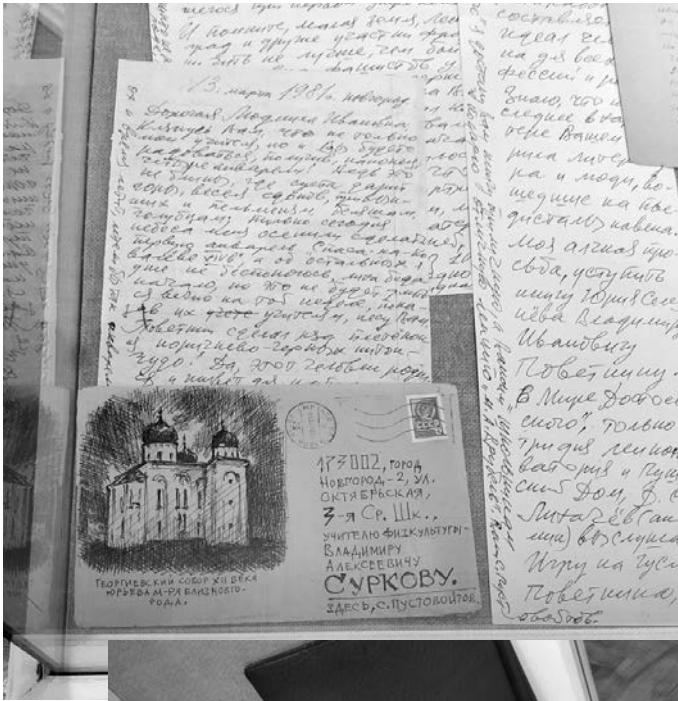
— У нас с Павлом, внуком Семёна Ивановича, единая позиция: картины должны быть в музее и служить людям.

«Ген бескорыстия» передан.

художник. Жаль только, что нет новгородского альбома с его репродукциями».

П. Волков, врач, г. Ленинград,
запись в книге отзывов
о выставке, 1972 г.

Собственно, беспокоило это и самого Пустовойтова. Не репродукции его работ, а вообще дефицит открыток с видами Новгорода. Приходилось чистые конверты своих писем украшать собственными рисунками.

Он хотел, чтобы голос города слышался повсюду. Благодаря музейному проекту, которому много сил отдал его куратор Исаак Фрейдман, это наконец произошло.

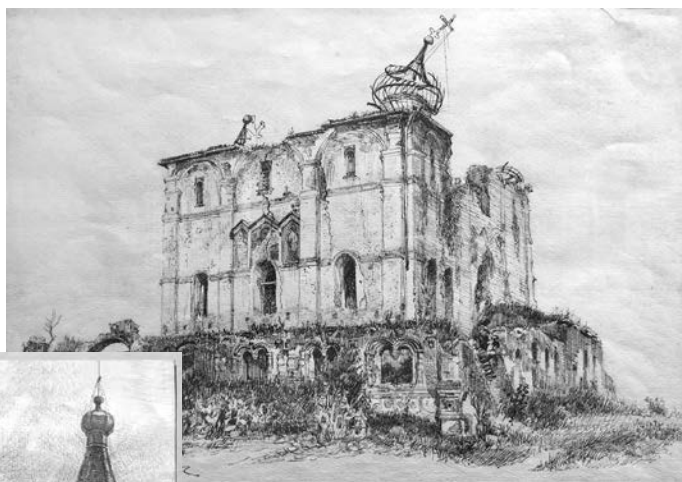
Даже не знаешь, удивляться или гневаться тому, что, собственно, город умудрился не выделить на альбом «своего художника» (и Почётного гражданина!) ровным счётом ничего. Допустим, не город, а его власти — но ведь они не с «эль-грековских» небес к нам спустились...

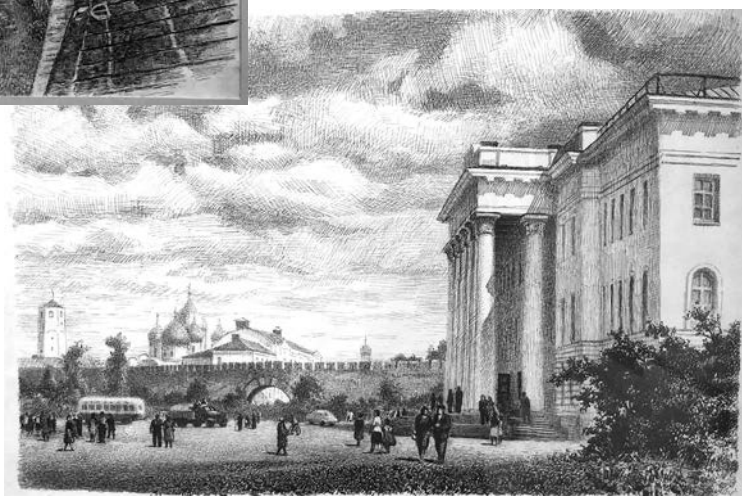
«Колокольня Знаменского собора»... должна быть рёвом и плачем всего Новгорода, она — как последний умирающий, и должна дать мучительный аккорд...»

Из письма С. Пустовойтова

Книга — не просто альбом репродукций, отлично выполненных и сохранивших прозрачность акварели. Она знакомит с воспоминаниями о художнике и доносит до нас его собственноручные заметки о жизни и искусстве.

Татьяна ВОЛОДИНА:
— Мы должны гордиться тем, что
у нас был такой художник. Был и есть.
И останется на все времена.

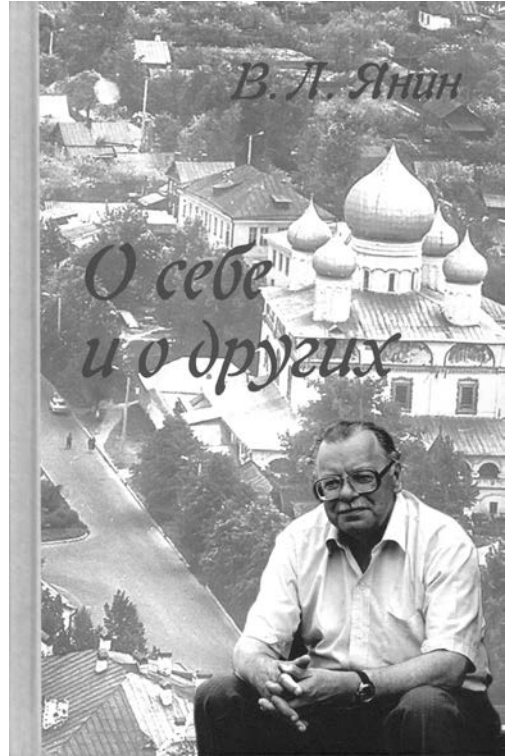

Сергей Козлов
ВРЕМЯ ЯНИНА

Книгу Валентина Лаврентьевича Янина «О себе и о других», увидевшую свет в самом начале 2021 года, можно назвать образом времени. В этом удивительном издании отразилось одно необыкновенного столетие, которое выпало на долю выдающегося учёного.

Как бы это ни звучало печально, но книга и закрывает дверь в это время, проводит черту между эпохами. Но не запечатывает! Это прозрачное музейное стекло, которое оберегает саму душу от неверных интерпретаций, от искажений, от забвения. И в то же время сквозь него проникают к нам, читателям и потомкам, живые эмоции, даже страсти XX века, большая мудрость и житейские уроки академической среды. Как же так получается?

Ни для кого не секрет, что научный гений Янина не исчерпывался фундаментальными трудами, бесчисленными статьями, популяризаторскими выступлениями перед общественностью и в СМИ. Его соратники и ученики знали о янинском мастерстве рассказчика исторического анекдота, баек об учёном окружении, шуточными сочинениями «по случаю». Новгородская археологическая экспедиция вообще прославилась своим полевым фольклором, и Валентин Лаврентьевич был одним из непревзойдённых скази-

телей в этом красочном явлении. Правда, лишь избранные тексты попадали в печать. Исключить авторскую устную манеру из этого наследия невозможно. Но, когда живой голос рассказчика замолчал, зазвучали книжные страницы. Можно считать это чудом, а можно — большим талантом. Но янинская интонация и на листе бумаги не потеряла своей остроты и выразительности, избежав сухой акаде-

мической фиксации. Сам автор оставил для читателей последующих времён и эту часть своего творчества.

Редакторской рукой профессор Елена Александровна Рыбина превратила предчувствие возможной книги в настоящее издание. В этом проявилась давняя литературная традиция, когда рукописи великих людей, не предназначавшиеся по какой-либо причине для печати или не дошедшие при жизни до окончательной формы, выходили уже после смерти автора. «О себе и о других» Янина — из их числа. Россыпи разнообразных и разножанровых текстов редактор придала элегантную форму.

В книге несколько разделов и список упоминаемых лиц с краткими пояснениями. С одной стороны, строгая и привычная среда для глаза исследователя. С другой — энергичное, масштабное путешествие по веку, наполненному встречами с удивительными людьми, глазами неутомимого и зоркого Валентина Лаврентьевича.

В предисловии Рыбина отмечает, что учёный не вёл дневников и не писал мемуаров. И правда, вся жизнь его ума — в русском средневековье. Для пытливого читателя масштаб личности Янина раскрывается через «Усадьбу новгородского художника XII в.» или «Очерки истории средневекового Новгорода», динамичный, искрящийся литературной находчивостью диалог учёный ведёт в легендарной книге «Я послал тебе бересту...», титанически сдвигая пласты истории и делая события давно минувших столетий близкими современному человеку. Но всё же, какими были первые шаги Янина-человека? Об этом

можно составить представление, прочитав раздел «О себе» в этой книге. Впрочем, получается снова не о себе, а о том трудном, даже страшном и трагическом времени, которое пришлось на детство и молодость учёного. Сколько в этих рассказах теплоты, остроумия, благодарности судьбе и людям. Без сентиментальности и горячности ностальгии, а даже с фирменной ехидцей и трезвой оценкой. В этом феномен Янина-литератора. Как историка и археолога, требовательного к точности и не терпящего пустословия. Как одарённого художника (в широком смысле), отбирающего выразительные рифмы жизни, уникальные артефакты человеческих характеров.

Всё это также в изобилии есть в разделе «О других». Янин-коллекционер, как многие знают, оставил не только собрание грампластинных записей, но и выдающееся каталожное описание, по степени фундаментальности сравнимое с его работами по средневековым документам, актовым печатям и берестяным грамотам. С такой же тщательностью он собирал анекдоты о своих наставниках, современниках-коллегах, других учёных и деятелях искусства. Впрочем, жанром анекдота не исчерпывается характер историй, рассказанных Валентином Лаврентьевичем. Их объединяет безусловная занимательность и литературный вкус. Некоторые из них находятся в статусе легенды, что автор специально обговаривает. Свидетелями других случаев является он сам. Отношение к героям историй самое разнообразное. Это чудаковатые и рассеянные мэтры, отчаянные и находчивые студенты, всевозможная номенклатура, в том числе от академиков, которая так и просится

в басню. Для каждого у Янина находится снайперски точная реплика.

Но не значит, что автор только и делает, что насмехается и подтрунивает. Повествование хоть и строго выстроено по темам и персоналиям, в нём ощущается неумолимый ход эпохи с её суровыми испытаниями для личности, человеческого достоинства. Янин непримирим, когда сталкивается с разрушительным невежеством. Его смех тогда перерождается в сатиру, нередко довольно горькую, потому что рушились судьбы молодых и строптивых талантливых людей при столкновении с бюрократизмом и косностью, что в мире науки, что среди чиновников.

Не случайно в книге возникает раздел «В мире языка». Валентин Лаврентьевич любил и знал русский язык. И это подкупает в нём даже самого далёкого от научных проблем читателя. Он неустанно подмечал игровую природу языка, его способность отражать характеры людей и целых явлений. Особенным восторгом заражает рассказчик, когда делится своими наблюдениями за ошибками и преступлениями против стиля, встречающимися в повседневности. Со вкусом Янин передавал в рассказах спектр смыслов и созвучий слов, трепетно относился к словоупотреблению, как редко какой,

даже высокообразованный, человек может похвастаться. И снова это не только демонстрация титанических возможностей ученого, а штрихи к портрету времени, законсервированного блестящей янинской фразой.

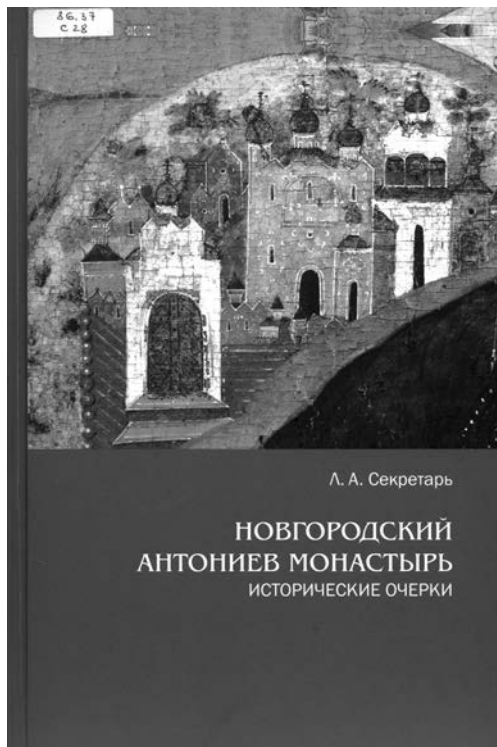
На обложке, которую сочинил историк и археолог Виктор Сингх, Валентин Лаврентьевич Янин изображён на фоне Знаменского собора — именно там по сей день располагается база Новгородской археологической экспедиции и звучали те самые истории. По лицу академика трудно догадаться — тихо ли он улыбается или грустит о чём-то, чему не дано совершиться. И этот образ как нельзя полнее соответствует настроению самой книги, посвящённой целому веку.

Наталья Морылёва
**«У НОВГОРОДА НЕТ СТАРОСТИ,
 ВОПРЕКИ ОБИЛИЮ В НЁМ ДРЕВНОСТЕЙ»**

Секретарь Л.А. Новгородский Антониев монастырь. Исторические очерки / Л.А. Секретарь; НовГУ им. Ярослава Мудрого. — 2-е изд., испр. и доп. — Великий Новгород, 2021. — 340 с. : ил.

Представляю вам книгу, замысел которой вынашивался более 30 лет. Возник он в момент подготовки Л.А. Секретарь научно-библиографической справки по истории строительства и архитектуры собора Рождества Богородицы и других построек Антониева монастыря, необходимой для проведения комплексной реставрации в 1985 году. Все последующие годы шла скрупулёзная и вдумчивая работа по сбору источников литературного, документального, иконографического характера, обнаруженных исследователем в архивах, музеях и библиотеках Новгорода. Петербурга и Москвы. И творческое осмысление, переработка, авторская интерпретация этих материалов, а также публикации отдельных статей и глав в таких знаменитых книгах Людмилы Андреевны, как «Дома, события, люди. Новгород XVIII—XX вв.», «Монастыри Великого Новгорода», для того чтобы постепенно выкристаллизовалось историческое прошлое такого значительного духовного и социокультурного явления, как Антониев монастырь. Ведь

на протяжении девяти веков он выступал как центр православия, образования и культуры.

В последнем очерке книги не обойдена вниманием и современная жизнь древней обители. В настоящее время на территории монастыря разместился Гуманитарный институт Новгородского университета. Бывший монастырский комплекс — шестнадцать построек XII—XIX веков, многие из которых внесены в списки Всемирного наследия ЮНЕСКО. Университет заинтересован в изучении, сохранении истории и традиций Антониева монастыря, преподаватели и сотрудники университета ощущают себя продолжателями той духовной миссии, которую долгое время поддерживали сначала насельники монастыря, затем преподаватели и учащиеся Новгородской духовной семинарии, открытой в 1740 году. И даже после Октября 1917 года, когда была закрыта семинария (1918) и упразднён монастырь (1920), учреждения на территории этого архитектурно-художественного комплекса продолжали служить образованию и культуре. Сначала здесь располагался техникум. Затем педагогический институт, университет. В монастырских корпусах не так давно был устроен Центр реставрации монументальной живописи Новгородского музея-заповедника, храм Рождества Богородицы является объектом экскурсионного показа. В церкви Сретения Господня XVI века восстановлено богослужение, она стала университетским храмом. Здесь же открыт учебно-научный центр русской письменности и книжной культуры. И все эти усилия направлены на сохранение культурного наследия монастыря и создание инновационного Всероссийского научно-образовательного духовно-просветительного

комплекса «Антоново». В серии «Новгородская историческая библиотека» университетом и центром в 2010 году уже была издана книга Л.А. Секретарь, полностью посвященная одной из страниц истории Антониева монастыря «Новгородская духовная семинария. Наставники и ученики», а в 2014 вышла книга «Новгородская духовная семинария. История в лицах».

Строго говоря, представляемая вам книга не является полновесной всеобъемлющей историей Антониева монастыря. Слишком мало документов, исторических фактов, литературных источников и предметов материального мира дошло до нас за века существования обители. Выбранная автором форма исторических очерков позволяет пунктирно обозначить разнообразные и разноплановые темы, связанные с основанием монашеского братства, с духовным и жизненным путем наиболее ярких его представителей. С церковными обрядами и традициями Антониева монастыря и социально-экономическим положением обители до и после присоединения Новгорода к Москве. С историей создания, исследования и реставрации монастырских построек — храмов, трапезной, колокольни, библиотеки, жилых и учебных корпусов и с тем сакральным-духовным и художественно-культурным наполнением, что вносили в обитель жившие когда-то в Антониевом монастыре монахи и приглашённые мастера артелей, создававшие материальное воплощение Небесного града на земле.

Антониев монастырь был основан в начале XII века иноземцем Антонием Римлянином по правилам греческих мо-

настырей, в тот период, когда ещё были так тесны религиозные и культурные связи между Великим Новгородом, Востоком и Западной Европой. В последующие столетия он играл важную роль в духовной, общественной, художественной и просветительской жизни Великого Новгорода. Естественно основателю монастыря уделяется внимание с первых страниц книги. Анализируется его Житие и Духовная грамота, которые позволяют составить представление о масштабе его личности, его христианском мировоззрении, трудах по устройению обители и даже определить примерное место, так называемую «Великую Грецию», откуда начался его исход из Южной Италии. Ведь именно в это время после раскола 1054 года и разделения христианства на православие и католицизм, начались притеснения расположенных там греческих монастырей со стороны папских властей. Житие преп. Антония сохранилось в многочисленных списках. Главный автор Жития — монах Антониева монастыря Нифонт — написал его в 1597—1598 годах, включив туда древний первоначальный текст, записанный со слов самого Антония, Андреем, ставшим игуменом монастыря, после смерти его основателя. Причиной написания Жития явилась официальная общерусская канонизация преподобного Антония Римлянина, которая произошла в XVI веке. В отдельных очерках Людмила Андреевна рассматривает историю этой канонизации, а также обретение и судьбу мощей преподобного, исследует сюжеты, композиции, очерчивает смысловые нюансы иконописных и скульптурных изображений святого. Повествование

подкреплено изобразительным рядом икон, посвящённых Антонию Римлянину, находящихся в разных музеях России и мира и фотографией одного из житийных списков.

Тут же можно увидеть изображения книг и рукописей, происходящих из Антониева монастыря и использовавшихся во время проведения литургий, церковных служб, праздников. Наиболее интересный из них, с точки зрения заключённой в нём информации, — Синодик Антониева монастыря. Потому что он доносит до нас имена и деяния монастырских насельников на протяжении всей истории обители. Среди них игумен Геласий, казнённый во время разорения Новгорода Иваном Грозным. В Синодике имя Геласия включено в почётный ряд создателей обители вслед за Геронтием, при котором в 1528 году был принят общежительный устав и построена в 1537 году церковь Сретения. И уже упоминаемые создатели Жития преподобного Антония Римлянина — игумен Андрей и монах Нифонт. Старец Анания, который, выступая духовным отцом Нифонта, сподвиг его на написание Жития. Он же, как иконописец, без сомнения, принимал участие в работах по созданию нового четырёхъярусного иконостаса в Рождественском соборе в 1560-х годах. Возможно, даже был руководителем артели трудившейся над написанием икон. Сведения о нём едва-едва проступают сквозь дымку времён, но сохранившиеся иконы трёх рядов иконостаса (сейчас экспонируются в большом зале Присутственных мест) несут на себе ощущение большого мастера, руководившего творческим процессом. Их стилистическое единство

проявляется в характере личного письма, в композиционных и колористических особенностях.

Наличие большого числа документальных источников позволили Л.А. Секретарю создать целые очерки о некоторых монахах Антониева монастыря. Среди них богослов, написавший памятник канонического права «Вопрошания» и первый русский математик, автор «Учения о числах», монах, диакон, domestik (руководитель хора) — Кирик. Игумен Антониева монастыря Моисей, автор «Поучения» и «Слова», проповедующий против грехов человеческих и языческих обычаев. Они в течение XII века были преемниками и продолжателями трудов преподобного Антония. Игумен Антониева монастыря архимандрит Сава Купров был талантливым дипломатом. В 1353 году возглавлял посольство в Царьград (Константинополь), ездил с посольством в Москву, послом в «немецкую землю». Особую роль в экономическом благосостоянии монастыря и включении его в орбиту государственных интересов сыграл Александр Невский. Ему посвящён отдельный очерк, рассказывающий и об установлении в монастыре с XIII века особого почитания святого князя.

Подробнейшим образом рассматривается в нескольких очерках комплекс монастырских построек, начатых трудами Антония Римлянина, заложившего каменный собор в честь Рождества Богородицы, украшенный его стараниями фресковой росписью, каменную «трапезницу» и продолженные его преемниками усилия по возведению каменных церквей. Среди них Храм над Святыми воротами

(XIV век), Храм Сретения с трапезной палатой (XVI век). Многовековая история не раз меняла внешний облик обители и внутреннего убранства храмов. Здания страдали от пожаров, разрушались, многократно перестраивались, записывалась фресковая живопись, поновлялись иконостасы, создавались новые алтарные преграды. И постепенно складывался тот архитектурный и художественный ансамбль, эволюцию которого позволяет проследить автор на протяжении веков.

Увидеть изменения монастыря и его строений от первоначального облика до современного состояния помогают многочисленные иллюстрации: изображения монастыря на новгородских иконах и миниатюрах лицевого летописного свода Ивана Грозного, планы и проекты реставраций, реконструкции и обмерные чертежи, гравюры и литографии, старинные открытки и фотографии. Замечательные цветные вкладки дают возможность познакомиться с сюжетами сохранившихся первоначальных росписей собора Рождества Богородицы с их мощной экспрессией, выразительностью образов, контрастной колористической гаммой, построенной на сочетании чистых ярких красок. А также увидеть иконы, которые размещались в иконостасе главного храма монастыря на алтарной преграде.

Вся древняя история Антониева монастыря и его скрипторий, где переписывались книги, и хранилище рукописей, и древняя монастырская лечебница, и весь комплекс созданных в монастыре житийных, богословских, проповеднических и научных трудов стали важными побудительными мотивами для организации Новгородской духовной семинарии

в 1740 году именно в его стенах, а также преподавания здесь естественных наук и медицины.

Серия очерков посвящена истории духовной семинарии. Они продолжают и расширяют содержание книги «Новгородская духовная семинария. История в лицах» (2014), но, в отличие от книги, в очерках сделан акцент не на создании портретной галереи педагогов и учащихся, *«а на истории самого учебного заведения и его роли как образовательного и духовного центра, выпускники которого не только трудились в Новгородской епархии, но и по всей России и за ее пределами, усвоив и продолжив традиции своей alma mater»*.

Собранные по разным источникам новые материалы, несмотря на свой частный характер, важны для понимания общих исторических процессов в России. На фоне расшатывания нравственных устоев, протестного движения, которое не обошло и духовные учебные заведения, войны и революционных настроений разворачивается история последних десятилетий существования семинарии и судьбы его учащихся и выпускников. События последних лет жизни семинарии позволяют проследить дневники наблюдений за поведением семинаристов, которые вели их наставники с 1913 по 1918 год. Очерк «Трагические страницы в истории монастыря» рассказывает о тяжелейшем периоде его истории, начиная с его ликвидации в 1920 году, кампании по изъятию церковных ценностей, попытках уничтожения монастырских зданий и зафиксированных в 1944 году разрушениях, которым монастырь подвергся во время войны.

Людмила Андреевна рассказывает о десятках воспитанников Новгородской духовной семинарии, участвовавших в Первой мировой войне, сражавшихся на фронтах и работавших в тылу. Об отношении их к Октябрьским событиям и советской власти, о том, как сложились их судьбы в советское время. Среди них С.М. Смирнов и Н.Г. Порфиридов, которые стояли у истоков послереволюционного музейного дела в Новгороде, занимались изучением и сохранением истории нашей Новгородской земли. К.Д. Митропольский — с 1926 года руководитель Новгородского педтехникума, размещавшегося в Антониевом монастыре. В 1932 году, когда в Антонове открывается педагогический институт, он возглавил и его. В.А. Весский, В.И. Успенский, Д.А. Кулигин — по-разному сложились их жизни, но все они бережно хранили память о годах, проведенных в семинарии, помнили своих учителей, давших им прекрасное образование, и поддерживали дружеские связи со своими однокашниками. Рассказ о различных аспектах истории семинарии иллюстрируется разысканными и собранными автором фотоматериалами, портретами, фотографиями документов.

Новгородская духовная семинария являлась не только образовательным, но и духовным центром, в котором воспитывались настоящие христианские подвижники, своей жизнью показавшие истинный путь служения Богу и спасения души. Среди воспитанников и педагогов семинарии прославленные Русской православной церковью святители Тихон Задонский и Феофан Затворник. В ряду выпускников предреволюционных лет,

пытавшихся противостоять гонениям новых властей, не изменивших своим принципам, прошедших свой крестный путь до конца и погибших за Церковь, причисленные лику святых в начале XXI века Варсонофий (Лебедев) и Онисим (Пылаев), канонизированный на Архиерейском Соборе Зарубежной Русской православной церкви в 1981 году Иосиф (Петровых). Сохранившиеся фотографии и портреты позволяют взглянуть в их смиренные и молитвенные лица.

Уникальным книжным собраниям: монастырскому книгохранилищу и семинарской библиотеке, истории их формирования, составу, судьбе книг после 1917 года посвящён отдельный очерк. Причём если библиотечное собрание уже не раз изучалось разными исследователями, то попытка представить репертуар монастырского книгохранилища делается автором впервые.

Сложный путь становления педагогического образования, проходивший в стенах Антониева монастыря в советский период, освещается в заключительных очерках книги. В 1918 году организован Новгородский учительский институт. Бурная деятельность Губернского отдела народного образования по слиянию и реорганизации имеющихся в Новгороде учительских семинарий и института привели к появлению в 1919 году Новгородского института педагогического образования (НИНО). Его ректором остался В.И. Покровский. С 1922 года институт начал называться «практический» (ПИНО) в связи с тем, что всё более обрел практическую направленность в обучении. Эта тенденция усилилась, когда в 1923 году он был реорганизован в гу-

бернский государственный педагогический техникум с сельскохозяйственным уклоном. Все эти годы проходили под знаком жесткого требования к социальному происхождению студентов и увеличению числа политических дисциплин, хотя русская история и литература преподавались в достаточно больших объёмах. В 1932 году директору педтехникума, выпускнику Новгородской духовной семинарии К.Д. Митропольскому пришлось вновь организовать высшее учебное заведение по подготовке учителей. Просуществовал Педагогический институт им. М.Н. Покровского до 1934 года и был реорганизован в Учительский (НГУИ), со сроком обучения три года. В разные периоды в Новгороде преподавали выдающиеся учёные. Так, на историческом факультете читали лекции В.А. Фарфаровский, Б.Я. Рамм, В.А. Фигаровский, Н.Н. Розенталь, Я.М. Захер.

Но идеологизация учебного процесса, заострённого не на качество педагогического образования, а на выпуск подготовленных в духе марксизма-ленинизма верных сталинцев, репрессии среди педагогического состава, чехарда с постоянными реорганизациями — всё это не могло не сказаться на образовательном уровне будущих учителей. Студенты тоже подчинялись требованиям времени — комсомольская и профсоюзная работа, соревнование за лучшие показатели в учёбе. Однако молодость есть молодость — жили весело — театр, кино, каток, экскурсии, спортивные и военизированные соревнования. Ведь все жили в предчувствии войны. В Новгороде был даже создан аэроклуб, где некоторые студенты обучались лётному делу. О конкретных

судьбах студентов этого поколения мало что известно, но, несомненно, все они, кто в тылу, кто на фронте, участвовали в Великой Отечественной войне.

История НГУИ, прерванная войной, возобновилась в 1945 году в городе Боровичи, так как Новгород лежал в руинах. Возобновилась, по сути дела, с нуля: не было материально-технической базы, преподавателей, учебной литературы, не была на высоте в военные годы и школьная подготовка.

Среди тех, кто восстанавливал вуз, его руководитель — А.И. Антипов, филолог С.В. Касторский, историк В.И. Абрамов, естествовед С.Н. Вахлаков, русист Б.В. Леохновский, математик Н.А. Арцибашев. В 1953 году НГУИ вернулся в свои родные стены в Антониев монастырь и стал называться Новгородский государственный педагогический институт (НГПИ). Преподаватели НГПИ и НовГУ Р.Н. Макейкина и Н.С. Федорук много и плодотворно занимались историей педагогического образования, протекавшего в корпусах древнего монастыря. Их многочисленные публикации, а также созданная Научной библиотекой университета серия библиографических указателей «Учёные университета», книжные; журнальные, газетные материалы из изданий «Новгородский университет», «Время открытий» и легли в основу очерков, посвящённых истории НГПИ до того момента, когда 1993 году он вошёл в состав НовГУ, а также истории созданного в рамках НовГУ Гуманитарного института (ИГУМ), которому в 2021 году исполнилось 25 лет. Это время становления и развития историко-филологического, физико-математического, естественно-географическо-

го факультетов в НГПИ, организации факультета иностранных языков (1961) и создания философского факультета (1994). Время появления новых кафедр на уже существующих факультетах, научных лабораторий и проектов, открытия исследовательских и учебных центров, конференций, семинаров, издания книг. Словом, вся учебно-организационная и научно-исследовательская деятельность преподавателей, в которую вовлечены и студенты, отражена в заключительных очерках. В НГПИ и НовГУ преподавали замечательные педагоги, которые сочетали дар учёного и талант учителя: В.П. Строгова, С.Н. Орлов, Л.М. Лихтарников, В.В. Мусатов, М.М. Шумилов, создатель научной школы фразеологии В.П. Жуков, С.Г. Десятков — учёный и писатель, автор исторических романов из Петровской эпохи. Перечислять имена преподавателей НГПИ, а потом и НовГУ можно очень долго. Они смотрят на нас с многочисленных фотографий. Это и официальные портреты, и групповые снимки, где все серьезно и напряженно глядят в камеру, и непосредственные сценки, подсмотренные фотографом во время занятий, экзаменов, со студентами, в лабораториях и библиотеке, во время семинаров и конференций, открытия выставок, музеев и образовательных центров.

О том, какой объём источников был найден и освоен автором книги, даёт представление список литературы, помещённый в конце издания. Он занимает более 30 страниц. А ещё ссылки на существующую литературу в каждом конкретном очерке, которые, с одной стороны, дают возможность читателю углубить свои знания, познакомиться с другими

взглядами на поднимаемые вопросы. С другой — показывают ту творческую и интеллектуальную работу, которую проделала Л.А. Секретарь, чтобы собрать и авторски интерпретировать все эти разрозненные источники в единое целое.

Вы знаете, в христианстве есть такое понятие, как Лествица — Лестница духовного восхождения, — которое символизирует восхождение православного верующего, монаха к Богу, когда ступень за ступенью он, поднимаясь вверх, идёт по пути постижения Божественной истины, борясь с грехами и человеческими слабостями, преодолевая зло и духовно совершенствуясь с помощью молитвы. Такой мотив, по мнению Людмилы Андреевны, есть и в росписи главного храма Антониева монастыря на стенах и столбах лестничной башни. *«В простенке между изображением св. монаха и Богородицы странным образом вклинивается небольшой по размерам рисунок человеческой фигуры с надписью "Петръ". Человек одет в обычную для горожанина того времени одежду — кафтан, перетянутый кушаком, обут в башмаки с загнутыми вверх носами. Его образ напоминает фигуру новгородского мастера Авраамки на Маддебургских воротах Софийского собора... профиль с выступающим немного приподнятым кверху носом и выдающимся вперед подбородком. Усы, небольшая бородка и взлохмаченные волосы создают портретный образ неизвестного нам Петра. Он движется вверх — к храму... Может быть таким идущим вверх по ступеням Лествицы, представлял себя один из трудившихся в храме мастеров?».*

К чему эта цитата? Дело в том, что для меня вся история создания этой книги, так надолго растянувшаяся во времени и прошедшая много чудесных промежуточных этапов, выступает образцом подобного служения, движения вверх, «дорогой к храму». «Лествицей», по которой поднимается автор книги — Людмила Андреевна Секретарь, уже много лет не перестающая удивлять новгородцев своими глубокими, серьёзными, и в то же время доступно написанными исследованиями. И служением на ниве культуры и истории.

О творческой биографии Л.А. Секретарь можно прочесть в короткой справке, на последней странице издания, а также во вступительном слове доктора искусствоведения Георгия Герова «О книге и ее авторе», где он отмечает характерное для книг Людмилы Андреевны стремление сочетать исследовательское и просветительское начало и умение, несмотря на сложность и неоднозначность исторического материала, подавать его легко и увлекательно.

Завершить хочу словами из рецензии Митрополита Новгородского и Старорусского Льва, которая открывает книгу: *«Новая книга Людмилы Андреевны Секретарь "Новгородский Антониев монастырь. Исторические очерки", безусловно, является важнейшим вкладом в изучение истории и систематизации знаний прошлого новгородской земли... Да будет эта книга хорошим пособием всем тем, кто интересуется историей нашего Отечества и, в частности, Великого Новгорода».*

Дарья Терешкина
 «НА ТОНКОЙ ГРАНИ МЕЖДУ...»

Де Микелис, Чезаре Дж. Жидовствующие. Новгородско-московская ересь XV века и ранняя Реформация: монография / Чезаре Дж. де Микелис; перевод с итальянского А.В. Бычковой; НовГУ им. Ярослава Мудрого. — Великий Новгород, 2021. — 210 с.

Книга Чезаре Дж. де Микелиса «Жидовствующие. Новгородско-московская ересь XV века и ранняя Реформация» давно ждала «своего часа» доступа к широкому русскоязычному читателю, будучи впервые опубликованной на итальянском языке ещё двадцать пять лет назад. Труд был известен лишь узкому кругу российских учёных, так или иначе занимающихся историей еретичества в Древней Руси. Отраднo, что труд Ч. Дж. де Микелиса публикуется на русском языке именно в Великом Новгороде, одном из важнейших центров распространения «инакомыслия» и «вольномыслия» в Древней Руси. В этом заслуга сотрудников недавно открывшегося в Новгородском государственном университете Итальянского центра и их итальянских коллег, прежде всего Итальянского института культуры в Санкт-Петербурге во главе с директором института Паолой Чони, бывшей Почётным доктором Новгородского университета им. Ярослава Мудрого, скоростно скончавшейся осенью 2021 года и успевшей многое сделать для

Чезаре Дж. де Микелис

ЖИДОВСТВУЮЩИЕ.
 НОВГОРОДСКО-МОСКОВСКАЯ
 ЕРЕСЬ XV ВЕКА И РАННЯЯ
 РЕФОРМАЦИЯ

развития русско-итальянских культурных связей, с искренней любовью относившейся к России и россиянам.

Изучение еретических движений — чрезвычайно сложное научное занятие. Отсутствие прямых свидетельств

распространения ереси среди населения, которые, по большей части, были уничтожены официальной Церковью либо искажённый характер сохранившихся источников дают основание для очень разных взглядов на еретичество как социокультурное явление. Это касается и идентификации и интерпретации источников, входящих в круг официальных антиеретических документов или тех текстов, которые могут в той или иной мере расцениваться как содержащие еретические учения или идеи. Именно поэтому чем больше качественных исследований еретичества в Древней Руси (в том числе противоречащих друг другу или корректирующих друг друга), тем лучше — для максимально возможной объективности в создании полной картины распространения еретических движений в России, и не только в средневековый период.

Охват материала в рецензируемом исследовании чрезвычайно широк. Небольшая по объёму (210 страниц) книга содержит 11 глав, в которых представлены общая картина распространения ересей в Новгороде и Москве с конца XIV по XVI век, анализ основных источников по истории еретичества. Так, глава 3 целиком посвящена библиотеке жидовствующих — т. е. тех книг, которые, предположительно, были в кругу чтения отпавших от официального учения. В книге рассмотрены многообразные влияния на идеи и общее мировоззрение сторонников еретических воззрений, среди которых были такие фигуры русской истории, которые оказали на неё чрезвычайно важное влияние. Среди них были как известные науке — например, Фёдор Курицын, — так и множество безвестных

приверженцев и распространителей еретичества, достигшего в XV веке чрезвычайных масштабов и затронувшего даже окружение московского царского двора. Важно подчеркнуть, что круг проблем, очерчиваемых в исследовании Ч. Дж. де Микелиса, гораздо шире тех, что заявлены как главная проблема книги, и включает широчайший контекст русской и европейской общественной и религиозной жизни XIV—XVI веков. Это объясняется чрезвычайной сложностью исследуемого явления, а также избираемой исследователем методологией, которую он сам называет «пограничной», вкладывая в это слово многие смыслы, главный из которых — балансирование, как пишет сам исследователь, *«на тонкой грани между "предположением не таким уж нелепым" и "максимально правдоподобным предположением"»* (с. 12), что в исследовании еретических движений становится неизбежной тактикой. Книга итальянского исследователя подкупает исследовательской честностью и научной смелостью — одно это обстоятельство ставит рецензируемый труд в ряд важнейших достижений в изучении русского средневековья.

Высокая научность рецензируемого труда не подвергается сомнению: ещё до русскоязычного перевода исследование Ч. Дж. де Микелиса широко включалось в научные дискуссии и в монографии российских учёных по еретичеству. Отдельно следует отметить совершенно уникальное «Послесловие» в книге — своего рода авторецензию, где Ч. Дж. де Микелис отвечает на многие рецензии и отклики, появившиеся на его труд за долгие 25 лет после его создания. Научная корректность и исследовательская этичность

труда Ч. Дж. де Микелиса счастливо сочетается с душевностью, живостью изложения материала, лёгким и ярким языком.

Ещё одно важное замечание. Несмотря на чрезвычайную сложность изучаемых явлений, в книге Ч. Дж. де Микелиса ощущается жизнеутверждающая сила воззрений её автора. Еретичество исследователь смело и однозначно называет «заразой», поразившей в своё время большую часть населения Руси и приведшей к страшным последствиям как для отдельных участников двух противоборствующих сторон, так и для всего государства. Как бы ни были «оправдательны» действия и убеждения еретиков, они разрушали единство Церкви, общность народа, поступательное развитие его духовной жизни — в этом состоит пафос исследования Ч. Дж. де Микелиса. В этом смысле его книга имеет не только научное, но и воспитательно-просветительское значение.

Чезаре Дж. де Микелис (р. 1944, Рим) — Почётный профессор Римского Университета «Тор Вергата», член «Пушкинского Общества», лауреат «Калабрь-

ской премии по всемирным литературам». Окончил Римский Университет под руководством Анджело М. Рипеллино, а также МГУ им. Ломоносова в 1966—1967 годах. Впоследствии стал преподавателем по русской литературе в университете города Бари, а с 1981 года — заведующим кафедрой русского языка и литературы в Риме. Читал лекции в России, Франции, Германии, Литве, Чехии, Израиле, США. Работал редактором научных журналов — «Ангелус Новус», «Протестантизм», «Руссика Романа», и издательств — «Мондадори» и «Марсилио», в течение тридцати лет, с 1978 по 2008, сотрудничал в газете «Ла Репубблика» (Рим). Среди трудов Чезаре Дж. де Микелиса — монографии «Борис Пастернак» (Флоренция, 1968) и «Константин Фофанов» (Венеция, 1973), исследования «Новгородская Вальденщина: жидовствующие и ранняя реформация» (Турин, 1993) и другие. Переводчик с русского языка на итальянский произведений О. Мандельштама, А. Белого, Б. Пастернака, В. Шкловского, А. Блока, В. Брюсова, А.С. Пушкина, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, Н.В. Гоголя, А. Луначарского.

БРУТМАН Сергей Израилевич, журналист, писатель, главный редактор «Новой Новгородской газеты»

ВАСИЛЬЕВА Ирина Михайловна, искусствовед, Заслуженный работник культуры РФ, заведующая отделом комплектования, изучения и популяризации музейных коллекций Новгородского музея-заповедника

ВОЛОДИНА Татьяна Владимировна, кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник Новгородского музея-заповедника

ВОСТРОВ Алексей Владимирович, исследователь, преподаватель Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого

ДРОЗДОВА Жанна Владимировна, старший научный сотрудник филиала «Музеи Ф.М. Достоевского в Старой Руссе»

ЖЕРВЭ Нина Наумовна, историк, сотрудник отдела «Музей истории Санкт-Петербургского государственного университета»

КИРИЛЛОВ Александр Николаевич, краевед, поэт

КОВАЛЕНКО Геннадий Михайлович, кандидат исторических наук, доцент

КОВАЛЁВ Борис Николаевич, профессор, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук

КОЗЛОВ Сергей Александрович, кандидат филологических наук, научный сотрудник Новгородского музея-заповедника

КОНЕЦКИЙ Владимир Яковлевич, кандидат исторических наук, археолог, историк

КУЗНЕЦОВ Андрей Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры культуры и психологии предпринимательства Института экономики и предпринимательства Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород

ЛЁФСТРАНД Элизабет, доктор философии, профессор, доцент кафедры славянских языков Стокгольмского университета, Почётный доктор НовГУ (Швеция)

МАЦУМОТО Кэнъити, мастер философских наук, русист, исследователь (Япония)

МОРЫЛЁВА Наталья Ивановна, главный библиотекарь отдела обслуживания пользователей и хранения фондов НовГУ

ПУХНАЧЁВА Екатерина Юрьевна, кандидат искусствоведения, доцент кафедры культурного наследия Московского государственного института культуры

РАННЕ Александр Игоревич, митрофорный протоиерей, клирик Новгородского Софийского кафедрального собора, председатель отдела по религиозному образованию и катехизации Новгородской епархии, доцент Санкт-Петербургской духовной академии, проректор по учебной работе и преподаватель Новгородского духовного училища

СЕКРЕТАРЬ Людмила Андреевна, историк, Заслуженный работник культуры РФ

СЕЛИН Адриан Александрович, доктор исторических наук, профессор Департамента истории НИУ ВШЭ — Санкт-Петербург

СМИРНОВ Виктор Григорьевич, кандидат исторических наук, писатель, сценарист, телеведущий, Почётный гражданин Великого Новгорода

ТЕРЕШКИНА Дарья Борисовна, доктор филологических наук, профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры филологии НовГУ

ТРОЯНОВСКИЙ Сергей Викторович, кандидат исторических наук, председатель РОО «Новгородское общество любителей древности»

ХОХЛОВ Илья Владимирович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Новгородского музея-заповедника, член Совета отделения Российского исторического общества в Великом Новгороде

ШМЕЛЁВА Татьяна Викторовна, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики НовГУ

ЯНИН Валентин Лаврентьевич (1929–2020), академик РАН, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова, руководитель Новгородской археологической экспедиции, Почётный гражданин Великого Новгорода

Научно-популярное издание

Дизайн *Алексей Востров*
Корректор *Елена Ефимова*
Техническое редактирование и вёрстка *Элина Белоножка*

Фотографии предоставлены авторами статей

В оформлении использованы прориси новгородских печатей из книги
Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати
Древней Руси X—XII вв. Т. 3. М., 1998

ООО «Издательство «Вече»

Адрес фактического местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.
Тел.: (499) 940-48-70 (факс: доп. 2213), (499) 940-48-71.

Почтовый адрес:
129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес:
129110, г. Москва, пер. Банный, дом 6, помещение 3, комната 1/1.
E-mail: veche@veche.ru
<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 27.12.2021.
Формат 70 × 100 1/16. Гарнитура Minion Pro.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 14. Тираж 500 экз.
Заказ №

ISBN 978-5-4484-3571-3

9 785448 435713

